

Ученые записки

**Актуальные вопросы
борьбы
с преступностью**

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 258

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1976

В сборнике наряду с общетеоретическими проблемами рассматриваются вопросы совершенствования и применения отдельных институтов уголовного и уголовно-процессуального законодательства, некоторые дискуссионные вопросы криминологии и криминалистики.

Сборник предназначается для научных работников, аспирантов и студентов старших курсов, а также практических работников, интересующихся проблемными вопросами теории советского уголовного права, процесса, криминологии и криминалистики.

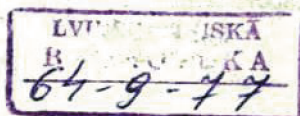
Редакционная коллегия:

С.Граужинис, М.Блум, А.Лиеле

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЛГУ им.П.Стучки от 26 ноября 1976 года

© Латвийский госуниверситет им.П.Стучки, 1976

В II002-126y 196-76
М 812(II)-76

УСТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНА, СМЯГЧАЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ

Осуществление принципов действия советского уголовного закона во времени невозможно без определения соотносительной строгости уголовных законов.

Эта задача нелегкая. Она требует правильного сопоставления ранее действовавшего уголовного законодательства с новым законодательством, точный учет всех признаков, ограничивающих и расширяющих сферу уголовной репрессии¹.

Только после того, как выявлены и учтены все обстоятельства, имеющие значение для определения круга уголовно наказуемых деяний и для правильной квалификации преступных деяний, появляется возможность сопоставить предусмотренные этими законами виды и размеры наказания, т.е. появляется возможность установить, какой закон из двух или более является менее строгим, или смягчает наказание.

Хотя законодатель не определил, что следует понимать под законом, смягчающим наказание, в большинстве случаев на практике сомнений не возникает.

При сопоставлении санкций двух уголовных законов — старого и нового новый закон должен быть признан смягчающим наказание: если он устанавливает менее тяжкий вид основного наказания; если он снижает низший или высший пределы наказания; если он, не изменяя пределов основных наказаний отказывается от одного или нескольких наказаний; если он устанавливает альтернативно менее строгие виды основного наказания, сохраняя при этом установленные старым законом остальные основные и дополнительные наказания.

Однако в целом ряде случаев могут возникнуть и на практике возникают трудности при решении вопроса, какой из двух уго-

¹ См. подробно книгу Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона М., 1969, с. 90—III.

нового закона должен быть признан более мягким. Речь идет о всех тех случаях, когда уголовный закон, вступивший в силу после совершения преступления, по сравнению с действовавшим во время совершения этого преступления законом частично смягчает и частично усиливает наказание: новый закон, не изменяя вида основного наказания, снижает низший его предел и одновременно повышает высший предел или, наоборот, повышает низший предел и одновременно снижает высший; новый закон повышает высший предел одного вида наказания по сравнению со старым законом, но одновременно альтернативно устанавливает менее строгие виды наказания или, наоборот, новый закон по сравнению со старым снижает высший предел одного вида наказания, но одновременно исключает менее строгие виды основного наказания, которые альтернативно были предусмотрены в старом законе; новый закон по сравнению со старым повышает низший предел наказания, но одновременно альтернативно устанавливает менее строгие виды наказания или, наоборот, новый закон снижает низший предел основного вида наказания, но одновременно исключает менее строгие виды основного наказания, которые альтернативно были предусмотрены в старом законе, и тому подобные изменения.

В этих случаях и должен быть установлен единый критерий, дающий возможность судам единообразно устанавливать соотносительную тяжесть наказаний и решать вопрос, смягчает ли новый уголовный закон наказание по сравнению со старым.

На вопрос, какой закон следует считать более мягким — старый, предусматривавший более высокий минимум наказания, или новый, предусматривающий менее высокий минимум наказания, но более высокий максимум наказания — находим противоположные ответы.

Проведенное нами исследование дало возможность выявить мнение 70 советских ученых и 256 практических работников органов юстиции Латвийской ССР по данному вопросу. 55,7 % ученых считают более мягким закон с более низким максимальным пределом наказания; 44,3% таким считают закон с более низким минимальным пределом наказания. Практические работники иного мнения: 80,3% опрошенных считают более мягким закон с более низким пределом

максимального наказания; 60,7 % таким считают закон с более низким минимальным пределом наказания; 9 % не смогли ответить на поставленный вопрос¹.

Различные мнения высказаны и в уголовно - правовой литературе.

Так, И.И.Солодкин полагал, что уголовные законы должны сопоставляться не по низшему, а по высшему пределу их санкций. Более мягким, по его мнению, является закон, устанавливающий санкцию с менее высоким максимальным пределом². Но почему такое решение лучше и почему оно более правильно, И.И. Солодкин не обосновал.

Примерно так же решает этот вопрос и А.Б.Сахаров, который считает, что в тех случаях, когда санкция статьи нового закона по сравнению с санкцией статьи прежнего закона одновременно и усилена и смягчена, должен быть применен тот закон, который предусматривает менее высокий и тяжкий максимум наказания. Б.А.Сахарову такое решение предоставляется правильным потому, что при нем, по его мнению, исключается возможность назначения более тяжкого наказания, чем это допускалось в момент совершения преступного деяния. При этом он полагает, что "не исключается возможность учесть снижение законодателем минимума прежней санкции путем назначения наказания ниже низшего предела или перехода к более мягкому, чем предусмотрено в применяемом законе, мере наказания"³. Подобная позиция заслуживает серьезной критики. Нельзя ориентировать суд на нарушение закона.

---

¹Нами было приведено уголовное дело об обмане покупателей, совершенное в крупных размерах до вступления в силу нового УК Латв ССР. Дело рассматривалось после вступления в силу УК Латвийской ССР. Ученым и практическим работникам следовало ответить, какой закон должен быть применен - ст. 128-в УК РСФСР 1926 г. или ч.2 ст.150 УК ЛатвССР.1961 г.

²См. Советское уголовное право. Часть Общая. Л., 1960. с.174; Курс советского уголовного права. т.1. Л., с.110.

³Сахаров А. Ответственность за деяния, совершенные до вступления в силу нового Уголовного кодекса РСФСР - "Социалистическая законность", 1961, № 6., с.28.

Статья 43 УК РСФСР допускает назначение наказания более мягкого, чем предусмотрено законом, но только в связи с исключительными обстоятельствами данного конкретного дела, которые должны быть подробно мотивированы в приговоре. Если же исключительные обстоятельства в данном деле отсутствуют, назначения наказания более мягкого, чем это предусмотрено законом, недопустимо.

Можно ли рассматривать принятие нового закона с более высоким минимумом наказания и более низким максимумом в качестве "исключительных обстоятельств дела"? Нам это представляется более чем сомнительным. Однако мнение А.В.Сахарова поддерживается Н.Д.Дурмановым, Я.М.Брайниным и др.¹

Представляется, что более мягким можно признать только такой закон, который дает возможность суду назначить менее строгое наказание подсудимому и при отсутствии исключительных обстоятельств, т.е. во всех без исключения случаях.

Этим положением и следует руководствоваться при решении вопроса о том, в каких случаях уголовный закон, одновременно частично смягчающий и частично усиливающий наказание, может быть признан более мягким.

М.М.Исаев предлагал считать новый закон во всех случаях смягчающим наказание, если он предусматривает более низкий минимальный предел наказания².

В этом мы усматриваем рациональное зерно, ибо, если уголовный закон понижает низший предел наказания или альтернативно устанавливает менее строгие виды наказания, он дает возможность суду назначить подсудимому более мягкое наказание, чем это допускает закон, действовавший во время совершения преступления. В то же время суд может не превышать высшего предела ранее предусмотренного максимального наказания, т.е. суд может во всех случаях без всяких ограничений и специального обоснования отказаться от применения максимального наказания, предусмотренного новым законом.

¹ См. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с.274; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967, с.138-139.

² См. Исаев М.М. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. М., 1948.

Тем не менее, поскольку новый уголовный закон устанавливает более строгое максимальное наказание, чем то, которое может быть назначено судом в конкретном случае подсудимому в соответствии со ст.6 Основ уголовного законодательства, такой закон не может быть признан законом "во всех случаях смягчающим наказание".

Таким образом ни один из коллидирующих законов в этом случае не может сам по себе быть признан более мягким по сравнению с другим. А потому выход может быть только один - считать менее строгим тот из двух законов (закон действовавшего во время совершения преступления, и закона, действующего во время вынесения приговора), который устанавливает менее строгий вид наказания или снижает минимальный предел ранее предусмотренного наказания, однако признав в данном случае максимальным наказанием более низкий предел высшей границы наказания, предусмотренный сопоставляемыми законами. Такое решение мы и предлагаем на будущее.

Это наше предложение встречено с одобрением частью советских ученых¹. Однако предлагаемое нами решение вопроса может стать обязательным для судов только в том случае, если сам законодатель предусмотрит соответствующую коллизионную норму. Только в самом законе может быть установлена обязанность суда таким образом определять наказание.

Хотя такое решение является справедливым по существу, устанавливает объективный критерий для сравнительного сопоставления строгости двух законов, полностью соответствует смыслу ст.6 Основ уголовного законодательства и закрепленным в ней принципам, будучи доктринальным толкованием закона, оно не может избежать упрека в создании путем толкования третьего закона с минимальным сроком наказания, установленным одним законом, а максимальным - другим. Поэтому в настоящее время отсутствует законное основание для дачи такой рекомендации судам.

Какое же решение следует в настоящее время считать обязательным для судов?

---

¹ См. Кудрявцев В.Я. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 328-329.

Мы полагаем, что *de lege lata* следует рекомендовать суду подходить к решению этого спорного вопроса конкретно, т.е. с учетом особенностей конкретного преступления и совершившего это преступление лица. Тот из двух законов должен быть применен в спорных случаях, который в данном конкретном случае дает возможность назначить подсудимому более мягкое наказание, который судом признан более благоприятным для подсудимого. Такое решение в советской литературе предлагал А.А.Тилле¹. Практическое осуществление этой рекомендации должно совпасть с нашим предложением *de lege ferenda*, но данная рекомендация вытекает из действующего законодательства и в этом плане никем не может быть оспорена. Однако мы продолжаем отстаивать необходимость законодательной регламентации этого вопроса, ибо сравнительная оценка двух сопоставляемых законов применительно к конкретному случаю не исключает возможности элементов субъективизма, разногласий в оценке законов с позиции их большей или меньшей благоприятности для данного лица между следственными органами и судом, как и различными судебными инстанциями.

Уголовные кодексы зарубежных социалистических государств не дают однозначного ответа на вопрос о том, какой из двух или нескольких законов является более мягким, если они частично повышают и частично понижают наказание. Однако уголовные кодексы некоторых социалистических государств дают ключ к решению этого вопроса. Так, например, в ч.2 ст.2 УК НРБ 1968 г. говорится о применении закона, который является наиболее благоприятным для виновного. Таким образом, законодатель НРБ не вменяет в обязанность суда абстрактно констатировать, какой из двух законов должен быть признан более или менее строгим, а - исходит из условий конкретного случая, устанавливать, какой из двух законов более благоприятен для данного конкретного подсудимого с учетом всех условий совершения преступления и характеристики личности, с одной стороны,

¹ См. Тилле А.А. *Время, пространство, закон*. М., 1966, с.82
Такое же предложение высказывал и Й.Рэбане (Rebane Ilmar Nõukogude Kriminaalõigus. Tartu, 1973, с.173).

и всех тех положений уголовного закона, которые должны быть приняты во внимание при назначении наказания, с другой стороны. Так же сформулирован § I ст.2 УК ПНР 1969 г. О применении более благоприятного для виновного уголовного закона сказано и в ч.1 § 16 УК ЧССР 1961 г., как и в ст.13 УК СРР 1968 г. В ч.2 ст.90 УК СФРЮ 1961 г. говорится о применении более мягкого закона по отношению к лицу, совершившему преступление.

На такой же позиции в настоящее время стоят ученые всех зарубежных Европейских социалистических государств (И.Андреев, И.Ненов, И.Оанча, Л.Биро, К.Барбу и др.).

Так, И.Андреев полагает, что тяжесть нового и старого закона сравнивается применительно к конкретно рассматриваемому случаю. Более благоприятным законом для конкретного случая может быть и закон в целом более суровый. Поэтому для вывода о том, какой из двух законов более благоприятный для виновного, следует учитывать, как условия конкретного рассматриваемого дела, так и все предписания законодательства, относящиеся к применяемому закону¹. И.Ненов также указывает на то, что соотносительная тяжесть законов должна быть определена не вообще, не абстрактно, а конкретно-только для определенного случая и определенного подсудимого, поэтому для одного подсудимого может оказаться более благоприятным старый закон, для другого - новый. И.Ненов ссылается в обоснование этого положения на судебную практику НРБ, которая придерживается весьма успешно такого принципа².

Наиболее подробно и обстоятельно аргументируются необходимость конкретного подхода к определению более благоприятного уголовного закона и недопустимость комбинирования двух или более последующих законов в румынской уголовно-правовой

---

¹ Andrejev Igor. *Polskie prawo karne w zagrycie*. Warszawa, 1971, с.61.

² См. Ненов Иван. *Наказательно право на Народна Република България. Обща част*. София, 1972, с.120-122.

литературе¹, больше всего в работе К.Барбу² и Л.Биро³.

Хотя в уголовных кодексах ВНР (ч.2 § 3 за 1961 г.) и ГДР (ч.2 § 81 УК 1968 г.) непосредственно не говорится, какими критериями в спорных случаях следует руководствоваться при определении степени относительной тяжести уголовных законов, в уголовно-правовой науке этих социалистических государств единогласно отстаиваются те же принципиальные положения, которые законодательно утверждены в прочих Европейских социалистических государствах. Так, венгерский криминалист проф. Миклош Кадар также, как и польские, болгарские и румынские ученые, предлагает при определении относительной строгости последующих уголовных законов исходить из учета совокупности всех законоположений, а также особенностей конкретного случая и не исключает возможность различной оценки соотносительной тяжести законов применительно к конкретному преступнику⁴. Ученый ГДР проф. Г.Фриче, отстаивая это положение, указывает, что более мягким является тот уголовный закон (по сравнению с другими), применение которого в конкретном случае может привести к наиболее благоприятному результату для виновного⁵.

Мы полностью согласны с мнением ученых зарубежных соци-

---

¹ См. Oancea Ion. Drept Penal. Partea generală. Bucuresti 1965, p. 108-140; Dongoroz V., Fodor I., Kahane S., Oancea I., Iliescu N., Bulai C., Stănoiu R. Explicatii teoretice ale codului penal Român. Partea generală Vol. I. București, 1969, p. 78-82.

² См. Barbu Constantin. Aplicarea legii penale în spațiu și timp. București, 1972, p. 190-200.

³ Biro L. Aplicarea legii mai favorabile în cazul infracțiunii de ultraj la bunele moravuri și tulburarea liniștii publice. - "Revista română de drept". 1970, Nr. 10, p. 118-122.

⁴ См. Kádár Miklos. Magyar Büntetőjog. Általános Rész. 1953, old. 130.

⁵ См. Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. Allg. Teil. Berlin, 1959, S. 224.

алистических государств в этом вопросе; иное решение на основании ныне действующего уголовного законодательства зарубежных социалистических государств Европы не может быть дано.

Как нами уже было сказано, иное решение не может быть дано и на основании действующего советского уголовного законодательства.

Опасность в субъективизме суда при оценке большей или меньшей благоприятности для подсудимых различных видов наказаний, как нам представляется, в социалистических странах невелика. Это объясняется вытекающими из общественного и государственного строя принципами организации и деятельности судов в социалистических государствах и классовым правосознанием судей.

Однако, мы в отличие от ученых зарубежных социалистических стран, все же считаем желательной такую законодательную регламентацию данного вопроса, которая дала бы возможность полностью избежать даже некоторых элементов субъективизма в выявлении "наиболее благоприятного для подсудимого" уголовного закона.

Следует учесть, что в практике советских судов возникают разногласия, например, при сопоставлении относительной тяжести таких наказаний как исправительные работы без лишения свободы и лишение свободы, но назначенное судом условно.

Предлагаемое нами решение - основанное на законе право суда назначить подсудимому наказание в пределах между минимальными границами (верхних и нижних) наказаний, установленных двумя законами (законом, действовавшим во время совершения преступления, и законом, действующим во время рассмотрения дела в суде), приемлемо для всех случаев, обеспечивает наилучшим образом возможность реализовать заложенный в ст.6 Основ уголовного законодательства принцип обязательной обратимости более мягкого закона и в то же время избежать элементов субъективизма в оценке степени "благоприятности" того или другого закона.

Решение вопроса о том, какой из двух законов в спорных случаях должен быть признан смягчающим наказание, в буржуазной науке уголовного права во все периоды вызывало значительные разногласия. Этому вопросу посвящена обширная лите-

ратура. В поисках правильного решения в XIX в. был выдвинут целый ряд различных теорий¹, которые развивались и отстаивались в течение XX в.² и по настоящее время находят приверженцев. Наибольший интерес представляют следующие: 1) теория "максимального предела" наказания, которая предлагает при сравнительной оценке строгости законов учитывать изменения максимального предела наказания³; 2) теория "ми-

¹ См. Trébutien, Cours de droit criminel, 2. ed., T. I., p. 205 et 232; Haas J. Principes généraux du droit pénal belge, 3e ed., t. I., Nr. 181; Gabba, Teoria della retroattività delle leggi, 3e ed., 1891, т. 2, p. 336 et s.

² См. Grouber, Du conflit des lois d'incrimination et de pénalité dans le temps, Thèse, Paris, 1915, p. 108 et s.; Roubier Les conflits de lois dans le temps, T. II, 1933, Nos 126 et s.; Vitu A. Des conflits de lois dans le temps en droit pénal, Thèse, Nancy, 1945.

³ См. Bouzat P., Pinatel J. Traité de droit pénal et de criminologie, T. 2, Paris, 1963, p. 1286. Stefani G., Levasseur G. Droit Pénal Général et criminologie T. I. Paris 1961, p. 121.

Французская, бельгийская и итальянская доктрины больше всего отстаивают критерий максимума. Даже те авторы, которые полагают, что следует оценивать строгость законов конкретно. Исходя из того, какой закон более благоприятен для данного случая, отмечают, что французская практика считает тот закон более строгим, который увеличивает максимум наказания. (См. Merle R., Vitu A. Traité de droit criminel, Paris, 1967, p. 177).

По максимальному пределу наказания оценивает соотносительную строгость законов турецкая практика и теория, мотивируя это тем, что подсудимый не имеет права претендовать на то, чтобы быть осужденным к наименее строгому наказанию, а потому он подпадает под действие уголовного закона, устанавливающего низший максимум наказания. (См. Onder Aynan. Istanbul. Das türkische Strafrecht "Das ausländische Strafrecht der Gegenwart, Bd. IV, Berlin, 1962, S. 443).

вимального предела" наказания, которая рекомендует учитывать в этих целях изменения минимального предела наказания¹; 3) теория "пропорционального расчета", которая предлагает устанавливать разницу между минимальными и максимальными пределами наказания двух сопоставляемых уголовных законов²; 4) теория "средней арифметической величины", которая считает более мягким законом тот, который устанавливает более низкую среднюю арифметическую величину³; 5) теория "неретроактивности спорного закона", которая отстаивает положение о том, что во всех случаях, когда новый закон не дает основания для неопровержимого вывода о смягчении им наказания, должен быть применен закон времени совершения преступления⁴; 6) теория "конкретной оценки" законов, которая рекомендует применять во всех случаях закон более благоприятный для конкретного подсудимого⁵.

¹ Эту теорию защищали в Германии и Франции. (См. Coehr.

Das mildeste Gesetz im Sinne des §. 2 des RStRG, Dissertation. Strassburg, 1897, S. 79 ff; Garçon E. Code pénal annoté, Paris, 1901, Art. 4, Nr. 70; Trébutiën E. Cours élémentaire de droit criminel, T. I, p. 150).

² См. Le Sellyer, Traité de droit criminel, V. I, Paris, 1842, p. 362; Bezae N. T. Infraçțiunea penală și culpabilitatea. Alba Julia, 1944, p. 265, etc.

³ Мокринский С. Новый закон и старые гарантии (о действии уголовного закона в пределах времени) СПб., 1909

⁴ См. Roux J. A. Cours de droit criminel Français, Droit Pénal, T. I., Paris, 1927, p. 1927, p. 55; Andenaes John, Oslo, Des norwegiske Strafrecht, - Das ausländische Strafrecht der Gegenwart, Bd. IV, Berlin, 1962, S. 275;

⁵ См. Ranieri Silvio, Manuale di diritto penale, V. I. Parte generale, Padova, 1956, p. 55; Betiol Giuseppe, Diritto penale, Padova, 1969; Saltelli Carlo, Commento teorico del codice penale, Roma, 1956; Codice penale, - Codice di procedura, Firenze, 1970, p. 16-29; Мангакис Г. А. Афины, Греческое уголовное право, Общая часть. - В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 3, М., 1961, с. 381; Нуньес Рикардо, Кордова, Аргентинское уголовное право. - В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 1, М., 1957, с. 46. Hazewinkel-Suringa D. Inleiding tot de Studie van het Nederlandse Strafrecht. Vierde druk, Haarlem, 1968, S. 310-314; Bemmelen J. M. Ons Strafrecht. Alg. Deel, Het materiele Strafrecht. Haarlem, 1970; Шеннингер Г. Ф. Цюрих, Швейцарское уголовное право. - В кн. Современное зарубежное уголовное право, т. 2, М., 1958, с. 309.

Каждая из рассматриваемых теорий имеет последователей, однако в буржуазной науке уголовного права господствующей является теория конкретной оценки законов. Она дает буржуазному суду возможность наилучшим образом осуществлять нужную ему карательную политику. Многие уголовные кодексы буржуазных государств содержат соответствующие законоположения¹.

Отдельные буржуазные ученые, в частности Цахарие, еще в XIX в. предлагали дать возможность самому подсудимому избрать более благоприятное для себя наказание, установленное новым или старым законом². Такое положение содержалось в законодательстве некоторых государств. Так, мексиканский уголовный кодекс 1871 г. применение нового более мягкого закона ставил в зависимость от ходатайства самого обвиняемого. Судопроизводство некоторых североамериканских штатов (в частности Калифорнии) разрешает подсудимому выбирать между старым и новым законами, если возникает сомнение, какой из законов более мягкий³.

---

¹ В ч.2 ст.2 Швейцарского уголовного кодекса записано: "Настоящий кодекс применяется также к преступлениям и проступкам, совершенным до времени его вступления в силу, если виновник был привлечен к суду только после этого времени и если настоящий кодекс является для него более благоприятен, чем закон, действовавший в момент совершения преступного деяния". В п.1 ст.2 Греческого уголовного кодекса также записано, что применяется закон, который "для обвиняемого содержит наиболее выгодные предписания". В ч.3 ст.2 Итальянского уголовного кодекса записано, что применяется закон, постановления которого более благоприятны для преступника.

² См.: Zachariae H. "Über die rückwirkende Kraft neuer Strafgesetze. Göttingen. 1834, S. 40-41.

³ См.: Wharton. A treatise on criminal law. 10. ed. Chicago 1896. V. I. b. I. chap., II §30, nr. 3.

В ст.2 Переходного закона УК Мексики 1931 г. также указывается, что к лицам, совершившим преступления до вступления в силу нового кодекса, применяется ранее действовавшее законодательство, за исключением случаев, когда сам подсудимый изъявит желание быть подвергнутым наказанию в соответствии с новым законом, который он сочтет для себя более благоприятным. С этих позиций интерес представляют высказывания видного мексиканского криминалиста Игнасио Виллалобоса, который указывает на несправедливость этого и других положений мексиканского законодательства о действии уголовных законов во времени. Он пишет, что для состоятельных людей штраф является более мягким наказанием, чем заключение под стражу, а большинство предпочитает лишение свободы потере своего с трудом приобретенного состояния. И.Виллалобос констатирует, что "несмотря на отсутствие удобств в тюрьмах, многие предпочитают пребывание в тюрьме жизни на воле"¹. Такое применение "более благоприятных" уголовных законов является яркой иллюстрацией "равенства" всех граждан перед буржуазным законом.

Требование Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик о распространении уголовного закона, смягчающего наказание, на деяния, совершенные до его издания, диктует необходимость не только правильно установить соотносительную тяжесть двух уголовных законов, но и решить, должны ли эти законы быть сопоставлены также с "промежуточными" законами.

---

¹ См. Villalobos Ignacio. Derecho Penal Mexicano. Parte general. Mexico, 1960, p.177.

С момента совершения преступления и до вступления приговора в силу может смениться не один закон, а несколько. В этих случаях возникает необходимость определить: должен ли суд при решении вопроса об обратимости более мягкого уголовного закона принять во внимание относительную строгость только двух законов (действовавшего во время совершения преступления и действующего во время рассмотрения дела в суде) или он должен учитывать также и относительную строгость уголовного закона, действовавшего в промежутке времени между этими двумя событиями. Оговорим сразу, что этот вопрос возникает далеко не во всех случаях, когда какое-то время действовал "промежуточный" закон. Если этот закон был наиболее строгим или хотя бы строже закона, действовавшего во время совершения преступного деяния или во время рассмотрения дела в суде, то он бесспорно не может учитываться. Во всех этих случаях применение "промежуточного" закона противоречило бы положениям ст. 6 Основ уголовного законодательства. Таким образом, практически и теоретически значимой является только одна проблема — должен ли при применении уголовного закона к деянию, совершенному при действии старого уголовного закона, учитываться наиболее мягкий "промежуточный" закон, который к моменту рассмотрения уголовного дела в суде является уже отмененным.

Проблема эта возникла и приобрела практическое значение в связи с совершенствованием советского уголовного законодательства; были случаи сравнительно быстрой смены законов — вносились изменения в законодательство, которые затем были признаны не оправдавшими себя, не соответствующими интересам борьбы с некоторыми видами преступлений. Наибольшие изменения за сравнительно небольшой отрезок времени были внесены в законодательство об ответственности

за взяточничество¹ и изнасилование². В связи с рассмотре-

¹ Статья 118 УК РСФСР 1926 года за дачу взятки или посредничество во взяточничестве предусматривали лишение свободы на срок до 5 лет. Аналогичная ей ст. 174 УК РСФСР 1960 года была разделена на две части: в первой было предусмотрено лишение свободы на срок до 3 лет или исправительные работы на срок до года, во второй (совершение деяния неоднократно или лицом, ранее судившимся за взяточничество) - лишение свободы на срок до 5 лет. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 года "Об усилении уголовной ответственности за взяточничество" наказание за дачу взятки было повышено: за дачу взятки без отягчающих обстоятельств было предусмотрено лишение свободы сроком от 3 до 8 лет, а за дачу взятки при отягчающих обстоятельствах - лишение свободы на срок от 7 лет до 15 лет с конфискацией имущества или без таковой и со ссылкой после отбытия лишения свободы на срок от 2 до 5 лет или без ссылки.

² По действовавшему до 1961 года Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1949 года изнасилование без отягчающих обстоятельств наказывалось лишением свободы на срок от 10 до 15 лет, а при отягчающих обстоятельствах (изнасилование несовершеннолетней, изнасилование групповое или повлекшее особо тяжелые последствия) - лишением свободы на срок от 15 до 20 лет. После вступления в силу Основ уголовного законодательства, ограничивших максимальный срок лишения свободы 15 годами, максимум санкции по обеим частям Указа уравнился.

УК РСФСР 1960 года в ч.1 ст. 117 предусматривал за изнасилование без отягчающих обстоятельств лишение свободы на срок от 3 до 7 лет; в ч.2 ст. 117 за изнасилование при отягчающих обстоятельствах (изнасилование, сопряженное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения, изнасилование, совершенное группой или лицом, ранее совершившим изнасилование) было предусмотрено лишение свободы на срок от 5 до 10 лет; ч.3 (изнасилование особо опасным рецидивистом, изнасилование несовершеннолетней или изнасилование, повлекшее особо тяжкие последствия) предусматривала лишение свободы на срок от 3 до 15 лет.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. "Об усилении уголовной ответственности за изнасилование" за изнасилование, совершенное группой лиц или особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно за изнасилование несовершеннолетней устанавливалось лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со ссылкой на срок от 2 до 5 лет или без ссылки. Санкция Указа предусматривает также возможность применения смертной казни.

Таким образом за изнасилование, совершенное группой лиц, максимальное наказание по первому закону было - 20 (затем 15) лет лишения свободы, по "промежуточному" закону - 10 лет, а по третьему, ныне действующему, 15 лет лишения свободы со ссылкой или без таковой, но возможно и применение высшей меры наказания - смертной казни.

нием этих категорий дел и возникла практическая необходимость решить вопрос о применении "промежуточного" закона. Различные судебные инстанции по разному оценили значение "промежуточного" закона¹. Пленум Верховного Суда Союза ССР по делу Ф. и др. указал, что не может быть применен закон, который не действовал ни в период совершения осужденным преступных деяний, ни в момент возбуждения дела и рассмотрения его в суде². Это не единственный спорный случай в судебной практике³.

Проведенное нами исследование также свидетельствует о том, что среди практических судебно-следственных работников нет единого мнения по данному вопросу. Из опрошенных 256 практических работников органов юстиции Латвийской ССР 59,8% ответило, что "промежуточный" закон не может быть учтен; 40,2 % дало противоположный ответ⁴. Нами дополнительно было опрошено 127 практических работников из числа ранее опрошенных, которым было предложено ответить на два вопроса: о применении "промежуточного" закона, которым была отменена смертная казнь, и о применении "промежуточного" закона, которым была отменена наказуемость деяния.

На первый вопрос 61,4 % ответило, что смертная казнь в этом случае не может быть назначена; 34,9 % ответило, что судам не следует ее применять; только 3,7 % полагает, что смертная казнь может быть применена. На второй вопрос 72,1%

¹ Так, Гомельский областной суд Белорусской ССР по делу Ф. и др. отказался от применения "промежуточного" закона. На такую же позицию встала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР от 20 сентября 1963 г.

Пленум Верховного Суда Белорусской ССР (по протесту председателя) 14 мая 1964 г. признал, что подлежит применению промежуточный закон как более мягкий (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 2, с. 30, 31).

² См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1965, № 2, с. 30, 31.

³ См. Горелик И.И., Тишкевич И.С. "Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного Суда БССР". Минск, 1973, с. 59-60; Тилде А.А. "Промежуточный" закон и его действие во времени. - "Советское государство и право", 1965, № 12, с. 31.

⁴ Нами были приведены примеры из судебной практики Латвийской ССР, когда "промежуточный" закон был наиболее мягким, и было предложено указать, какой из трех законов должен быть применен, причем была дана справка о вступлении в силу и утрате силы предыдущих законов.

ответило, что виновного в совершении преступления нельзя привлечь к уголовной ответственности; 17,2 % полагает, что не следует привлекать к ответственности; 6,4 % предлагает вопрос решать в зависимости от опасности совершенного преступления и наказания, предусмотренного новым законом; 4,3 % считает возможным привлечь виновного к уголовной ответственности¹.

Советские ученые также различно решают вопрос о применении "промежуточного" закона. Большая часть ученых считает, что действующее советское уголовное законодательство дает основание для применения "промежуточного" закона. Такое мнение отстаивают И.С.Тихкевич и И.И.Горелик², Н.Д.Дурманов³, Я.М.Брайнин⁴. Учитывать "промежуточный" закон при определении наказания предлагает А.А.Тилле⁵.

Другая часть ученых отвергает применение "промежуточного" закона, в частности, В.Н.Кудрявцев⁶, Ю.И.Ляпунов⁷ и другие.

Проведенное нами исследование также показало, что точка зрения ученых по этому вопросу не совпадает. Мнения 70 опрошенных ученых разделились поровну.

Мы полагаем, что этот вопрос, как и многие другие вопросы, должен быть решен с позиции *de lege lata* и с позиции *de lege ferenda*. С позиции *de lege lata* мы не усматриваем законного основания для применения более благо-

---

¹ Опрашиваемым были даны две конкретные факты уголовных дел.

² См. Зайцев Л., Тихкевич И., Горелик И. Действуют ли промежуточные уголовные законы? - "Советская юстиция", 1966, № 1, с. 6-8; Горелик И., Тихкевич И. Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР, с. 58-66.

³ См. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967, с. 274, 275; также Ребане Илмар, Указ. соч., с. 176.

⁴ См. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967, с. 150-153.

⁵ Тилле А.А. "Промежуточный" закон и его действие во времени. - "Советское государство и право", 1965 г. № 12, с. 30-36.

⁶ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 337.

⁷ Ляпунов Ю.И. Некоторые вопросы действия советского уголовного закона во времени. - "Труды Высшей школы Министерства охраны общественного порядка РСФСР", М., 1965 г. вып. 12, с. 12-13; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I. Д., 1968, с. 112-116.

приятного для подсудимого "промежуточного" закона. Такое толкование ст.6 Основ уголовного законодательства является произвольным. Она предусмотрела выбор между двумя законами: действующим, которым должен в данное время руководствоваться суд, и законом времени совершения преступного деяния.

Нельзя применить наиболее мягкий "промежуточный" закон ссылаясь на ст.6 Основ, ибо она предусмотрела придание обратной силы более мягкому действующему закону, каким "промежуточный" закон не является.

Только законодатель может дать право суду применять "промежуточный" закон; только закон может предписать применение наиболее мягкого из всех коллидирующих законов с момента совершения преступления. Именно так и поступил законодатель некоторых зарубежных социалистических государств. Так, в ч.2 ст.2 УК НРБ 1968 г. сказано, что "если до вступления приговора в законную силу будут изданы законы, предусматривающие различные по своей тяжести наказания, то применяется тот закон, который является наиболее благоприятным для виновного". Столь же определенно обратная сила "промежуточного" закона признана в УК СРР 1968 г. В ст.13 УК говорится, что если со времени совершения преступления до вынесения по делу приговора было принято несколько уголовных законов, применяется более благоприятный из них. Менее четко выражено применение "промежуточного" закона в УК ПНР, однако § I ст.2 УК ПНР дает полное основание для такого толкования закона, ибо говорит о применении более благоприятного "ранее действовавшего закона", а не закона времени совершения преступления. Аналогично положение ч.1 § 16 УК ЧССР 1961 г. Противоположное законоположение содержится в ч.2 § 3 УК ВНР.

Как свидетельствует законодательная практика всех государств в течение многих десятилетий, этот вопрос всегда решался и ныне решается только законодательным путем. Поэтому мы согласны с толкованием ст.6 Основ уголовного законодательства, данным в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по уже упоминавшемуся делу Ф.и др. Основываясь на ныне действующем законодательстве, иное решение не могло быть дано.

Другой вопрос: какое решение должно быть предложено de lege ferenda, что следует считать соответствующим принци-

пам советского уголовного права, как следует оценивать действующее законодательство в этом плане?

Мы полностью согласны с мнением и аргументами советских ученых в пользу применения и придания обратной силы "промежуточному" закону, в том числе и с их соображениями по поводу справедливости и гуманности этого положения. Мы также, как И.С. Тишкевич¹, А.А.Тилле и другие ученые, считаем, что суд не должен назначать смертную казнь, отмененную "промежуточным" законом, хотя и восстановленную новым законом. Мы согласны, что если "промежуточный" закон отменил наказуемость какого-либо деяния, то виновный в его совершении не должен быть привлечен к уголовной ответственности, хотя к моменту рассмотрения дела вступил в силу новый закон, восстановивший наказуемость этого деяния.

"Промежуточный" закон не должен быть признан небывшим, потому что он оказывал определенное влияние на поведение людей. Решая вопрос о применении "промежуточного" закона, должны быть приняты в расчет социалистическое правосознание, интересы воспитания у граждан уверенности в справедливости приговоров советского суда.

Поэтому мы полагаем, что апеллировать следует к самому законодателю, а не к Пленуму Верховного Суда СССР, как это делается многими учеными. Законодателя надо убедить в необходимости признания за наиболее мягким "промежуточным" законом права на "переживание", т.е. права на его применение и после его отмены к деяниям, совершенным до его вступления в силу. Такое право на "переживание" ныне действующим законодательством закреплено только за законом времени совершения преступления.

Ученые зарубежных социалистических государств (Польши, Болгарии, Румынии и других государств) единодушно высказываются за придание обратной силы более мягкому "промежуточ-

---

¹ См. Зайцев Л., Тишкевич И., Горелики. Указ. раб., с. 7; Горелик И., Тишкевич И., Указ. соч., с. 63-66.

ному" закону¹.

Вопрос об обратном действии "промежуточного" закона (Zwischengesetz, loi intermédiaire, legge penale intermedia) привлек внимание буржуазных ученых еще в XIX в. Две противоположные точки зрения были высказаны и по сей день отстаиваются в буржуазной юридической литературе.

Значительная часть ученых в прошлом веке и в настоящее время обосновывает применение "промежуточного" закона, ссылаясь, главным образом, на то, что обвиняемый не должен страдать от медлительности правосудия. Такова позиция французской и итальянской доктрин².

Другая часть ученых - противники применения "промежуточного" закона - аргументирует свою точку зрения тем, что "промежуточный" закон не имеет никакого отношения к деянию преступника, к его сознанию и воле, что выраженная в "промежуточном" законе воля государства не имеет отношения к деянию, совершенному вне действия "промежуточного" закона.

Был сделан вывод, что в уголовном праве, как и в других отраслях права, господствует принцип: "промежуточный закон не применяется", что никому не удалось дать юридическое обоснование применению более мягкого "промежуточного" закона, не прибегая к категориям нравственным или психологическим³.

В законодательстве буржуазных государств также различно решен вопрос о применении "промежуточного" закона.

¹ См. Andrejew Igor, *Polskie prawo karne w'zarysie*, Warszawa, 1961, str. 61; В о л ь т е р Владислав, *Принципы уголовного* Ответственности в свете нового уголовного кодекса Польской Народной Республики. - "Современные польские право", "Ossolineum", 1971, № 15, стр. 17; Н е н о в Иван, *Наказательно право на народна Република България*, Обща част, София, 1972, с. 119-120; К а д а г Миклош, *Büntetés jog*, *Altalános rész*, Budapest, 1955, old. 130; В а р б у Constantin. *Aplicarea legii penale în spatiu și timp*, București, 1972, p. 216; Dongoroz V., F o d o r I., K a h á n e S., I l i e s c u N., O a n c e a S t a n o i u R. *Explicatii Teoretice ale codului penal Român. Partea generala*. Vol. I. București, 1969, p. 83; G i u g a r i u M. *Determinarea legii mai favorabile. Probleme legate de stabilirea pedepselor*. - "Legalitatea populară", 1962, Nr. 1, p. 39.

² См. В о у з а т Pierre, P i n a t e l Jean. *Traité de droit pénal et de criminologie*. T. II. Paris, 1963, p. 1287; R a n i e r i Silvio. *Manuale di Diritto penale*. V. I. Parte generale. Padova, 1956, p. 54; В а у м а н n Jürgen. *Strafrecht*. Allgem. Teil. Tübingen, 1961, S. 62.

³ R o u x J. A. *Cours de droit criminel Français*. T. I. Paris, 1927, p. 55; R o u b i e r P. *Les conflits de lois dans le temps*. V. 2, Paris, 1933, p. 569.

КВАЛИФИКАЦИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ПОДДЕЛКОЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В борьбе с преступностью одной из гарантий осуществления правосудия в соответствии с законом является правильная квалификация преступлений. Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик неоднократно подчеркивали значение правильной квалификации преступлений, независимо от её влияния на меру наказания¹. Однако, ошибки в квалификации преступлений до сих пор встречаются довольно часто. Ежегодно около 10-12 % приговоров изменяются или отменяются по причине неправильной квалификации содеянного².

В настоящей статье предлагается рассмотреть лишь частный вопрос квалификации преступлений, разрешение которого до сих пор происходит с диаметрально противоположных позиций как в судебной практике, так и в уголовно-правовой литературе. Бесспорно, что такое положение не способствует осуществлению принципа социалистической законности в применении уголовного закона.

Таким спорным вопросом является квалификация мошенничества, сопряженного с подделкой и использованием поддельных документов. Если в судебной практике Латвийской ССР подделка и использование поддельных документов в мошеннических посяательствах на личную собственность граждан встречается лишь в 1 % случаев, то 50,3 % всех хищений социалистического имущества путем мошенничества сопряжены с подделкой и использованием поддельных документов. Следовательно, вопрос о квалификации такого мошенничества имеет большое практическое значение. Вместе с этим необходимо отметить, что такие способы хищения социалистического имущества путем мошенничества как обманное получение пенсий, пособий по временной нетрудоспособности, вкладов в сберкассе, надбавок к заработной плате и почтовых переводов (составляющие 43,3 % всех мошеннических хищений) всегда сопряжены с использованием поддельных докумен-

¹ Курдявцев В.И. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 28-31.

² Там же, с. 33.

тов. В зависимости от конкретного способа мошеннического хищения виновным использовались: паспорта и удостоверения личности (для получения почтовых переводов и предметов из ателье бытового проката), расходные ордера (для получения вкладов по украденным сберкнижкам), страховые свидетельства (для получения страхового вознаграждения), товаро-транспортные накладные и наряды (для получения вознаграждения по завышенному объему выполненных работ), трудовые книжки и справки о возрасте и трудовом стаже (для получения пенсий), листки нетрудоспособности (для получения пособий по временной нетрудоспособности), а также доверенности, командировочные удостоверения и др. документы.

Кроме того, в 10 % мошеннических хищений были использованы похищенные документы (паспорта, военные билеты, сберегательные книжки и др.).

Изучая судебную практику Латвийской ССР, можно убедиться, что мошеннические деяния, сходные как по объективным, так по субъективным признакам, квалифицируются либо только по статье УК, предусматривающей ответственность за хищение социалистического имущества путем мошенничества (ст.89 УК Латвийской ССР), либо по совокупности со статьей, предусматривающей ответственность за подделку и использование поддельных документов (ст.190 УК Латвийской ССР).

Так как в судебной практике аналогичных примеров много, ограничимся лишь двумя. С.Молин подделал своё удостоверение личности на имя Е. и, используя его, получил в почтовом отделении денежный перевод, адресованный Е. Его деяние было квалифицировано только по ст.89 Латвийской ССР¹. Ю.Долматов подделал товаро-транспортные накладные и, используя их, похитил строительные доски стоимостью 576 рублей. Народный суд квалифицировал это деяние по ст.ст.89 и 190 УК Латвийской ССР².

Можно ли считать такое противоречие в квалификации существенным? Представляется, что да, потому, что с точки зре-

¹ Дело № 126 нар.суда гор.Лиепай за 1971 год.

² Дело № 12 нар.суда Московского р-на г.Риги за 1973 год.

ния строгого соблюдения социалистической законности одинаково недопустима как квалификация единого преступления по нескольким статьям, так и квалификация совокупности преступлений по одной статье УК.

В отношении рассматриваемой проблемы в советской уголовно-правовой литературе существуют различные мнения. Ряд ученых полагает, что представление подложных документов является неотъемлемым признаком мошеннического хищения, поэтому в таких случаях дополнительной квалификации об использовании подложных документов не требуется¹. Однако, таковая требуется, когда помимо использования подложных документов, они также изготавливаются. В. Малков объясняет это тем, что подлог документов в целях похищения государственного и общественного имущества не поглощается оконченным хищением, так как в этом случае подлог посягает также на другой объект, охрана которого не предполагается нормами об ответственности за хищение государственного или общественного имущества².

Из этого следует, что подделка документов признается деянием более общественно опасным, чем их использование. К сожалению, уголовное законодательство союзных республик этот вопрос решает по-разному. Так, в УК РСФСР, УССР, БССР, ГССР, УзССР, ТаджССР и ТССР за использование поддельных документов установлено менее строгое наказание, чем за подделку, в УК КазССР, АзССР, ЛитССР, МССР, АрмССР, ЭССР и ЛатвССР использование поддельных документов наказывается так же, как и подделка, а УК КиргССР использование наказывает строже, чем подделку.

В то же время в советской уголовно-правовой литературе совершенно справедливо, на наш взгляд, указано, что использование подложных документов более общественно опасно, чем сама подделка, так как именно использование таких документов непосредственно посягает на нормальную работу советского

¹ Советское уголовное право. Особенная часть. М., Из-во МГУ 1971, с. 354; Борзенков Г. П. Ответственность за мошенничество. М., 1971, с. 164; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1971, с. 234-235; Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1971, с. с. 170, 243; Г. А. Кригер. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974, с. 153.

² Малков В. П. Совокупность преступлений. Казань, 1974, с. 131.

государственного аппарата¹.

Один из сторонников позиции, что использование поддельных документов является лишь способом мошенничества и дополнительной квалификации не требует, Г. Борзенков указывает, что использование подложных документов как способ совершения мошенничества не нуждается в особой квалификации, так же как особо не вменяется насилие при разбое или угроза при вымогательстве².

Такая аргументация представляется неубедительной, так как насилие при разбое и угроза при вымогательстве прямо предусмотрены в диспозициях статей, предусматривающих ответственность за эти преступления, а в диспозициях статей о мошенничестве ничего не говорится об использовании поддельных документов. В этой связи следует согласиться с мнением М. Блум, что в тех случаях, когда одно преступление является способом или средством совершения другого, однако этот способ или это средство не предусмотрены в законе как признаки второго преступления, каждое из преступлений квалифицируется самостоятельно (например, ... совершение подлога или использование подложных документов для хищения путем присвоения и мошенничества...) ³.

Такое же мнение последовательно отстаивает П. Гришанин, указывая, что, если при помощи подложного документа совершено другое преступление (например, хищение социалистического имущества путем мошенничества), то действия виновного образуют совокупность соответствующих преступлений⁴.

В свете изложенного представляется, что использование поддельных документов как способ хищения социалистического имущества путем мошенничества ни в коем случае не утрачивает характер самостоятельного посягательства на порядок управления (нормальную работу советского государственного ап-

¹ Курс советского уголовного права. В 6-ти томах. Часть Особенная, т. У1, М., 1971, с. 221.

² Борзенков Г. Н. Указ. работа, с. 164.

³ Блум М. И. Понятие и признаки совокупности преступлений. - В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969, с. 12.

⁴ Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1965, с. 352; Уголовное право. Часть Особенная. М., 1968, с. 436.

парета) и не может быть рассмотрено лишь в качестве способа обмана, не требующего самостоятельной квалификации.

Поэтому нельзя полностью согласиться с указанием постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 года "О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества", о том, что "умышленное получение частным лицом государственных или общественных средств в качестве пенсий, пособий или других выплат в результате обмана или злоупотребления доверием подлежит квалификации как хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества. При этом должностное лицо, выдавшее частному лицу заведомо для этой цели подложные документы, должно нести ответственность по совокупности преступлений за пособничество в хищении и должностной подлог"¹.

Инспектор по кадрам совхоза "Шилбени" Я. Дзерве внесла фиктивные записи в трудовые книжки работницам совхоза О. Зеленовской и З. Ивановой, увеличив их трудовой стаж, а А. Зеленовская, бухгалтер того же совхоза, выдала им фиктивные справки о размере зарплаты, в результате чего О. Зеленовской и З. Ивановой была незаконно получена пенсия на сумму 1202,57 рублей. Деяние последних было квалифицировано по ст. 89 ч. 2 УК ЛатвССР, а деяние Я. Дзерве и А. Зеленовской по ст. ст. 17 ч. 6, 89 ч. 2 и 166 (служебный подлог) УК ЛатвССР².

Такая квалификация полностью соответствует указаниям Пленума Верховного Суда СССР, но в то же время мы можем убедиться, что с точки зрения квалификации, частные лица ставятся в более привилегированное положение по сравнению с должностными, так как, являясь непосредственными исполнителями мошеннического хищения, не должны нести ответственности за заведомое использование поддельных документов.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 4, с. 10. (Аналогичное указание содержалось и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 года.)

² Дело № 80 нар. суда Балвского р-на за 1971 год.

И, наконец, нельзя обойти вниманием и те случаи, когда виновные в мошенническом хищении пользуются чужими документами. Так, например, Б. Лебедев, А. Пуке и И. Шукста получили по чужим паспортам в ателье бытового проката стиральные машины, которые продали. Народный суд квалифицировал эти деяния только как хищение социалистического имущества путем мошенничества¹.

Однако использование чужих документов представляет собой разновидность использования поддельных документов², поэтому данное деяние следовало бы квалифицировать по совокупности статей УК, предусматривающих ответственность за хищение социалистического имущества путем мошенничества и использование поддельных документов.

Таким образом, использование поддельных документов при совершении мошенничества с учетом требований действующего советского уголовного законодательства, не может быть признано лишь способом обмана и требует самостоятельной квалификации по статье УК, предусматривающей ответственность за подделку и использование поддельных документов.

---

¹ Дело № 459 нар. суда Ленинского р-на гор. Риги за 1972 год.

² Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, с. 424; Курс советского уголовного права, в 6-ти томах, т. VI, с. 222.

КРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ВИДА УГОНА СРЕДСТВ МЕХАНИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА

Статья 197 Уголовного кодекса Латвийской ССР предусматривает два вида угона средств механического транспорта — простой и квалифицированный, т.е. при отягчающих обстоятельствах. В качестве квалифицирующего признака в части II статьи 197 УК Латвийской ССР названа повторность. Повторный угон средств механического транспорта в самостоятельную часть статьи выделен также и в Уголовных кодексах РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Киргизской ССР, Грузинской ССР и Эстонской ССР. Уголовные кодексы остальных союзных республик не знают квалифицированного вида угона средств механического транспорта.

В науке советского уголовного права и уголовном законодательстве под повторностью преступления (общей и специальной) подразумеваются случаи совершения лицом нового преступления после того, как оно уже однажды совершило преступление, независимо от того, было ли оно за это ранее совершенное преступление осуждено. Повторность преступлений в широком смысле слова (общая повторность) имеет место в случаях совершения лицом нового преступления независимо от его однородности и тяжести по сравнению с первым, а повторность в узком смысле слова (специальная повторность) — в случаях совершения лицом такого же преступления¹.

Угон средств механического транспорта следует признавать повторным во всех случаях, когда лицо ранее совершило аналогичное преступление (угон), независимо от того, было ли оно осуждено за ранее совершенное деяние или нет, если судимость

1. Малков В.П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение). Казань, 1970, с. 17, 27. Фистин А.И. Ответственность за совершение повторных преступлений. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1973, с. 4-5.

не погашена или не снята в установленном законом порядке или не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

В юридической литературе нет единого мнения в отношении повторности угона средств механического транспорта в случаях, если по ранее действовавшему законодательству угон квалифицировался как злостное хулиганство. Большинство авторов считает, что для наличия повторности не имеет значения то обстоятельство, как квалифицировался ранее имевший место угон транспортных средств и квалификация угона как хулиганства не исключает повторности¹.

Противоположного мнения Ю.И. Ляпунов, по мнению которого при предшествующей квалификации угона средств механического транспорта как хулиганства повторность угона отсутствует, так как угон ни по существу, ни по форме не выражает явного неуважения к обществу и осуждение за угон по статье 206 УК РСФСР " по сути дела представляло собой применение закона по аналогии, причем весьма отдаленной"².

Следует согласиться с данным автором, что отсутствие нормы, предусматривавшей ответственность за угон механических средств транспорта, и привлечение виновных в прошлом к ответственности за данное преступление как за хулиганство, граничило с возвратом к аналогии; в то же время нельзя не усмотреть в действиях виновного наличие повторного угона. Отказ от повторности в таком случае повлек бы необоснованное смягчение наказания для виновных в таком деянии лиц.

В теории и судебной практике остается спорным вопрос о том, следует ли квалифицировать угон средств механического транспорта по правилам реальной совокупности либо по части статьи с квалифицирующим признаком повторности в тех случаях

-
1. Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1971, с. 335; Куринов Б.А. Автотранспортные преступления. М., 1970, с. 163; Зелинский А. Квалификация угонов транспортных средств. - "Советская юстиция", 1971, № 16, с. 13.
  2. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1970, с. 99-101.

когда лицо вначале совершило приготовление или покушение на преступление, а затем оконченное преступление либо наоборот.

В.П.Малков полагает, что во всех случаях, когда одно деяние остановлено на стадии приготовления или покушения, а другое является оконченным преступлением либо наоборот, содеянное должно квалифицироваться как реальная совокупность преступлений¹. При этом при квалификации должна быть отражена повторность его совершения¹.

Такого же мнения придерживается и А. Зелинский².

В обосновании своей точки зрения В.П.Малков ссылается на то, что "каждое из совершенных деяний имеет самостоятельный характер и подпадает под различные статьи УК". По его мнению "такая квалификация позволяет назначить виновному наказание за каждое деяние отдельно с учетом степени осуществления преступного намерения и причин, в силу которых оно не было доведено до конца..., т.е. избрать справедливую меру наказания по совокупности преступлений"³.

Иного мнения по этому вопросу придерживается М.И.Елум, которая полагает, что два или более преступных деяния, одно из которых признается оконченным преступлением, а второе приготовлением или покушением, не могут охватываться понятием совокупности, а должны квалифицироваться как одно повторно совершенное преступление⁴.

В судебной практике республики эти вопросы также решаются различно. Совершение нескольких самостоятельных угонных средств механического транспорта, из которых одно является

---

1. Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974, с. 200. Он же. Квалификация реальной совокупности преступлений. - "Социалистическая законность", 1974, № 1, с. 16-18.

2. Зелинский А. Квалификация преступлений, предусмотренных одной и той же статьей УК. - "Советская юстиция", 1974, № 4, с. 14.

3. Малков В.П. Совокупность преступлений, с. 201.

4. Елум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений. - В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969, с. 41.

покушением, в некоторых случаях квалифицируется как единое повторно совершенное преступление, в других как совокупность оконченного и неоконченного составов преступлений.

Например, М. 23 июня 1973 года совершил угон автомобиля ГАЗ-69 со двора жилого дома в городе Валмиера и поехал в город Стренчи. По дороге назад он заехал в кювет и автомобиль бросил. В ночь на 28 июня 1973 года в 22 часа 30 минут в городе Валмиера он вновь совершил угон автомобиля ГАЗ-69, принадлежащего санитарно-эпидемиологической станции и поехал в город Стренчи, однако автомобиль недалеко от места назначения испортился и был брошен. После этого, в ту же ночь в 23 часа 20 минут М. со двора дома в городе Стренчи пытался угнать автомобиль "Зим", но был на месте преступления задержан владельцем. Первые два эпизода, имевшие место 23 июня и 28 июня 1973 года в 22 часа 30 минут народным судом квалифицированы по части II статьи 197, а эпизод, имевший место 28 июня 1973 года в 23 часа 20 минут по статье 15 и части II статьи 197 УК Латвийской ССР, т.е. как реальная совокупность преступлений¹.

Аналогично квалифицированы действия П., который в ночь на 23 сентября 1972 года взломал гараж и пытался угнать автомобиль "Москвич-408", но не смог запустить двигатель, а затем со двора дома угнал автомобиль ГАЗ-69, принадлежащий кинодирекции города Валмиеры. Народный суд Валмиерского района признал П. виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 15 и частью I статьи 197 и частью II статьи 197 УК Латвийской ССР².

При решении данного вопроса наиболее верной, по нашему мнению, является позиция М.И. Блум.

По смыслу статьи 35 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик понятием совокупности преступлений охватываются деяния, имеющие самостоятельный характер и предусмотренные различными статьями уголовного закона.

-
1. Уголовное дело № I-135/1973г. Архив народного суда Валмиерского района.
  2. Уголовное дело № I-190/1972г. Архив народного суда Валмиерского района.

Квалификация же двух или более преступлений, которые идентичны по своим юридическим признакам и лишь остановлены на различных стадиях преступной деятельности по правилам реальной совокупности преступлений противоречит требованиям указанной статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Иное решение вопроса, как правильно отмечает М.И.Блум, приводит к тому, что совершение двух оконченных преступлений, которые одинаковы по своим юридическим признакам (в данном случае двух угонов средств механического транспорта), образуют только один квалифицированный состав преступления, предусмотренный частью II статьи 197 УК Латвийской ССР, в то время, как два идентичных по юридическим признакам преступления, из которых одно не окончено, образуют совокупность преступлений. А это, в свою очередь, в соответствии со статьей 35 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и статьей 39 УК Латвийской ССР допускает не только поглощение, но и сложение назначенных наказаний в пределах, установленных статьей закона, предусматривающей более строгое наказание, что явно нелогично¹.

Следует вывод, что угон средств механического транспорта является повторным и в тех случаях, когда ему предшествовало покушение на преступление, однако, необходимо установить, что лицо в каждом случае предприняло действия для реализации нового преступного умысла. Если же для реализации одного преступного намерения предпринимаются неоднократные попытки угона, то они еще не образуют повторности, даже если эти попытки направлены на угон различных автотранспортных средств. Пленум Верховного суда РСФСР в постановлении от 22 октября 1969 года № 50 " О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также их угоном" разъяснил, что " неоднократные попытки уго-

---

1. Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений. - В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969, с. 112.

на автомашины, совершенные в одно и то же время, в одном месте свидетельствуют лишь о стремлении ... довести преступный умысел до конца, но не образуют признака повторности"¹.

Такой же вывод следует и из анализа работ ряда авторов², аналогично этот вопрос решается и в судебной практике.

Р., В. и М. проникли в гараж сельхозартели "Кална страуме" с целью совершить угон автомобиля для поездки в магазин, где намеревались совершить хищение. Из гаража был угнан автомобиль ГАЗ-51, однако, проехав несколько метров, машину бросили, так как заехали в кювет. Затем указанные лица возвратились в гараж и взяли автомобиль ГАЗ-69, однако, вблизи гаража заглох двигатель. После этого из гаража был угнан автомобиль ГАЗ-93, на котором участники угона доехали до Апского потребобщества и совершили хищение товаров на общую сумму 1744 рубля 27 копеек, а из столовой потребобщества похитили товары и продукты на 373 рубля 65 копеек. Действия виновных лиц квалифицированы по части I статьи 197 УК Латвийской ССР³. Другой пример. Д. с целью угона проник на территорию строительного участка № 4, расположенного по улице Спилвес 2а в городе Риге, залил воду в радиатор автомашины ММЗ-355 и пытался ее завести, однако не смог. Затем он залил воду в радиатор стоявшей рядом автомашины, но и эту автомашину завести не смог. После этого Д. завел третью автомашину марки ММЗ-355 и выехал с территории строительного участка. Действия Д. народным судом также квалифицированы по части I статьи 197 УК Латвийской ССР⁴.

1. "Бюллетень Верховного суда РСФСР", 1970, № I, с. 5.

2. См. Куринов Б. А. Автотранспортные преступления. М., 1970, с. 165; Влуд М. И. Применение советского уголовного закона к продолжаемым и длящимся преступлениям. - В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1965, с. 73-74; Квашис В. Е. Гуманизм советского уголовного права. М., 1970, с. 47.

3. Уголовное дело № I-72/1969г. Архив народного суда Ленинградского района г. Риги.

4. Уголовное дело № I-238/1969г. Архив народного суда Ленинского района г. Риги.

При решении вопроса о квалификации по признаку повторности необходимо иметь в виду, что в тех случаях, когда первое преступление остановлено на стадии покушения, а повторный угон окончен, действия виновного лица квалифицируются по части II статьи 197 УК Латвийской ССР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Если же и второй угон средств механического транспорта остановлен на стадии покушения, то содеянное квалифицируется как покушение на угон, совершенное повторно¹.

Неразрешенным до настоящего времени остается вопрос о том, как квалифицировать случаи совершения одинаковых преступлений на территории нескольких союзных республик - по уголовному кодексу какой-либо союзной республики и какой именно, или по уголовным кодексам всех тех союзных республик, на территории которых совершены преступления?

Статья 4 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и статья 4 УК Латвийской ССР устанавливают, что лица, совершившие преступления на территории Латвийской ССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим на территории Латвийской ССР. В случае же совершения преступления на территории других союзных республик, если виновные лица преданы суду на территории Латвийской ССР, они подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления.

Таким образом, законодатель не определил, как следует квалифицировать случаи совершения одинаковых преступлений на территории различных союзных республик и как следует назначать наказание в этих случаях.

Большинство ученых-юристов обоснованно считает, что в данном случае действия виновных лиц следует квалифицировать по уголовным законам всех союзных республик, где совершено

---

1. Куринов Б.А. Автотранспортные преступления. М., 1970, с. 164.

преступление¹.

Такое решение вопроса, представляется, на наш взгляд, правильным, ибо, как отмечают И.И. Горелик и И.С. Тишкевич, квалификация совершенных виновным на территории нескольких союзных республик юридически равнозначных действий, каждое из которых образует состав данного преступления, по уголовному кодексу только одной республики в какой-то мере затрагивает суверенитет остальных республик, на территории которых совершено преступление².

Таким же образом вопрос решается и в судебной практике, когда одинаковые преступления, совершенные на территории различных республик, квалифицируются по уголовному законодательству всех этих республик с учетом повторности как квалифицирующего признака. Это соответствует требованиям части I статьи 4 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик, устанавливающим принцип ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления.

Однако при определении наказания за совершенные юридически тождественные преступления на территории нескольких республик судами, как правило, необоснованно применяются правила статьи 35 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и соответствующих статей уголовных

---

1. См. Горелик И.И., Тишкевич И.С. Вопросы уголовного права (общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с.69; Блум М. Пределы действия советских уголовно-правовых норм. - В кн.: Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства. "Учен. зап. Латвийского государственного университета им. П.Стучки", 1973, вып. 188, с.22; Её же. Понятие и признаки совокупности преступлений. - В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969, с.43; Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974, с.197 и др.).

2. Горелик И.И., Тишкевич И.С. Указ. работа, с. 69.

кодексов союзных республик. Правы те авторы, которые считают, что в данном случае содеянное по существу не является совокупностью преступлений, так как лицом совершены не разнородные, а по юридическим признакам идентичные преступления, которые в случае совершения на территории одной союзной республики квалифицировались бы по соответствующей статье уголовного кодекса этой республики, и в этих случаях принцип сложения наказаний не применим¹.

Мы присоединяемся к предложениям о том, что законодательство необходимо предусмотреть специальный порядок назначения наказания за одинаковые преступления, совершенные на территории различных республик, установив либо обязательное поглощение менее строгого наказания более строгим², либо определение наказания по всем кодексам союзных республик как за одно преступление в пределах, установленных статьей, которая предусматривает более строгое наказание³.

Спорным в теории и практике является вопрос о том, можно ли считать угон средств механического транспорта повторным, если он совершен лицом после применения к виновному мер общественного воздействия за аналогичное преступление. Некоторые авторы полагают, что освобождение от уголовной ответственности в связи с передачей материалов в товарищеский суд или в комиссию по делам несовершеннолетних безусловно прекращает уголовные правоотношения и вновь совершенное преступление

---

1. См. Блум М.И. Понятие и признаки совокупности преступлений. В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969, с. 43; Ереже. Пределы действия советских уголовно-правовых норм. "Учен. зап. Латвийского государственного университета им. П. Стучки", 1973, вып. 188, с. 23; Горелик И.И., Тилкевич И.С. Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного суда БССР. Минск, 1973, с. 69.

2. См. Блум М.И. Пределы действия советских уголовно-правовых норм, с. 23.

3. Горелик И.И., Тилкевич И.С. Указ. работа, с. 71-72.

не порождает повторности, за исключением случаев, когда имеются вновь открывшиеся обстоятельства или если постановление о передаче материалов в комиссию по делам несовершеннолетних или товарищеский суд отменено¹.

Другие авторы придерживаются противоположной точки зрения и считают, что совершенным повторно угон средств механического транспорта следует усматривать и в тех случаях, когда ему предшествовало совершение такого же деяния (угона) независимо от того, подвергался ли виновный за него наказанию в уголовном порядке или был подвергнут мерам общественного воздействия².

Так, А.Зелинский указывает, что "замена предусмотренного уголовным законом наказания мерами общественного воздействия или принудительными мерами воспитательного характера выражает определенное доверие лицу, надежду на его исправление и перевоспитание с помощью этих мер. И если надежды оказались обманутыми, то нет никаких оснований закрывать глаза на этот в общем-то печальный факт и считать повторное первичным". Этот автор приходит к правильному, на наш взгляд, выводу, что не признавая повторности в таких случаях, человек, обманувший раз доверие, будет поставлен в привилегированное положение, в то время, как был бы оправданной более суровой этической и правовой оценка содеянного³.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 18 постановления № 4 от 11 июля 1972 года "О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества" разъяснил: "Лицо, которое за впервые совершенное мелкое хищение подвергалось мерам общественного воздействия, в случае совершения

---

1. Малков В.П. Повторность преступлений. Казань, 1970, с. 10; Курс советского уголовного права. Ч. Общая, т. 2. Л., 1970, с. 424.

2. Куринов Б.А. Автотранспортные преступления. М., 1970, с. 164; Зелинский А. Квалификация угонов транспортных средств. - "Советская юстиция", 1971, № 16, с. 14; Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1971, с. 334-335.

3. Зелинский А. Квалификация угонов транспортных средств. - "Советская юстиция", 1971, № 16, с. 14.

вновь мелкого хищения подлежит ответственности за повторное мелкое хищение, если иное не предусмотрено законодательством союзных республик. При этом ... необходимо, чтобы каждый факт мелкого хищения был предъявлен в обвинении и исследован в судебном порядке"¹.

Представляется, что это указание Пленума в принципе может быть распространено также на случаи квалификации всех других повторных преступлений. Поэтому можно прийти к выводу, что применение мер воспитательного характера комиссией по делам несовершеннолетних или мер общественного воздействия товарищеским судом за угон средств механического транспорта не исключает возможности применения части II статьи 197 УК Латвийской ССР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик при совершении лицом аналогичного преступления в течение одного года после применения этих мер, поскольку именно в течение этого срока сохраняются иные последствия мер общественного воздействия.²

Именно таким образом данный вопрос решается и в судебной практике.

Например, С., 17 лет, 4 февраля 1971 года совершил угон автомобиля ГАЗ-69. Уголовное дело было прекращено на основании статьи 8 УПК Латвийской ССР, материалы переданы на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних и 9 марта 1971 года С. был предупрежден. 23 апреля 1971 года он вновь совершил угон автомобиля ГАЗ-69. Действия виновного народным судом Балвского района квалифицированы обоснованно по части II статьи 197 УК Латвийской ССР³.

---

1. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1973. М., 1974, с. 450.

2. Положение о товарищеских судах. М., 1970, с. 14, ст. 20. Ст. 21 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних. М., 1968, с. 12.

3. Уголовное дело № I-88/1971г. Архив народного суда Балвского района.

Другой пример: 3 марта 1972 года У. совершил покушение на угон автомашины ГАЗ-53. С учетом того, что он ранее не судим, по месту работы характеризовался положительно, материалы были переданы на рассмотрение товарищеского суда по месту работы, которым У. 12 июня 1972 года оштрафован на 10 рублей. Спустя неполный месяц после применения мер общественного воздействия У. вновь совершил угон мотоцикла и был осужден народным судом Валмиерского района по части II статьи 197 УК Латвийской ССР¹.

Заслуживает внимания предложение В.П. Малкова усовершенствовать законодательство и придать правовую силу решениям общественности по уголовным делам, предусмотрев в общей части уголовных кодексов норму, в которой содержались бы указания на необходимость рассматривать преступление как повторное, если оно совершено лицом в течение года после применения мер общественного воздействия за такое же ранее совершенное преступление². Такая норма способствовала бы правильному решению проблем повторности и исключила бы противоречивые суждения по данному вопросу.

Угон автомототранспортных средств и иных средств механического транспорта следует считать совершенным повторно, если он произведен лицом, ранее освобожденным от уголовной ответственности с передачей на поруки за угон, т.к. прекращение уголовного преследования с передачей на поруки является условным освобождением от уголовной ответственности за совершенное преступление.

Однако спорным является вопрос о том, в течение каких сроков совершение нового преступления после передачи лица на поруки может квалифицироваться повторным. По этому поводу в юридической литературе высказываются различные точки зрения.

---

1. Уголовное дело № I-163/1972г. Архив народного суда Валмиерского района.

2. Малков В.П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение). Казань, 1970, с. 79.

В.П.Малков полагает, что новое преступление может рассматриваться как повторное только в тех случаях, когда оно совершено в течение срока поручительства, т.е. в течение одного года со дня передачи лица на поруки, поскольку только в течение этого срока в соответствии со статьей 52 УК РСФСР (статьей 49 УК Латвийской ССР) лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за то же преступление, если оно не оправдало доверие коллектива¹.

Авторы Научно-практического комментария Уголовного кодекса РСФСР считают, что совершение нового преступления переданным на поруки является повторным, если по первому преступлению не истекли сроки давности².

Нам представляется, что решение вопроса о сроках, в течение которых совершение нового преступления лицом, переданным на поруки, квалифицируется как повторное, следует решать иначе. Пункт 10 статьи 37 УК Латвийской ССР в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, указывает на совершение нового преступления в течение срока поручительства (один год) или в течение одного года после окончания этого срока. На наш взгляд, этот срок, в течение которого за лицом, переданным на поруки и совершившим новое преступление, сохраняются неблагоприятные правовые последствия (кроме, разумеется, ответственности за новое преступление) и должен определять понятие повторности в данном случае. Иначе было бы нелогично один и тот же факт признавать как обстоятельство, отягчающее ответственность и в то же время не считать его существенным при решении вопроса о повторности.

К. 17 августа 1971 года совершил угон автомобиля ГАЗ-51, однако по просьбе коллектива колхозников "Зебрание" Добельского района был передан на поруки. 13 октября 1972 года он вместе с П. из гаража комбината бытового обслуживания Добельского района угнал автомобиль ГАЗ-53, на котором совер-

---

1. См. Малков В.П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение). Казань, 1970, с. 75; Его же. Квалификация повторных преступлений, совершенных переданным на поруки. - "Советская юстиция", 1965, № 1, с. 10-11.

2. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. Изд. 2-е. М., 1964, с. 132.

шил наезд на дерево и причинил владельцу ущерб на 1130 рублей. Действия К. были квалифицированы по части II статьи 197 и части I статьи 213 УК Латвийской ССР¹.

В юридической литературе уже высказывалось мнение о том, что в соответствующих статьях уголовных кодексов союзных республик, предусматривающих ответственность за угон средств механического транспорта, следовало бы указать кроме повторности и на другие отягчающие обстоятельства при совершении угона, которые наиболее часто встречаются в практике².

Нам представляется, что одним из таких отягчающих обстоятельств является угон средств механического транспорта, совершенный группой лиц по предварительному сговору.

Изучение уголовных дел, рассмотренных в народных судах республики за период времени с 1964 по 1974 годы показало, что в 40% случаев угоны транспортных средств совершались группой лиц по предварительному сговору. В практике встречаются устойчивые, сплоченные группы, систематически занимающиеся угоном транспортных средств. Так, в 1971 году народным судом Пролетарского района города Риги было рассмотрено уголовное дело по обвинению Р. и других, совершивших 15 угонов. В том же году в народном суде Московского района города Риги была осуждена группа несовершеннолетних (уголовное дело по обвинению Ю., Ш. и О.), которые в течение полугода совершили 29 угонов и покушений на угон средств механического транспорта.

Народным судом Ленинградского района города Риги в 1972 году рассмотрено уголовное дело по обвинению О., Щ. и других (всего 7 человек), совершивших в течение трех месяцев 24 угона транспортных средств. На это указано и в постановлении Пленума Верховного суда Латвийской ССР от 24 марта

---

1. Уголовное дело № I-247/1972г. Архив народного суда Добельского района.

2. Куринов Б.А. Автотранспортные преступления. М., 1970, с.166.

1969 года № 3 "О судебной практике по уголовным делам о незаконном угоне средств механического транспорта", в котором отмечено, что "имеются факты, когда несовершеннолетние, создав устойчивую преступную группу, занимались угонем средств автотранспорта"¹.

Это позволяет прийти к выводу о необходимости включения в качестве квалифицирующего признака совершение угона средств механического транспорта группой лиц, предусматривая повышенную уголовную ответственность, так как совершение рассматриваемого преступления в группе представляет повышенную общественную опасность. Кроме того, предусмотрение ответственности за угон, совершенный группой лиц по предварительному сговору позволило бы избежать ошибок при решении вопроса об ответственности лиц, принимавших участие в угоне транспортных средств².

Не менее важным представляется дополнение статьи 197 УК Латвийской ССР таким квалифицирующим признаком, как угон средств механического транспорта, соединенный с насилием или угрозой применения насилия.

Объективно завладение средством механического транспорта может совершаться как тайно (более чем в 90% случаев по изученным уголовным делам), так и открыто, причем открытое завладение транспортным средством может быть сопряжено с насилием над личностью. В этом случае налицо совокупность двух преступлений - угона средств механического транспорта и соответствующего преступления против личности. Однако при самостоятельной квалификации угона средств механического транспорта и насилия над личностью потерпевшего, санкция за нанесение ударов или побоев, а также за причинение легких телесных повреждений не выходит за пределы санкции, предусмотренной

---

1. Сборник постановлений Пленума Верховного суда Латвийской ССР 1960-1972. Рига, 1973, с. 144.

2. Об этом смотри подробнее В. Лихолая. Ответственность за угон средств механического транспорта по уголовному законодательству союзных республик. "Учен. зап. Латвийского государственного университета им. П. Стучки", Рига, 1973, вып. 188.

нормой за угон средств механического транспорта без отягчающих обстоятельств, и таким образом, особая дерзость виновного, захватившего транспортное средство с применением насилия, не может быть наказана строже, чем тайный угон. Как отмечает А.Зелинский, явная несообразность такого положения порождает у практических работников стремление "восполнить" закон заведомо неверной квалификацией насильственного угона по статьям о злом хулиганстве или грабеже¹, что недопустимо.

Правильность данного вывода подтверждается и материалами судебной практики. Народным судом Гулбенского района в 1973 году было рассмотрено уголовное дело по обвинению А. и П., совершивших угон мотоцикла "Восход" при следующих обстоятельствах. 30 июля 1973 года, после соревнований по мотоспорту, в которых принимал участие П., подсудимые распивали спиртные напитки, а затем пошли на танцы. Так как для поездки домой не хватало денег, то решили отнять мотоцикл у несовершеннолетнего Ю. С этой целью, взяв сук от дерева для подавления возможного сопротивления потерпевшего, встретили Ю. на шоссе и пытались остановить мотоцикл. Когда Ю. отказался остановиться, нанесли ему удар палкой по каске, сорвали с мотоцикла Ю. и его пассажира В., ударили Ю. в лицо и пытались ударить его ногой, после чего Ю. мотоцикл оставил. Затем П. и А. угнали мотоцикл и через некоторое время оставили на дороге, так как кончился бензин. Органы предварительного следствия квалифицировали действия виновных по части I статьи 197 и части II статьи 141 УК Латвийской ССР. Народный суд признал А. и П. виновными в совершении преступления, предусмотренного частью I статьи 197 УК Латвийской ССР указав, что вина подсудимых в совершении разбоя группой лиц по предварительному сговору не доказана, так как не было умысла на присвоение мотоцикла. Насильственные действия подсудимых народный суд оценил как умышленное на-

1. Зелинский А. Квалификация угонов транспортных средств. - "Советская юстиция", 1971, № 16, с. 14.

несение ударов, однако П. и А. к уголовной ответственности по части I статьи III УК Латвийской ССР не привлечены, так как потерпевший обвинение по данной статье не поддерживал.

Прокурор района не согласился с приговором народного суда и в кассационном протесте указал, что А. и П. в группе по сговору совершили нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья, их умысел был направлен на завладение мотоциклом и независимо от того, на какое время виновные лица хотели им завладеть, в их действиях усматриваются признаки разбойного нападения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР приговор народного суда оставила без изменений мотивируя тем, что у подсудимых не было умысла обратить мотоцикл в свою собственность.¹

В этой связи представляется целесообразным внести изменение в часть II статьи I97 УК Латвийской ССР, предусмотрев в ней повышенную ответственность за незаконный открытый угон средств механического транспорта, соединенный с насилием или угрозой применения насилия, если они сами по себе не влекут более тяжелой меры наказания, и изложить часть II статьи I97 УК в следующей редакции:

"Те же действия, совершаемые повторно либо по предварительному сговору группой лиц, а равно соединенные с нанесением легкого телесного повреждения, побоев, или совершение иных насильственных действий, а также соединенные с угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, --

наказываются лишением свободы на срок до трех лет".

В тех случаях, когда виновным последовательно совершены два самостоятельных преступления, одно из которых преступление против личности более тяжкое, чем предусмотренное в предлагаемой редакции (умышленные телесные повреждения средней тяжести, тяжкое телесное повреждение или убийство)

1. Уголовное дело № I-68/I973г. Архив народного суда Гулбанского района.

а другое - незаконный угон средств механического транспорта, действия виновного надлежит квалифицировать по совокупности части I статьи 197 УК Латвийской ССР и соответствующей статье уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за умышленное преступление против жизни и здоровья граждан.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕР НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Для исправления и перевоспитания лиц, виновных в совершении преступлений, а также для предупреждения совершения новых преступлений иными лицами, важное значение имеет индивидуализация наказания. Соблюдение принципа индивидуализации наказания достигается путем применения как основного, так и дополнительных мер наказания. Следует отметить, что рассмотрению вопроса о применении дополнительных наказаний в юридической литературе до сих пор уделяется недостаточное внимание. Иногда этот вопрос по разному решается и в судебной практике. В отношении отдельных категорий преступлений дополнительные меры наказания имеют особое значение. К таким преступлениям можно отнести преступные посягательства в области охраны природы. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть некоторые вопросы применения дополнительных мер наказания к лицам, виновным в совершении этих преступлений.

Дополнительные наказания могут применяться по приговору суда в тех случаях, когда по обстоятельствам дела, в зависимости от личности виновного, целесообразно усилить предупредительное воздействие наказания путем присоединения к основному того или иного дополнительного наказания.

Разумное применение дополнительных мер наказания содействует борьбе с преступностью и предупреждает совершение новых преступлений, поэтому судам необходимо со всей серьезностью обсуждать вопрос о целесообразности применения дополнительных наказаний в каждом конкретном случае.

Ст. 27 УК ЛатвССР предусматривает такое дополнительное наказание, как лишение права заниматься определенной деятельностью сроком от одного года до пяти лет. Применение

такого дополнительного наказания дает возможность не допускать нечестных людей на определенное судом время к занятию деятельностью, с которой связано совершенное преступление, и после отбытия основного наказания, а если основное наказание не связано с лишением свободы, то и во время отбытия такого наказания. Таким образом, закон предусматривает возможность удлинения срока воздействия уголовного наказания на виновного для выполнения задачи по его исправлению и перевоспитанию. Это достигается тем, что осужденный на время дополнительного наказания лишен возможности заниматься деятельностью, с которой было связано совершение преступления. Лишения права заниматься определенной деятельностью играет немалую роль для предотвращения специального рецидива.

В юридической литературе последних лет утвердилось единое мнение о том, что дополнительные меры наказания могут быть применены при осуждении по таким статьям уголовного закона, в санкции которых не предусмотрено дополнительное наказание, при уловии, если закон не содержит специального ограничения для их применения.¹

В УК ЛатвССР подобные ограничения установлены в статьях 29 и 32 в отношении денежного штрафа и конфискации имущества, а в статьях 25 и 34 имеются ограничения в отношении отдельных категорий осужденных или преступлений.

Таким образом, на основании ст. 27 УК ЛатвССР дополнительное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью суд может применить в тех случаях, когда по характеру совершенного виновным преступления при занятии определенной деятельностью, судом признается невозможным охранить за ним права заниматься этой деятельностью.

В юридической литературе высказывалось мнение, что при осуждении лица за незаконную охоту (ст. 160 УК) может

---

¹См., например, Г.А. Кригер, Г.Л. Кригер, О дополнительных мерах наказания, - "Советская юстиция", 1972, №1, с. 14.

быть применено дополнительное наказание в виде лишения права охоты на определенный срок.¹

Представляется, что положения ст. 27 УК ЛатвССР не препятствует такому решению вопроса и практически возможно применить такое дополнительное наказание.

Согласно Положению об охоте и охотничьем хозяйстве Латвийской ССР, утвержденному Постановлением № 446 Совета Министров Латвийской ССР от 9 августа 1974 года, право производства охоты на территории Латвийской ССР имеют все граждане СССР, достигшие 18-летнего возраста и состоящие членами общества охотников.²

Таким образом, все охотники объединены в общество охотников и охота разрешается только членом этого общества при условии соблюдения установленных правил.

Ст. 160 УК ЛатвССР устанавливает уголовную ответственность в случаях, если лицо повторно в течение года нарушает правила охоты, причем при условии, что за первое нарушение применены меры административного воздействия (часть 1) или причинен значительный ущерб, а также за охоту на зверей, охотиться на которых полностью запрещено (часть 2).

Хотя уголовная ответственность предусмотрена только за самые грубые нарушения правил охоты, судебная практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев лица, привлеченные к уголовной ответственности за незаконную охоту, приговариваются к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Поэтому целесообразно таких лиц и после отбывтия наказания лишать права заниматься охотой, если судом будет признана такая необходимость. Так, приговором народного суда Мадонского района от 24 июля 1973 года были осуждены

---

¹ См.: Г.Г.Булатов, Б.А.Филимонов. Браконьера к ответу. М., 1966, с. 12.

² "Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР", 1974, № 43, с. 1358.

Л.Р., А.А. и Я.А. по ч.2 ст.160 УК ЛатвССР за то, что они оулучи членами общества охотников в запрещенное время и запрещенным способом, используя для отыскивания дичи подключенный к автомашине "Волга" прожектор, убили самца косули и двух зайцев, причинив значительный ущерб охотничьему хозяйству в размере 240 рублей.

Народный суд, приговорив всех троих осужденных к исправительным работам по месту работы, применил дополнительное наказание - запрещение заниматься охотой - Л.Р. на три года, а А.А. и Я. А. на пять лет каждого.^I В данном случае осужденные, являясь членами охотничьего общества, грубейшим образом нарушили правила охоты, поэтому они должны быть лишены права охоты на более продолжительное время.

Такое дополнительное наказание воздействует не только на самих осужденных, но имеет также предупредительное значение в отношении других охотников, склонных к нарушению правил охоты.

Следует, правда, отметить, что народный суд Мадонского района в упомянутом приговоре использовал не совсем удачную формулировку дополнительного наказания - запрещение состоять в обществе охотников. Конечно, такое запрещение не соответствует положению ст. 27 УК ЛатвССР, но само применение дополнительного наказания - лишение осужденным права заниматься охотой является правильным.

Одной из функций охотничьего хозяйства является добыча лесных животных, что осуществляется членами общества охотников. Так, согласно Постановлению № 446 Совета Министров Латвийской ССР от 9 августа 1974 года, от всего количества ежегодно отстреливаемых лосей 2/3 необходимо сдать государству.

Таким образом, членство в обществе охотников связано с деятельностью по добыче лесных животных; запрещение заниматься охотой вполне соответствует тем целям, которым

---

^I Уголовное дело Верховного суда Латвийской ССР № 1559 за 1973 год.

служит такое дополнительное наказание, как запрещение заниматься определенной деятельностью.

В санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 160 УК ЛатвССР предусматривается возможность применения конфискации добытого и орудий охоты, а в ч. 1 ст. 159 УК ЛатвССР — конфискация добытого, орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями.¹

В этой связи необходимо отметить, что в юридической литературе и в судебной практике не всегда однообразно решается вопрос о том, является ли конфискация незаконно добытого, орудий охоты, средств и орудий рыбной ловли дополнительным наказанием или это лишь дополнительное указание в уголовном законе на необходимость безвозмездного отчуждения добытого в результате незаконной охоты и средств и орудий, с помощью которых было совершено преступление.

Если такое отчуждение не считать дополнительным наказанием, то получается, что в санкции статьи уголовного кодекса затрагивается вопрос о вещественных доказательствах и других изъятых предметах, хотя в соответствующей статье уголовно-процессуального кодекса эти положения подробно регламентированы. Так ст. 66 УПК ЛатвССР устанавливает, что орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, и вещи, приобретенные преступным путем, — конфискуются.

Исходя из положений ст. 66 УПК ЛатвССР можно конфисковать как добытое в результате незаконной охоты, так и орудия и средства, с помощью которых такое преступление было совершено. Таким образом, при подобной трактовке вопроса указание в статье уголовного закона на конфискацию добытого и орудий преступления практически лишь повторя-

---

¹ В ст. 166 УК РСФСР, устанавливающей уголовную ответственность за незаконную охоту, предусмотрена возможность конфискации добытого, ружей и других орудий охоты. В ч. 1 ст. 163 УК РСФСР, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное занятие рыбным и другими водными добывками промыслами, предусмотрена возможность конфискации добытого, орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями. В ст. 169 УК РСФСР, устанавливающей уголовную ответственность за незаконную порубку леса, предусмотрена конфискация незаконно добытого.

ет положения нормы уголовно-процессуального закона.

В юридической литературе конфискацию добытого и орудий преступления именуют специальной конфискацией. Такое обозначение конфискации дает основание полагать, что речь идет о специальном случае частичной конфискации имущества, которая согласно ст. 32 УК ЛатвССР, может быть применена как дополнительное наказание за корыстные преступления в случаях, специально предусмотренных законом.

Однако, многие советские ученые не рассматривают случаи специальной конфискации в качестве меры наказания. Так, еще в 1962 году И.С. Ной высказал мнение, что конфискация орудий преступления и предметов, добытых преступным путем, не является видом конфискации имущества как меры уголовного наказания.¹

Подобное утверждение содержится также в одном из последних учебников Советского уголовного права, понимая под специальной конфискацией конфискацию орудств и орудий, с помощью которых было совершено преступление, или предметов, добытых в результате совершенного преступления, авторы учебника отмечают, что конфискация имущества как мера наказания отличается от специальной конфискации, которая не является наказанием.²

Таким образом, часть советских авторов конфискацию добытого и орудий преступления, предусмотренную в санкции конкретной статьи уголовного кодекса, приравнивает к конфискации вещественных доказательств.

Однако решение данной проблемы осложняется тем, что в санкциях обеих частей ст. 160 и в ч. 1 ст. 159 УК ЛатвССР, конфискация добытого, орудий охоты, орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями является альтернативной, в то время как ст. 66 УПК Латв. ССР обязывает суды конфисковать незаконно добытое и орудия преступлений. Таким образом,

---

¹ См.: Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962, с. 130.

² Советское уголовное право. Часть общая, М., 1972, с. 350.

если отстаивать такое понимание специальной конфискации, то следует признать, что в настоящее время имеется коллизия между материальной и процессуальной нормами, которая должна быть устранена.

В то же самое время следует отметить, что в ч. 3 ст. 159 УК ЛатвССР предусматривающей уголовную ответственность за незаконную рыбную ловлю, не содержится указание на конфискацию добытого и орудий рыбной ловли. В ст. 161 УК ЛатвССР, предусматривающей ответственность за незаконную порубку леса, также отсутствует указание на конфискацию незаконно добытого. Если признать специальную конфискацию процессуальной нормой, то следует упрекать законодателя в непоследовательности решения рассматриваемого вопроса.

В судебной практике не возникает никаких сомнений в том, что необходимо конфисковать добытое в результате незаконной рыбной ловли или незаконной порубки леса, а также орудия и орудия совершения преступления как вещественных доказательств на основании ст. 66 УПК ЛатвССР.

В настоящее время нет спора о том, что транспортные средства, принадлежащие лично лицам, осужденным за преступления, в совершении которых они использовались, должны рассматриваться как орудия преступления и конфисковаться.

Так поступил народный суд Екабпилсского района, который по делу Ж. приговором от 12 апреля 1971 года, установив, что Ж. использовал освещение лично ему принадлежащей автомашины "Запорожец" для отыскивания лося, и через окно автомашины застрелил его, на основании ст. 66 УПК ЛатвССР конфисковал эту автомашину.¹ Такая позиция является правильной, так как автомашина в данном случае была непосредственно использована для совершения преступления и как орудие преступления признана вещественным доказательством по делу.

---

¹ Уголовное дело Верховного суда Латвийской ССР № 1838 от 1971 г.

В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1972 года "О практике применения законодательства об охране природы", разъяснено судам, что по делам о незаконной охоте, незаконном занятии рыбным и другими водными добывающими промыслами, незаконной порубке леса орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, в том числе автомашины, мотоциклы, лодки и иные транспортные и плавучие средства, в случаях использования их как орудий, с помощью которых совершаются преступные действия (лов рыбы, отстрел зверей), подлежат конфискации на основании ст. 86 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик.¹

В этой связи необходимо отметить, что в упомянутом приговоре, а также в п. 8 Постановления Пленума, юридическим основанием конфискации орудий преступления указывается уголовно-процессуальная норма (ст. 66 УПК ЛатвССР и ст. 86 УПК РСФСР), предусматривающая конфискацию орудий преступления как вещественных доказательств.

Из сказанного можно сделать вывод, что судебная практика при конфискации орудий и средств преступления, руководствуется соответствующей нормой УПК. Поэтому, если согласиться с теми советскими учеными, которые не рассматривают специальную конфискацию как вид дополнительного наказания, то следует полностью отвергнуть необходимость включения конфискации орудий и средств преступления в санкции конкретной статьи УК.

В юридической литературе по этому вопросу высказана иная точка зрения. Так, Г.Г. Булатов и Б.А. Филимонов пишут, что "в качестве дополнительной меры наказания обе части ст. 166 УК РСФСР² устанавливают конфискацию добытого и орудий охоты".³

¹ "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1972, № 3, с. 9.

² Соответственно ст. 160 УК ЛатвССР.

³ Булатов Г.Г., Филимонов Б.А. Браконьера к ответу, с. 35.

В этой связи определенный интерес представляет уже упомянутое уголовное дело народного суда Мадонского района, по которому орудием охоты было признано ружье, непосредственно не использованное при совершении преступных действий. По данному уголовному делу у Я.А. было изъято ружье, которое осужденный не использовал на незаконной охоте и ружье не было признано вещественным доказательством в деле. Народный суд приговором конфисковал это ружье. В своей кассационной жалобе осужденный просил исключить из приговора конфискацию ружья, указывая на то обстоятельство, что во время незаконной охоты, ружье находилось дома. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР определением от 16 августа 1973 года жалобу осужденного в этой части отклонила, мотивируя это тем, что в санкции ч. 2 ст. 160 УК Латв. ССР предусмотрена конфискация орудий охоты. Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам признала, что по смыслу закона к орудиям охоты, указанным в ст. 160 УК ЛатвССР, относятся не только те предметы, которые непосредственно использованы в процессе совершения преступления для достижения преступного результата, но и такие, которые ввиду совершения преступления виновным, не могут быть оставлены в его собственности, поэтому должны быть конфискованы.

Если исходить из таких соображений, то конфискацию орудий охоты, орудий рыбной ловли и плавучих средств с их принадлежностями, следует признать наказанием и отнести к частичной конфискации имущества, которая специально предусмотрена соответствующей статьей Особенной части УК.

Нам представляется, что такое решение вопроса не лишено оснований. В самом деле, если лицо совершает уголовно наказуемые нарушения правил охоты или рыбной ловли, как правило имея цель наживы, то представляется целесообразным его лишить и тех орудий и средств охоты или рыбной ловли, которые в дальнейшем могут быть использованы для совершения правонарушений.

Бряд ли можно считать нормальным, например, такое положение, когда у осужденного, который занимался незаконной

рыбной ловлей, используя сети, конфискуются только эти сети как орудия преступления, а другие сети или средства незаконной рыбной ловли, обнаруженные не на месте совершения преступления, оставляются в его собственности.¹

Кроме того, необходимо учесть, что охрана природных богатств приобретает все большее значение и требует применения новых средств для борьбы с лицами, которые хищнически истребляют природные богатства.

Мы считаем, что под орудиями охоты, орудиями лова и плавучих средств с их принадлежностями понимаются не только такие орудия, которые непосредственно использовались для совершения преступления, но и другие, находящиеся в личной собственности виновного. В таком случае нет возражений, что в санкциях ст. 160 и ч. I ст. 159 УК ЛатвССР указывается на возможность конфискации орудий охоты, орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями и такую конфискацию следует признать дополнительным наказанием — конфискацией имущества, специально предусмотренной в статьях Особенной части УК. В таком смысле ее можно назвать специальной конфискацией.²

Применение такой частичной конфискации за незаконную охоту или незаконную рыбную ловлю имело бы большое предупредительное значение.

Вместе с тем, чтобы подчеркнуть значение частичной конфискации, полагаем, что следовало бы отказаться от включения в санкции статьи Особенной части УК указание на конфискацию незаконно добытого и не понимать под орудиями и средствами охоты и рыбной ловли только те, которые непосредственно использовались для совершения конкретного преступления.

---

¹ В этой связи небезинтересно отметить, что санкция ч. 2 ст. 159 УК ЛатвССР, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное занятие рыбным и другими водными добычными промыслами при квалифицирующих обстоятельствах, предусматривает возможность применения как дополнительного наказания конфискацию имущества.

² Загородников Н.И. Советское уголовное право, М., 1976, с. 173.

Для единообразного решения рассматриваемого вопроса, Пленуму Верховного Суда СССР следовало бы разъяснить, что понимать под орудиями охоты и орудиями лова, конфискация которых предусмотрена почти во всех статьях УК союзных республик, предусматривающих уголовную ответственность за незаконную охоту и незаконную рыбную ловлю (исключением является ст. 157 УК БССР и статьи 173 и 174 УК ЛитССР).

А. ЦВЕТИНОВИЧ
кандидат юридических наук

О ПРОБЛЕМАХ ЗАМЕНЫ НЕОТБУТЫЙ ЧАСТИ НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ МЯГКИМ НАКАЗАНИЕМ

I. Замена неотбытой части наказания более мягким наказанием¹ является одним из институтов освобождения осужденных от назначенного судом наказания до истечения его срока, указанного в приговоре. Как и условно-досрочное освобождение, замена регламентируется ст.ст. 44-45 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Исследование практики применения различных видов досрочного освобождения приводит к выводу, что замена применяется весьма редко; это констатировали многие авторы, выступавшие в печати по данной проблеме². Между тем, этот институт, при применении которого освобождение от наказания не является полным, а означает переход от более строго наказания и наказанию другого вида, более мягкому по сравнению с прежним, сочетает в себе одновременно стимул исправления осужденных и благоприятные возможности завершения исправительно-воспитательного процесса под воздействием более мягкого наказания. Замену можно рассматривать в качестве одного из средств индивидуализации наказания в процессе его исполнения. С этих позиций замена представляется важным средством борьбы с рецидивной преступностью.

Редкое применение замены на практике нельзя объяснить сле-

¹ В дальнейшем для краткости именуется "заменой".

² См., например: Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе, М., 1963, с. 172. Хан-Магомедов Д.О. Освобождение от наказания, М., 1964, с. 35. Иванов В.А. Прокурорский надзор за исполнением приговора, Л., 1966, с. 13. Шмаров И.В., Кузнецов Ф.Т., Подымов П.Е. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений, М., 1968, с. 177. Курс советского уголовного права (Часть Общая), т. 2, Л., 1970, с. 433. Курс советского уголовного права, т. III, М., 1970, с. 271. Фистин А.Н. Ответственность за совершение повторных преступлений. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени кандидата юридических наук, М., 1973, с. 14, и многие другие работы.

чайностью или непопулярностью этого института среди практических работников. Думается, что причины этого явления следует искать в самой законодательной регламентации замены.

Прежде всего, необходимо констатировать полную идентичность предпосылок и оснований применения условно-досрочного освобождения и замены: оба института применимы в отношении одних и тех же категорий осужденных при отбывании ими одних и тех же наказаний и после отбытия одинаково исчисляемой обязательной части срока; оба института могут быть применены только в том случае, если осужденный доказал свое исправление.

В то же время применение условно-досрочного освобождения и замены влечет за собой существенно различные правовые последствия; главное различие состоит в том, что условно-досрочное освобождение условно, а замена безусловна, т.е. при условно-досрочном освобождении неотбытая часть наказания, от которой лицо досрочно освобождается, при определенных условиях может быть обращена к реальному отбыванию; при замене же и поведению лица, которому часть наказания заменена другим, не предъявляется никаких требований, невыполнение которых могло бы повлечь за собой обращение к отбыванию неотбытой части прежнего наказания. Единственная правовая обязанность, возлагаемая на такое лицо, — обязанность отбыть назначенное ему взамен прежнего другое, более мягкое наказание.

Из этого вытекают различия в последствиях совершения нового преступления условно-досрочно освобожденным и лицом, которому неотбытая часть наказания заменена более мягким наказанием. Присоединение неотбытой части наказания происходит в первом случае при совершении умышленного преступления и назначении за него наказания лишением свободы; во втором случае — при совершении любого преступления и назначении за него любого наказания. При условно-досрочном освобождении предусмотренные законом правовые последствия (сложение наказаний и неприменение повторного досрочного освобождения) наступают в случае совершения нового преступления в течение второй неотбытой части; при замене — в случае совершения его в течение срока более мягкого наказания (который нередко оказывается короче неотбытой части прежнего наказания). При условно-досрочном освобождении к наказанию за новое преступление присоединяется неотбытая часть прежнего наказания; при замене — неотбытая часть

более мягкого наказания, назначенного взамен прежнего. И все это — при совершенно одинаковых основаниях применения обоих институтов.

Ни закон, ни какой-либо иной правовой акт не содержит указаний, когда, в каких случаях следует применять условно-досрочное освобождение, а когда — замену; какие-либо критерии выбора между двумя видами досрочного освобождения отсутствуют. Выбор между условно-досрочным освобождением и заменой, таким образом, ничем не регламентирован и зависит в каждом отдельном случае исключительно от усмотрения суда.

Как показывает изучение судебной практики, суды в соответствии с требованиями закона и применяют эти два института на совершенно одинаковых основаниях. В определениях о замене наказания более мягким приводятся те же самые мотивировки и обоснования, что и в определениях об условно-досрочном освобождении. Ни в одном из 100 изученных нами в судах Львовской и Тернопольской областей УССР определений о замене за 1966—1968 и 1970—1972 годы мы не встретили вообще никакого обоснования причин применения именно замены, а не условно-досрочного освобождения.

В теоретической литературе проблема критериев выбора между двумя видами освобождения также не разработана. Попытки предложить приемлемое для практики решение неизбежно приводят к тому, что их авторы вступают в противоречие с законом, не предусматривающим никакого различия в основаниях применения условно-досрочного освобождения и замены. Так, Г.А.Кригер пишет: "Наряду с условно-досрочным освобождением закон предусматривает также возможность замены неотбытой части наказания более мягким наказанием... если лицо не исправилось, но твердо встало на путь исправления"¹. Аналогичное мнение высказал Ю.М.Ткачевский: "Замена неотбытой части наказания другим, более мягким наказанием применяется в тех случаях, когда взрослые или несовершеннолетние осужденные твердо встали на путь исправления, но окончательно не ис-

---

¹ Кригер Г.А. Назначение наказания и освобождение от наказания по советскому уголовному праву. М., 1961, с.35.

правились¹. В таком же плане трактуют этот вопрос еще некоторые авторы². Вряд ли можно сомневаться в том, что эта точка зрения прямо противоречит закону.

Согласно закону основанием применения условно-досрочного освобождения или замены является юридический факт исправления осужденного. При этом, как представляется, под исправлением понимается достижение целей уголовного наказания, в том числе цели исправления и перевоспитания осужденного, т.е. в конечном счете наступление таких изменений в сознании осужденного, которые исключают совершение им преступлений в будущем не под влиянием страха перед наказанием, а в силу сложившегося у него внутреннего убеждения в необходимости жить честно, удовлетворяя свои потребности не преступным, а законным путем³.

С этой точки зрения следует признать непоследовательной позицию Ю.Н.Емельянова, который, с одной стороны, признает идентичность оснований применения условно-досрочного освобождения и замены и необходимость достижения целей общей и частной превенции для их применения, а с другой, — полагает, что замена должна применяться тогда, когда неполностью достигнута цель специального

¹ Ткачевский Ю.М. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962, с. 93. В более поздней работе автор пересмотрел свои позиции и приведенную концепцию предлагает уже *de lege ferenda* (см.: Ткачевский Ю.М. Освобождение от наказания по действующему советскому уголовному праву. Автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора юрид. наук. М., 1965, с. 22).

² См.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962, с. 332. Дибавин А.А. Вопросы компетенции суда и администрации при исполнении приговора. — В кн.: Доклады теоретической конференции, посвященной вопросам советского исправительно-трудового права. Томск, 1959, с. 14. Научно-практический комментарий и Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Под ред. В.Д.Меньягина и П.С.Ромашкина. М., 1960, с. 165.

³ В рамках настоящей статьи нет возможности подробно останавливаться на дискуссионных вопросах учения о целях наказания в советском уголовном праве, о содержании каждой из них и т.д. Приведенное суждение выражает мнение автора по этим проблемам, сложившееся в процессе их исследования и изучения (см.: Цветинович А.Д. Досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву. Автореферат дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1973).

предупреждения¹. По мнению С.Я.Улицкого, замена должна применяться в двух случаях: а) когда дальнейшее применение наказания, хотя бы и другого вида, вызывается задачами общей превенции или б) когда осужденный уже исправился, но его еще следует перевоспитать². Такая постановка вопроса также представляется неудовлетворительной: во-первых, применение наказания только ради общей превенции противоречит принципам советского уголовного права; во-вторых, разделение единой цели исправления и перевоспитания на две самостоятельные цели уголовного наказания является, на наш взгляд, искусственным, надуманным построением, противоречащим духу и букве ст.20 Основ.

Как представляется, законодательная регламентация института замены наказания более мягким содержит в себе существенное противоречие - между основанием применения замены и правовыми последствиями ее. Вследствие этого противоречия акт замены означает, что суд, констатировав исправление лица, т.е. утрату им общественной опасности, все же не освобождает его от наказания, хотя бы условно, а назначает ему взамен неотбытого другое наказание. Наказание применяется в отношении лица, уже не опасного для общества.

По нашему мнению, применение замены в отношении полностью исправившегося осужденного ничем нельзя ни объяснить, ни оправдать. Полное исправление должно влечь за собой и полное освобождение от наказания. Замена неотбытой части наказания другим (хотя бы и более мягким) наказанием не может не исходить из предположения о незавершенности исправления осужденного³. Следовательно, основанием применения замены не может признаваться полное исправ-

¹ См.: Емельянов Ю.Н. Основные вопросы освобождения осужденных от дальнейшего отбывания наказания по советскому уголовному праву. Дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Свердловск, 1964, с. 187-189.

² См.: Улицкий С.Я. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и замена им наказания более мягким. Дис. на соиск. учен. степени кандидата юридических наук, Алма-Ата, 1964, с. 279-280.

³ Эту мысль высказывает и М.И.Федоров (см.: Курс советского уголовного права (Часть Общая), т.2, с.433). Отправляясь от нее, он ставит под вопрос целесообразность дальнейшего существования института замены, с чем уже нельзя согласиться, так как это означало бы необоснованный отказ от одного из средств борьбы с преступностью.

ление осужденного¹, и совершенствование законодательства мы считаем необходимым прежде всего именно в этом направлении.

Основанием применения замены должна быть признана определенная степень приближения осужденного к полному исправлению, от которой должна зависеть интенсивность карательного и воспитательно-го воздействия в период неотбытой части наказания, т.е. вид наказания, назначаемого взамен неотбытой части прежнего. В общей форме основание применения замены можно сформулировать как поведение осужденного, убеждающее в том, что, будучи освобожден, он не совершит преступления, будет точно соблюдать законы, честно относиться к труду и уважать правила социалистического общежития².

При таком основании досрочного освобождения от назначенного судом наказания становится правомерным применение взамен неотбытой его части другого, более мягкого наказания. Под углом зрения учения о целях наказания это означает, что к моменту замены наказания более мягким в отношении осужденного непременно должна быть достигнута цель специальной превенции. Достижение цели общей превенции презюмируется фактом отбытия установленной законом обязательной части наказания. Цель же исправления - перевоспитания осужденного может быть и недостигнутой. Для ее достижения и назначается более мягкое наказание.

Совершенствование законодательства о замене, на наш взгляд, должно одновременно пойти и по пути пересмотра положения о безусловности замены. Предложение о том, чтобы замена была условной,

---

¹ См.: Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания (автореферат), с.23. Водяников Д.П. Дальнейшее развитие институтов досрочного, условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким в действующем уголовном законодательстве. - В кн.: Вопросы уголовного права. Сборник статей. М., 1966, с.163-164. Емельянов Ю.Н. Указ. соч., с.330. Курс советского уголовного права, т. III, с.271-272.

² Подробнее см.: Цветинович А.Л. О критериях оценки и признаках исправления осужденных, отбывавших наказание в виде лишения свободы. - В кн.: Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР, вып.3. Калининград, 1974, с.112-114.

уже вносилось в нашей литературе ^I. Такое решение вопроса не было бы новым для советского уголовного законодательства. В подписанном В.И. Лениным декрете СНК РСФСР от 21 марта 1921 г. "О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных" указывалось: "Условно-досрочное освобождение выражается либо в полном освобождении от наказания, либо в сохранении принудительных работ без содержания под стражей на весь оставшийся срок его или часть его" ². Аналогичное положение содержалось в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. ³ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 г. также предусматривалось, что (ст.3) "условно-досрочное освобождение выражается либо в освобождении от дальнейшего отбывания меры наказания, либо в замене ее более мягкой мерой наказания" ⁴. Таким образом, на протяжении всего времени осуществления института условно-досрочного освобождения в советском праве замена была его разновидностью и, следовательно, была условной. Лишь с принятием в 1958 г. ныне действующих Основ уголовного законодательства замена стала безусловной, преобразовавшись в связи с этим в самостоятельный институт.

По нашему мнению, такое преобразование вряд ли можно считать оправданным. Прежнее решение вопроса, как нам кажется, в большей мере соответствовало и юридической природе рассматриваемых институтов, и назначению их как орудия борьбы с преступностью.

Введение условности замены предполагает установление таких же последствий совершения нового преступления лицом, освобожден-

---

^I См.: Орел Л.Е. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы по советскому уголовному праву. Дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Харьков, 1966, с. 347. Ременсон А.Д. Новые положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах и вопросы теории советского исправительно-трудового права. - В кн.: Правовые вопросы лишения свободы и перевоспитания заключенных. Томск, 1964, с. 18.

² СУ РСФСР, 1921, №22, ст. 138.

³ СЗ СССР, 1924, №24, ст. 205.

⁴ Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938-1958. М., 1959.

ним от наказания в порядке его замены, как и при совершении нового преступления условно-досрочно освобожденным. Это означает, что испытательным сроком должна служить неотбытая часть срока прежнего наказания; что в случае совершения в течение этого срока нового преступления к наказанию за него должна присоединяться замененная ранее неотбытая часть прежнего наказания за вычетом отбытой части заменяющего более мягкого наказания (в соотношении 3:1, если речь идет о переводе более мягких наказаний в лишение свободы) I

Такие изменения привели бы к существенному повышению ответственности лица, освобожденного от наказания с заменой его более мягким, за совершение нового преступления. Это значительно усилило бы стимулирующую функцию замены, ее исправительно-воспитательное значение.

Советствование законодательства в этом направлении означало бы утрату заменой положения самостоятельного правового института, превратило бы ее в разновидность условно-досрочного освобождения².

II. Большое практическое значение имеет вопрос, какие нака-

I Следует поддержать, думается, предложение о предоставлении суду права при применении условно-досрочного освобождения (а по нашему мнению, и замены) устанавливать продолжительность испытательного срока, как это делается при условном осуждении (см.: Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970, с. 136). Кроме того, представляется обоснованным распространение в литературе предложение о том, чтобы сложение наказаний происходило при совершении любого нового преступления и назначении за него любого наказания. Обоснование этих предложений не укладывается в пределы настоящей статьи, так как они относятся к институту условно-досрочного освобождения; при осуществлении же идеи сближения правовых последствий применения этих двух институтов данные предложения имели бы прямое отношение и к замене.

2 Нами уже вносилось предложение об изменении основания условно-досрочного освобождения в том же направлении, что и в отношении основания замены (см.: Цветинович А.Д. Указ. соч., с. 112-114).

зания могут заменяться более мягкими и какими именно.

Согласно ст.44 Основ более мягким наказанием может быть заменена неотбытая часть лишения свободы, ссылки, высылки, исправительных работ и пребывания в дисциплинарном батальоне. Взамен этих наказаний может быть назначено (поскольку в законе отсутствуют какие-либо специальные постановления на этот счет) любое более мягкое наказание, т.е. любое наказание, стоящее в перечне ст.21 Основ ниже заменяемого¹. Однако практически дело обстоит несколько иначе.

Во-первых, не подлежит сомнению, что лишение свободы не может быть заменено штрафом, так как это прямо запрещено законом (ст.27 Основ)².

Во-вторых, лишена смысла замена неотбытой части любого наказания общественным порицанием³, а также предусмотренными ст 21 УК РСФСР наказаниями в виде увольнения от должности или возложения обязанности загладить причиненный вред⁴. Сущность общественного порицания заключается в осуждении судом от имени государства и общества преступного поведения виновного. Но такое осуждение имеет место при применении любого наказания, поэтому замена другого наказания общественным порицанием не может ничего прибавить

---

¹ По мнению В.А.Иванова, замена может состоять в изменении режима отбывания наказания, т.е. вида исправительно-трудового учреждения (см.: Иванов В.А. Указ.соч., с.13). Эта точка зрения не получила поддержки в литературе и не была воспринята практикой, так как по смыслу закона замена состоит в переходе к другому виду наказания, а не в изменении порядка отбывания прежнего. На это указывал Пленум Верховного Суда СССР еще в утрачившем ныне силу постановлении №2 от 4 марта 1961 г. (см.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1970.М., с.370); данное указание не включено в новое постановление Пленума о практике досрочного освобождения (№9 от 19 октября 1971 г., см.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1973.М., 1974), как нам представляется, ввиду достижения им цели - отсутствия колебаний практики в последние годы.

² Н.А.Стручков полагает, что замена лишения свободы штрафом возможна (см.:Стручков Н.А. Условно-досрочное освобождение.М., 1961,с.21). Это ошибочное мнение уже подвергалось критике (см., например: Курс советского уголовного права, т. II, с.272).

³ См.: Емельянов Ю.Н. Указ.соч., с.325. Водяников Д.П. Вопросы условно-досрочного освобождения в советском праве. Дисс.на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук.М., 1967, с.121. Курс советского уголовного права, т. III, с.272.

⁴ См.: Водяников Д.П. Указ.соч., с.121.

к ранее выраженному осуждению и практически означала бы полное освобождение от наказания, а не замену его более мягким.

Когда лицо приговаривается к лишению свободы, ссылке, высылке или исправительным работам с отбыванием по указанию инспекции исправительных работ ("в иных местах"), увольнение от должности неизбежно. Поэтому замена неотбытой части этих наказаний увольнением от прежней должности бессмысленна. Увольнение от должности, которую осужденный занимал во время отбывания наказания в виде исправительных работ по месту работы, вряд ли может принести пользу, так как, во-первых, исключит его из коллектива по месту работы и, во-вторых, искусственно создаст необходимость трудоустройства.

При освобождении от ссылки и высылки замена их увольнением не имеет смысла потому, что, освободившись от этих наказаний, осужденный, как правило, возвращается на постоянное место жительства, в связи с чем не может не увольняться с работы в месте отбывания ссылки или в месте проживания в период высылки. Освобождение от исправительных работ, отбываемых по указанию инспекции, как раз и состоит в предоставлении осужденному возможности уволиться от принудительно выполняемой работы. Если же осужденный, отбывавший ссылку, высылку или исправительные работы "в иных местах", пожелает остаться там, где он жил и работал в период отбывания наказания, то этот факт можно рассматривать как положительный, и на него надо распространить соображения, высказанные выше, о нецелесообразности увольнения от должности, занимаемой в период отбывания наказания¹.

Наконец, просто невозможно объяснить мотив такой замены: непонятно, почему осужденный в период отбывания наказания мог занимать ту или иную должность, а после освобождения от него уже не может.

Возложение обязанности загладить причиненный вред, по нашему мнению, должно иметь и в судебной практике, как правило, в той или иной форме имеет место во всех случаях осуждения за со-

---

¹ В связи с изложенным мнение Н.А.Беляева о возможности замены ссылки увольнением от должности представляется ошибочным (см.: Уголовное право, часть Общая. М., 1969, с. 371).

вершение преступления. Поэтому замена какого-либо наказания возложением обязанности загладить причиненный вред в подавляющем большинстве случаев будет запоздалым мероприятием, также не являющимся заменой.

В-третьих, как справедливо заметил Ю.Н.Емельянов, пребывание в дисциплинарном батальоне заменить практически ничем, и его не применишь для замены другого наказания¹.

В-четвертых, вызывает серьезные сомнения целесообразность замены исправительных работ штрафом. Нельзя не признать обоснованным опасение Ю.Н.Емельянова, что такая замена может превратиться в формальность².

В-пятых, вряд ли целесообразна также замена исправительных работ лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, так как в этом случае пришлось бы назначать последнее наказание на срок менее полугода. Учитывая относительно небольшую силу карательно-воспитательного воздействия этого наказания, назначение его на столь краткий срок едва ли было бы эффективным с точки зрения достижения целей наказания.

Принимая во внимание подобные соображения, некоторые авторы высказались за ограничение применения замены. Так, М.А.Ефимов предлагал применять ее только в отношении отбывающих наказание в виде лишения свободы, причем заменять его неотбытую часть только ослдкой, высылкой или исправительными работами³. Аналогична позиция Ю.Н.Емельянова, приходящего к выводу, что имеет значение лишь замена более мягким наказанием неотбытой части лишения свободы⁴. По мнению Д.П.Водяникова, следует сохранить в законе только замену лишения свободы, ослдки и высылки исправительными работами⁵.

Эти предложения не лишены оснований. Прежде всего, нельзя не

---

1 См.: Емельянов Ю.Н. Указ. соч., с. 324.

2 См. там же, с. 326.

3 См.: Ефимов М.А. О досрочном и условно-досрочном освобождении. — "Советское государство и право", 1958, №11, с. 108.

4 См.: Емельянов Ю.Н. Указ. соч., с. 324-327.

5 См.: Водяников Д.П. Указ. соч., с. 137.

огодниться с Ю.М.Ткачевским, считающим, что заменять наказание можно более мягким только из числа назначаемых на срок. Автор обосновывает свой вывод "необходимостью продолжать исправительно-трудовой процесс для закрепления достигнутых результатов исправления или перевоспитания"¹. Мы позволим себе несколько уточнить это обоснование. Коль скоро досрочно освобождается от наказания лишением свободы лицо, не достигшее полного исправления, а находящееся в пути к нему, это лицо вступает в дальнейшем исправительно-воспитательном воздействии для достижения в отношении его всех целей наказания. Для этого ему и назначается взамен прежнего другое наказание. Но в этом случае для достижения полного исправления необходим определенный период воздействия, иначе сама замена теряет всякий смысл. При назначении взамен наказания, отбываемого в течение срока, другого наказания, исполняемого одномоментно, исправительно-воспитательное воздействие резко прекращается, не дойдя до своего логического завершения - достижения полного исправления осужденного. Едва ли можно в этом случае ждать от замены положительного результата.

Иначе обстоит дело с такими наказаниями, как ссылка, высылка и исправительные работы. К лицам, отбывающим наказания, не связанные с лишением свободы, вполне может быть предъявлено требование полного исправления как основания применения досрочного освобождения. При отсутствии этого основания досрочное освобождение таких лиц недопустимо. Но при наличии полного исправления лишена смысла и нравственного основания замена неотбытой части наказания другим, хотя бы и более мягким наказанием.

Поэтому необходимо полностью поддержать упомянутое предложение М.А.Ефимова о регламентации в законе возможности применения замены только в отношении отбывающих наказание в виде лишения свободы с заменой его ссылкой, высылкой или исправительными работами, а также, по нашему мнению, таким новым видом наказания,

---

¹ Ткачевский Ю.М. Замена неотбытой части срока наказания более мягким наказанием. - "Социалистическая законность", 1961, №5, с.27.

как ограничение свободы¹, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, — когда совершенное преступление связано с определенным занятием лица, а лишение этих прав не применено судом, постановившим приговор, в качестве дополнительного наказания.

III. Весьма существенным является вопрос о сроке, на который может быть назначено более мягкое наказание. Согласно действующему закону этот срок не может превышать максимум, установленный законом для данного вида наказания. Это положение представляется бесспорным. Но, кроме того, срок ссылки, высылки или исправительных работ, назначаемых взамен лишения свободы, не должен превышать также неотбытого срока лишения свободы. Целесообразность этого требования вызывает серьезное сомнение. В результате его соблюдения продолжительность неотбытой части лишения свободы может быть настолько краткой, что ее окажется недостаточно для выполнения функций, возлагаемых на более мягкое наказание, назначенное взамен лишения свободы, — для завершения процесса исправления-перевоспитания осужденного.

Многие авторы указывают, что применение замены имеет особое значение в отношении лиц, отбывавших краткие сроки лишения свободы². Обосновывая этот тезис, Ю.Н. Емельянов подчеркивает, что в этом случае нецелесообразно применение условно-досрочного освобождения ввиду того, что, с одной стороны, остается мало времени

---

¹ Ограничение свободы не значится в перечне наказаний действующего законодательства. Однако анализ правоограничений лиц, условно осужденных с привлечением к труду или условно освобожденных для работы на строительстве предприятий народного хозяйства, позволяет утверждать, что они отбывают наказание нового вида, которое многие авторы обоснованно предлагают включить в систему наказаний (см., например: Ретинских И.С. Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Саратов, 1974, с. 9). Этому наказанию, как представляется, вполне соответствует наименование ограничения свободы, под которым аналогичное наказание фигурирует в УК Польской Народной Республики (ст. ст. 30, 33).

² См., например: Ткачевский Ю.М. Замена неотбытой части срока наказания, с. 26. Емельянов Ю.Н. Указ. соч., с. 332. Матвиенко Е.А. Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968, с. 84-85.

для наблюдения за поведением освобожденного, с другой, - в исправительно-трудовом учреждении мало времени для осуществления исправительно-трудового воздействия и изучения личности осужденного I.

С этим мнением нельзя не согласиться. И в отношении этой категории осужденных особенно важно, чтобы срок более мягкого наказания, назначенного взамен лишения свободы, не был чрезмерно кратким. Иначе после кратковременного пребывания под исправительно-воспитательным воздействием в исправительно-трудовом учреждении эти лица окажутся под еще более кратковременным воздействием мягкого наказания, что вряд ли будет способствовать достижению целей наказания.

Решение вопроса в действующем законе означает, что при замене не происходит не только смягчение наказания, но, как правило, и одновременное сокращение его срока. В известной мере это неизбежно ввиду ограничения срока наказания, назначаемого взамен прежнего, общим сроком, на который это наказание вообще может быть назначено. Однако вряд ли целесообразно форсировать такое сокращение, делая его неминуемым почти во всех случаях. Действующее положение, создавая возможность неограниченно снижать срок наказания, назначаемого при замене, в то же время, как представляется, ограничивает пределы индивидуализации наказания. С этим трудно согласиться, особенно если еще принять во внимание безусловность замены *de lege lata*.

Назначаемое взамен неотбытой части лишения свободы наказание является наказанием другого вида, более мягким. Его карательное воздействие значительно менее интенсивно, в связи с чем законом и установлено для пересчета срока этих наказаний на срок лишения свободы при их сложении соотношение 3:1 (ст.40 Основ). Следовательно, превышение срока неотбытой части лишения свободы сроком назначаемого взамен него более мягкого наказания не противоречит принципу эквивалентности наказаний и не ухудшает положение осужденного, коль скоро второй срок превышает первый не более, чем в три раза.

I См.: Емельянов Ю.Н. Указ, соч., с.332-333.

По нашему мнению, было бы целесообразно восстановить действовавший до 1969 г. принцип непревышения неотбытой части лишения свободы сроком нового наказания более чем в три раза, введя одновременно возможность досрочного освобождения от более мягкого наказания, назначенного взамен прежнего. В настоящее время такая возможность отсутствует, на что Пленум Верховного Суда СССР указал еще в 1961 году¹. За введение ее высказался Ю.М.Ткачевский, который утверждал, что досрочное освобождение от наказания, примененного в порядке замены, должно быть возможным, коль скоро задачи, стоящие перед этим наказанием, могут быть выполнены досрочно².

С этим мнением нельзя не согласиться. Против такого предложения вряд ли могут быть выдвинуты принципиальные возражения. Единственное возражение принципиального порядка состоит в том, что если основанием для замены было исправление осужденного, то по истечении части более мягкого наказания невозможно говорить о дальнейших изменениях в его сознании и, следовательно, определить основания для применения досрочного освобождения³. Эти возражения были бы справедливы, если бы основанием применения замены осталось полное исправление осужденного. Но, как уже говорилось,

---

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР №2 от 4 марта 1961 г. (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1970, с.370). Ныне это постановление утратило силу. Указанное положение не вошло в текст постановления Пленума №9 от 19 октября 1971 г. — по-видимому, потому, что сыграло свою роль, — практика твердо придерживается его.

² См.: Ткачевский Ю.М. Досрочное освобождение от наказания. М., 1962, с.104.

³ Такова, в частности, позиция И.Г.Сапожникова, аналогичного мнения придерживался И.Д.Перлов (см.: Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел. М., 1963, с.205-206. Авт.: Р.Д.Рахунов, И.Г.Сапожников, Л.М.Козак, М.Г.Коршик. Перлов И.Д. Указ.соч., с.176).

полное исправление не может признаваться таким основанием; основанием применения замены должно быть достижение в отношении осужденного цели специальной превенции, а для достижения цели исправления-первоспитания ему назначается другое, более мягкое наказание. Однако в момент применения замены суд лишен возможности точно знать, какой отрезок времени под воздействием нового наказания потребуются для полного исправления осужденного и прогнозирует этот срок гипотетически, в вероятностном аспекте. Поэтому не исключено достижение этой цели ранее истечения избранного судом срока, что и обосновывает необходимость введения возможности досрочного освобождения от этого наказания. Основанием такого досрочного освобождения должно быть признано полное исправление осужденного, которое с достаточной ясностью может проявиться при отбывании наказания, не связанного с лишением свободы.

Представляется, что комплексное проведение в жизнь изложенных предложений об изменении оснований применения замены, сужении сферы ее применения, преобразовании ее в условную, изменении принципа определения срока более мягкого наказания, назначаемого взамен лишения свободы, и введении возможности условно-досрочного освобождения от более мягкого наказания повысило бы роль этого института в деле борьбы с преступностью.

А.А.Рейгао
ст. преподаватель

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЛАТВИИ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(ноябрь 1917 - февраль 1918 гг.)

Октябрьская революция, уничтожив старое, буржуазно-помещичье государство, его аппарат и право, создало первое в мире социалистическое государство и право. П.И.Стучка, стоявший у истоков советского права, в том числе уголовно-го, в январе 1918 года писал: "Для меня с первого дня революции не было сомнений в том, что только на развалинах этого храма буржуазной справедливости нам удастся возвести здание социалистической справедливости, более скромное по своему внешнему виду, но бесконечно более прочное по своему содержанию".¹

В Октябрьских декретах, которые В.И.Ленин характеризовал как "инструкции, зовущие к массовому практическому делу"², пропегандировались идеи социализма, разоблачались контрреволюционеры, спекулянты, мобилизовывались трудящиеся на борьбу с различного рода врагами Советской власти. Эти декреты заложили основу нового, социалистического уголовного права.

Поэтому понятно то огромное внимание, которое по сей день уделяется советскими учеными изучению уголовного законодательства рассматриваемого периода.

В.И.Ленин в своей лекции "О государстве" указывал, что к решению всякой общественной проблемы можно с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на ее развитие в целом, а для этого необходимо "...смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем

---

¹ Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964, с.229.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Изд. 5-е, т.38, с.198.

данная вещь стала теперь".¹ Таким образом, нельзя серьезно заниматься проблемами советского уголовного права без глубокого изучения пути его становления и развития.

Если вопросы государственного строительства в Латвии в 1917-1918 гг. глубоко изучены и достаточно широко освещены в кандидатских,² докторских диссертациях³ и в монографиях, то становление советского права в Латвии⁴, особенно уголовного, разработано недостаточно.⁵

Борьба трудящегося масс латышского народа за победу Советской власти в Латвии неразрывно связана с развитием социалистической революции в России. Борьба трудящихся Латвии под руководством Коммунистической партии увенчалась в ноябре 1917 года победой Советской власти только в трех уездах - Вадмиерском, Цесисском и Валкском. Остальная часть территории Латвии была захвачена германскими империалистами.

"В результате победы социалистической революции ... пролетариат Латвии стал господствующим классом, а Социал-демократия Латвии - местная организация большевистской партии-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 39, с. 67.

² Гринберг О.П. Реакционная сущность предпарламента буржуазной Латвии (на латышском языке). Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Рига, 1956; Тилле А.А. Советская власть в Латвии в 1917-1919 гг. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1951; Калнынь В.Е. История государства и права Советской Латвии. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Рига, 1954; Стумбина Э.Я. История суда Советской Латвии. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Рига, 1953; Бирзинь Л.К. Развитие местных советов Латвии. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Рига, 1961; Данисов И.У. Становление и развитие социалистической государственности в Латвии. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1967 и др.

³ Миллер В.О. Создание советской государственности в Латвии. Дис. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. М., 1966; Стумбина Э.Я. Начальные этапы становления советского суда в Латвии. Дис. на соиск. учен. степени докт. юрид. наук. Рига, 1970.

⁴ Зонне О.Я. Возникновение и развитие трудового права Латвийской ССР (1917-1967 гг.) Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. Рига, 1967; Лисагор И.Л. Развитие и совершенствование уголовно-процессуального законодательства Латвийской ССР. Дис. на соиск. учен. степени канд. юрид. наук. М., 1970.

⁵ Процесс формирования советского уголовного права в Советской России и в большинстве других союзных республик в основном уже изучен и достаточно освещен в правовой литературе.

руководителем трудящихся Латвии в борьбе за построение социалистического общества."¹

8 и 9 ноября 1917 года Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии принял резолюцию о передаче всей власти в Латвии в руки Советов.²

Руководствуясь первыми декретами Октября, свою работу проводил II-й съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов, состоявшийся 16-18 декабря 1917 года в Валмиере. Съезд подтвердил победу Советской власти в Латвии и подчеркнул, что власть в центре и на местах должна принадлежать единственно Советам рабочих, солдатских и безземельных депутатов. Высшим органом государственной власти, который действует в период между съездами, II-й съезд провозгласил Совет депутатов Латвии. Для проведения в жизнь принятых Советом постановлений и декретов Совет депутатов Латвии имел право избрать свой Исполнительный комитет (Исполлат).³ Руководствуясь резолюцией съезда, 19 декабря 1917 года Советом был избран Исполлат⁴, который фактически являлся первым советским правительством Латвии.

II-й съезд в своих резолюциях установил основы общественного строя на неоккупированной части Латвии, создал систему органов советской государственной власти и определил конкретную программу действия.⁵ Съезд поставил "задачей революционной Советской власти ... приступить к построению социализма, шаг за шагом уничтожая право частной собственности на все средства производства (землю, промышленные и торговые предприятия, банки и т.д.), ведя беспощадную борьбу с сопротивлением буржуазии в построении социализма."⁶

¹ Очерки истории Коммунистической партии Латвии, I, 1893-1919, Рига, 1962, с. 400.

² Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, 1917, Рига, 1963, с. 523.

³ Октябрьская революция в Латвии, Рига, 1957, с. 299.

⁴ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, с. 608.

⁵ См. например, резолюцию съезда "О советском правительстве и его задачах" и др. - В кн.: Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, с. 600.

⁶ Октябрьская революция в Латвии, с. 298-299.

В решении этой задачи известное значение играло новое советское уголовное право. "Отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их руководствоваться социалистическим правосознанием."¹

В Латвии, так же как в РСФСР, создание советского уголовного права в основном шло по пути издания центральными органами власти декретов, содержащих уголовно-правовые нормы. Следует отметить, что на территории Латвии сразу же после Октябрьской революции действовали декреты РСФСР², хотя и специальный закон о распространении их действия на территории Латвии принят не был.

Период проведения Великой Октябрьской социалистической революции в РСФСР характерен тем, что наряду со специальными актами, предусматривающими борьбу с отдельными видами преступлений, и декретами, посвященными вопросам организации и деятельности судебных органов, нормы уголовного права содержались также в актах, регулировавших отдельные вопросы государственного, хозяйственного и культурного строительства.

Неоднократно в обращениях Исколата к трудящимся Латвии было подчеркнута требование "претворить в жизнь постановления революционного правительства (Совета Народных Комиссаров А.Р.), ибо они выражают интересы и нужды только неимущих".³

С ноября 1917 года по февраль 1918 года в Латвии развернулась весьма активная правотворческая деятельность. Руководствуясь декретами II-го Всероссийского съезда Советов, актами ВЦИК, СНК и отдельных комиссариатов, высшими органами власти и управления, в Латвии был издан ряд законодательных

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. I. М., 1954, с. 419.

² Некоторые декреты РСФСР были переведены на латышский язык и опубликованы в газетах, например, "О рабочем контроле" ("Brīvais Strēlnieks", 1917, 14. dec.), "О комиссиях для несовершеннолетних" (там же, 1918, 18 января) и др.

³ См. обращение Исколата от 12 декабря 1917 г. "Всем рабочим, солдатам и безземельным Латвии!" (Октябрьская революция в Латвии, с. 297) и др.

актов, содержащих нормы уголовного права. Однако специальные уголовные законы, т.е. законы, содержавшие только нормы уголовного права, в рассматриваемый период в Латвии не были приняты.

Декреты, распоряжения и другие акты, изданные органами, выбранными трудящимися, были обязательны для всех граждан Латвии.¹

Поэтому II-й съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, конституционно оформивший установление Советской власти в Латвии, в резолюции "О Советском правительстве и его задачах" установил ответственность служащих местных учреждений перед революционным трибуналом, "если они будут в целях поддержки контрреволюции пытаться саботировать или иным путем не подчиняться распоряжениям Совета депутатов."²

"Манифест ко всему населению Латвии", принятый Советом рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии 19 декабря 1917 года, также провозгласил: "Любой, кто не подчинится приказам и распоряжениям Советов рабочих, солдат и безземельных, будет привлечен к суду революционного трибунала и строго наказан как контрреволюционный противник революционного правительства трудящихся".³

Манифест призывал трудовой народ Латвии беспощадно подавить и сокрушить железной рукой всех, кто посягнет на пролетарский строй.⁴

Необходимость издания указанных норм вызвало то обстоятельство, что становление и укрепление Советской власти в Латвии протекало в очень тяжелых условиях классовой борьбы, когда свергнутые эксплуататорские классы упорно сопротивлялись всем мероприятиям советских органов, саботируя их, устраивая заговоры и доходя даже до открытой гражданской войны. Классовая борьба, в какой бы форме она не выражалась,

---

¹ Октябрьская революция в Латвии, с.361.

² Там же, с.299.

³ Там же, с.304.

⁴ Там же, с.305

овоим острием всегда была направлена против Советов - величайшего завоевания Октябрьской революции. Поэтому уже упомянутый II-й съезд Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии в своей резолюции записал, что только Советы рабочих, солдатских и безземельных депутатов как единственные органы государственной власти в Латвии обладают правом выступать от имени населения всей Латвии, а о любой другой власти, которая проявит попытку установиться помимо Советов и выступить от имени жителей Латвии, "следует беспощадно бороться всеми средствами".¹

Так 29 декабря 1917 года Исполкат решил вопрос о роспуске Видземского Совета крестьянских депутатов. Указанная организация противодействовала единственно полномочным учреждениям латышского народа - Советам, дезорганизовывала работу местных Советов безземельных и этим разоблачила себя как орган реакционных хозяев - Крестьянский союз. На основании решения II-го съезда рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии Совет крестьянских депутатов "как объединение контрреволюционных элементов" был распущен.²

Резолюция II-го съезда Советов Латвии по аграрному вопросу служила, с одной стороны, юридическим основанием уничтожения частной собственности на землю в Латвии, а с другой - основанием для перехода этой земли в собственность Советского государства. Ею была объявлена беспощадная борьба "со всеми теми прежними землевладельцами, крупными арендаторами и спекулянтами, которые открыто или тайно противодействуют проведению аграрной революции, пытаются разрушить свои хозяйства, уничтожая инвентарь, и таким образом ставят под угрозу будущее сельское хозяйство Латвии". За сопротивление распоряжениям Совета депутатов резолюция установила конфискацию инвентаря и прочего имущества.³

---

¹ Октябрьская революция в Латвии, с.299.

² Там же, с.400.

³ Там же, с.300

Те землевладельцы, которые пытались скрыть, увезти или продать инвентарь, хлеб или как-то иначе не выполнять распоряжения Советской власти, привлекались к судебной ответственности.¹

Уголовно-правовые нормы содержали также и остальные акты органов власти, которые были направлены на ликвидацию хозяйственного неравноправия и окончательное уничтожение капиталистического способа производства в Латвии. Так, в постановлении Совета о национализации лесов от 20 января 1918 года была предусмотрена ответственность лиц, которые после опубликования постановления попытаются продать, купить или вывезти лесоматериалы без специального разрешения. В постановлении было указано, что виновные подвергнутся "наказанию за присвоение общественной собственности."²

"Чтобы обеспечить, расширить и, в случае необходимости, вооруженной силой защитить позиции революции против наступающей контрреволюции", Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии 9 ноября 1917 года постановил о создании Красной гвардии.³ Выполняя указанную революцию, Совет 22 ноября 1917 года опубликовал постановление о ношении оружия, в котором указывалось, что подлежит конфискации оружие, принадлежащее черносотенцам, а также оружие, на которое нет нужного разрешения.⁴

Ответственность за ношение и применение оружия была регламентирована в инструкции Исколата от 4 января 1918 года "О создании Красной гвардии Латвии". "Употребление оружия

¹ Так общественно-революционным судом Валмиеры за вывоз хлеба и продуктов из помещичьей усадьбы были осуждены к денежному штрафу управляющий усадьбой Г., хозяйка усадьбы Б. и др. ("Brīvais Strēlnieks", 1917, 29. decembris). Этим же судом к денежному штрафу был осужден управляющий имением Р. за присвоение и растрату денежных средств конфискованного помещичьего имения (там же).

² Октябрьская революция в Латвии, с. 359.

³ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции, с. 524.

⁴ "Brīvais Strēlnieks", 1917, 22 ноября. См. также дело С., рассмотренное общественно-революционным судом Валмиеры 16 января 1918 г. ("Brīvais Strēlnieks", 1918, 23 января).

членами Красной гвардии без разрешения организации, тем более в недопустимых целях" рассматривалось как преступление. Содеянное каралось исключением из Красной гвардии, бойкотированием и переданием революционному суду.¹

Принимая во внимание тяжелое положение с продуктами (особенно хлебом) в Латвии и с целью предотвращения спекуляции и других деяний, посягавших на снабжение жителей Латвии хлебом, в январе 1918 года была введена хлебная монополия. Специальным постановлением продовольственного отдела Исполкома от 19 января 1918 года было запрещено: перевозить, продавать и покупать на рынках и в других местах без разрешения Советов зерно и муку; примешивать к зерну и муке какие-либо примеси с целью сделать зерно непригодным для хлеба; окармливать скоту зерно, муку и т.д. В случаях нарушения запрета предусматривалось немедленное привлечение "к революционному суду для наказания по революционным законам." Уголовная ответственность также была предусмотрена за злостное укрывательство хлеба и за сопротивление контрольно-реквизиционным комиссиям, производящим проверку запасов хлеба.²

Исполкомом также было опубликовано распоряжение, адресованное всем жителям и приезжающим в Видземе, в котором были установлены нормы продуктов, которые допускалось вывозить из Видземе. Лица, вывозившие продукты с целью спекуляции, привлекались к ответственности. Это распоряжение было распространено также на почтовые отделения.³ Целью этого распоряжения было пресечь спекуляцию. О том, что в Видземе (Лифляндской губернии) процветала спекуляция продовольственными товарами, свидетельствовала практика революционных трибуналов, освещавшаяся в газетах того времени,⁴ и дообщениях на местах.⁵

¹ Октябрьская революция в Латвии, с.391.

² Там же, с.357.

³ "Brīvais Strēlnieks", 1918, 18.janvāri.

⁴ См. сообщение об осуждении гражданина Л. Вадкским военно-революционным трибуналом ("Brīvais Strēlnieks", 1918, 16.janvāri), об осуждении гр.Т. Велмиерским общественно-революционным судом ("Latvijas Strādnieku, karavīru un bezzemnieku deputātu padomei Zīgotājs", 1918, 11.janvāri, Nr.5).

⁵ "Brīvais Strēlnieks", 1917, 10.un29.decembrī; "Cīņa", 1918 17.februāri u.c.

Не менее энергично велась борьба с изготовлением самогона (даже пива) и спекуляцией им. Виновные в этих преступлениях привлекались к уголовной ответственности. Об этом свидетельствуют сообщения в газетах о рассмотренных уголовных делах в Валкском¹, Цесисском² и др. революционных трибуналах. Однако борьба велась не только с незаконным изготовлением и продажей спирта и самогона, но и их распитием. Кроме того, революционные трибуналы привлекали к ответственности лиц, допускаящих распитие спиртного.³

В борьбе с самогонovarением Исполнительный Комитет Цесисского городского Совета рабочих депутатов 20 февраля 1918 года опубликовал распоряжение о регистрации всеми жителями запасов спирта и самогона. За невыполнение этого требования была предусмотрена ответственность перед Революционным трибуналом с конфискацией имущества.⁴

Деморализованные элементы старого общества старались "проявить себя", совершая и такие преступления, как грабежи, кулиганство и др. Так, в декабре 1917 года в Цесисе группа лиц, прикрываясь именем милиции и совершая незаконные обыски, грабила население.⁵ Такие "обыски" в городе Цесисе и его окрестностях совершали и вооруженные солдаты.⁶ Чтобы пресечь незаконные обыски, население⁷ разьявлялось - какие органы имеют право издавать ордер на обыск, каковы содержание и форма ордера и т. д.⁸ Следовательно, органы власти уделяли внимание вопросам соблюдения революционной законности.

¹ "Latvijas Strādnieku, karavīru un bezzemnieku deputātu padomes Zīpotāja", 1918., 13. un 18. janvāri, Nr. 7 un 10.

² Там же, 1918, 23 января, № 14.

³ Там же, 1918, 18 января, № 10.

⁴ "Brīvais Strādnieks", 1918., 20. februāri.

⁵ Там же, 1917, 28 декабря.

⁶ Там же, 1917, 29 декабря.

⁷ Там же, 1917, 28 и 29 декабря.

⁸ См. приговор Революционного Трибунала Цесисского уезда о привлечении к уголовной ответственности стрелков 1-го Даугавпилсского полка Латвийских стрелков (Latvijas Strādnieku, karavīru un bezzemnieku deputātu padomes Zīpotāja", 1918., 23. janvāri, Nr. 14.

Таким образом, Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, его Исполком и другие органы Советской власти осуществляли свои задачи, во-первых, руководствуясь декретами и постановлениями РСФСР, во-вторых, руководствуясь законодательными актами, изданными высшими органами власти Латвии и, в-третьих, постановлениями, распоряжениями и другими актами нормативного характера, изданными в пределах соответствующей компетенции.

Интересно отметить, что все разработанные Исполкомом декреты и постановления, в том числе и содержащие уголовно-правовые нормы, 20 января 1918 года были утверждены на заседании Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии.¹ Кроме того, Совет поручил Исполкату впредь вести еще более беспощадную борьбу с противниками трудового народа и советской власти, применяя для этой цели самые оурвые средства власти.²

Анализ упомянутых уголовно-правовых норм дает возможность сделать вывод о том, что с первых дней своего существования Советская власть в Латвии в издаваемых законах признавала преступлением такие действия или бездействия, которые посягали на социалистические преобразования, новый строй, революционный правопорядок, общественную собственность и права граждан. Таким образом, преступным деянием в Латвии в 1917-1918 гг. признавалось всякое деяние, опасное для интересов рабочего класса и всех трудящихся Латвии, т.е. понятие преступления носило ярко выраженный классовый характер.

Следует отметить, что в диспозициях уголовно-правовых норм очень часто не только перечислялись признаки конкретного преступления, но и давалась общественно-политическая оценка определенного вида преступления. В качестве примера приведем постановление Исполмата от 29 декабря 1917 года, в котором решались вопросы ликвидации старых органов управления и передачи всей власти Советам. В постановлении указывалось, что

---

¹ Padomju varas konstitucionālie akti Latvijā (1917-1957). LVI, Rīgā, 1957, II7.lpp.

² Там же, с. II7-II8.

органы самоуправления, избранные на началах старого парламентаризма, при диктатуре рабочего класса немыслимы и поэтому их функции в политической и экономической сферах подлежат передаче местным Советам депутатов. Учреждения и лица, которые попытаются оказать противодействие Советам депутатов при передаче дел или попытаются работать наряду с Советами депутатов во враждебном им духе, привлекаются к революционному суду.¹

Аналогичную общественно-политическую оценку преступлений можно найти и в других актах, например, в инструкции Исполнительного Комитета от 4 января 1918 года "О создании Красной гвардии", в постановлении от 20 января 1918 года "О национализации лесов" и др.

Упомянутые уголовно-правовые нормы содержали и санкции. Однако в отличие от соответствующих норм, принятых в РСФСР, в Латвии 1917-1918 гг. уголовно-правовые нормы содержали (с небольшими исключениями) лишь абсолютно-неопределенные санкции: "передается суду и подвергается наказанию за присвоение общественной собственности", "привлекается к революционному суду для наказания по революционным законам", "виновные отдаются под суд", "будут привлекаться к ответственности перед революционным трибуналом", "будут приняты самые суровые меры до придания революционному суду" и т.д. Только в редких случаях нормы предусматривали конкретное наказание - "конфискацию инвентаря и прочего имущества."

Следовательно, законодатель в уголовно-правовых нормах не предусматривал конкретные меры наказания, а лишь в общей форме устанавливал наказуемость описанного в диспозиции деяния, тем самым сосредотачивал внимание судебных органов на необходимости строго и беспощадно карать всех врагов Советов.

В первые месяцы после Октябрьской революции в Латвии (как и в других местах) еще не могли быть разработаны и приняты законы, которые бы предусматривали ответственность за

---

¹ Октябрьская революция в Латвии, с. 326.

все деяния, опасные для социалистического государства,¹

"Восполнить неполноту законодательства, неизбежную в этот период, призвано было социалистическое правосознание."²

Говоря о правотворчестве масс, необходимо коопнуть историю создания революционных судов в Латвии 1917-1918 гг. Создание судов в Латвии происходило на основе Декрета о суде № I, принятого СНК РСФСР 24 ноября 1917 года. Однако до создания революционных судов в Латвии³ функции судебных учреждений временно исполняли волостные собрания безземельных и волостные Советы безземельных.⁴

Указанные революционные суды особенно широко прибегнули в своей работе к революционному правотворчеству, многие вопросы борьбы с преступностью решая на основе революционного правосознания и революционной совести.

Основы нового, советского уголовного права в Латвии создавались путем издания декретов, содержащих уголовно-правовые нормы, а также путем революционного правотворчества масс. Так Исконат Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии в своем отчете перед Советом 20 января 1918 года указывал на то, что разработке декретов, постановлений и т.д. была учтена практика и опыт с мест.⁵

¹ По этому поводу Стучка П.И. в 1919 году писал: "Нас упрекают, с одной стороны, в том, что мы издаем слишком много декретов, а с другой, что у нас не хватает целого ряда самых необходимых законов. Оба упрека одновременно и основательны, и неосновательны. У нас безусловно не хватает самых необходимых декретов, например, хотя бы инструкции об уголовных преступлениях и наказаниях. Но при недостатке стоящих на нашей платформе юристов это более чем адекватно. С другой стороны, скороспелые декреты в такой области особенно опасны". (Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, с.271).

² Марксистско-ленинская теория государства и права, Советское право, М., 1973, с.66.

³ На всей неоккупированной части Латвии местные суды и революционные трибуналы были созданы в течение января-февраля 1918 года.

⁴ О создании советского суда в Латвии в 1917-1918 гг. см. подробнее: Стумбина Э.Я. Становление советского суда в Латвии после Октябрьской революции, Рига, 1969, с.12-51; Stumbina E. Padomju tiesas pirmie soli Latvija, Riga, 1957, 12.-14.lpp.

⁵ Октябрьская революция в Латвии, с.365

Таким образом, советские декреты направляли революционное правотворчество, а революционное правотворчество обогащало законодательство.¹

Дошедшие до наших дней материалы о деятельности революционных судов 1917-1918 гг., опубликованные в печати отчеты о работе этих судов дают возможность судить не только о преступлениях, за совершение которых виновные привлекались к уголовной ответственности, но и о применяемых к ним наказаниях.

Революционные трибуналы рассматривали дела о контрреволюционных преступлениях, в том числе о преступлениях, совершенных против интересов народа во время революции 1905-1907 гг. в Латвии.²

Валмиерский общественно-революционный суд на нескольких заседаниях рассматривал дела о бывших землевладельцах, арендаторах помещичьих усадеб и имений и других лиц, которые занимались саботажем - укрывали хлеб и оказывали сопротивление членам контрольно-реквизиционных комиссий при исполнении ими своих служебных полномочий.³ Аналогичные дела были рассмотрены также Цесисским революционным трибуналом.⁴

Революционные трибуналы также привлекали к ответственности за невыполнение распоряжений органов Советской власти, за присвоение и растрату общественного имущества,

¹ История советского уголовного права, М., 1948, с. 56.

² Так революционный трибунал Цесисского уезда рассмотрел дело священника Х. Брауншвейга, который в 1905-1907 гг. активно поддержал реакцию и сотрудничал с карательными органами. К уголовной ответственности был привлечен и директор Лигатненской бумажной фабрики М. Шилинг, который также в 1905-1907 гг. активно участвовал в карательных экспедициях, арестовывая революционеров ("Latvijas Strādnieku, karšivju un bezzemnieku deputātu padome Zinotājs", 1918, 23. janvāri, Nr. 14).

³ "Latvijas Strādnieku, karšivju un bezzemnieku deputātu padome Zinotājs", 1918, 6 января, № 4; там же, 11 января, № 5 и др.

⁴ Там же, 1918, 23 января, № 14.

самогоноварение, спекуляцию, кражу продуктов, вывоз продуктов из Латвии без специального разрешения, подлог документов, должностную халатность, незаконное ношение и хранение оружия и за другие преступления.

Привлеченная к уголовной ответственности и назначая наказание виновным, суды Латвии в большинстве случаев в приговорах не осылались на декреты Советской власти, хотя, принимая решение по делу, они, безусловно, руководствовались этими декретами. Интересно отметить, что суды практически также не осылались на законы свергнутых правительств, хотя такая возможность была предусмотрена Декретом о суде № 1.

Как уже отмечалось, в законах, издаваемых органами Советской власти в Латвии, в большинстве случаев были предусмотрены абсолютно-неопределенные санкции. Следовательно, назначение конкретного вида и размера наказания виновному полностью было оставлено на усмотрение революционного суда, который, руководствуясь революционным правосознанием и революционной совестью, вершил справедливый революционный суд. Однако, назначая наказание, революционные трибуналы учитывали нормативные акты Советской власти.

К таким актам относилась инструкция НКЮ РСФСР от 19 декабря 1917 года "О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний", которая предусматривала следующие виды наказания: 1) денежный штраф, 2) лишение свободы, 3) удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 4) объявление общественного порицания, 5) объявление виновного врагом народа, 6) лишение всех или некоторых политических прав, 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного, 8) присуждения к обязательным общественным работам.¹

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.), М., 1953, с. 20.

Однако, исключив применение смертной казни, инструкция лишила революционные трибуналы той репрессивной силы, которой они должны были обладать.¹

Революционные трибуналы Латвии в 1917-1918 гг. в большинстве случаев применяли очень мягкие наказания, такие, как денежный штраф², арест, тюремное заключение на небольшие сроки, присуждение к обязательным общественным работам, запрещение занимать общественную должность, общественный выговор и др.³

Наказание - удаление из отдельных местностей - революционные трибуналы Латвии применяли сравнительно редко. До создания местных судов и революционных трибуналов удаление местных контрреволюционеров из волости и даже Латвии применялось волостными безземельными собраниями, временно выполнявшими функции суда. Такая практика противоречила инструкции НКЮ, которая действовала в Латвии. Поэтому в целях пресечения нарушений революционной законности Юридический отдел Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии разъяснил всем Советам, что удаление из отдельных местностей - это мера, назначаемая только революционным трибуналом.⁴

При назначении наказания суды и революционные трибуналы строго соблюдали индивидуальный подход к подсудимым. В судебных приговорах того времени часто встречаются ссылки на смягчающие ответственность обстоятельства: несовершеннолетие, признание своей вины и раскаяние в содеянном, длительное нахождение в рядах Красной Армии, трудное материальное положение и др.

¹ История советского уголовного права, М., 1948, с. 66.

² Денежный штраф как мера уголовного наказания в большинстве случаев был применен к лицам, принадлежащим к эксплуататорским классам.

³ Такие же мягкие наказания применялись и революционными судами Советской России (См. Сорен лет советского права. 1917-1957, т. I, ЛГУ, 1957, с. 506-507).

⁴ "Latvijas Strādnieku, karavīru un bezzemnieku deputātes padomes ziņotājs", 1918, 12 января.

Хотя и Исколат в своей работе придерживался положения о том, что "в период диктатуры пролетариата самым большим преступлением является - не действовать достаточно строго там, где это необходимо,"¹ карательная практика судебных органов того времени отличалась очень мягкими наказаниями,² что приводило к совершению все новых и новых преступлений контрреволюционерами. Как было отмечено, назначение необоснованно мягких наказаний в первые месяцы Советской власти было характерно не только для судов Латвии, но и для судов Советской России.

О мягкости репрессий карательных органов говорил В.И. Ленин на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года: "Мы были слишком гуманны, слишком добросердечны по отношению к чудовищным, по своему предательству, представителям буржуазно-империалистического строя."³ Он неоднократно подчеркивал в своих работах, что "... наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы"⁴, или "Советская власть во многих случаях не проявляла достаточной решительности в борьбе с контрреволюцией, и в таком виде она была не железо, а кисель, на котором социализма не построишь".⁵

¹ Из отчета Исколата на заседании Совета депутатов Латвии, см.: Октябрьская революция в Латвии, с. 366.

² Даже уже упомянутым контрреволюционерам - Брауншвейгу был назначен только денежный штраф в размере 750 руб. и 3 месяца к общественным работам, а Шилингу - 1000 руб. и один месяц к общественным работам. Самое суровое наказание, которое революционным трибуналом было назначено за спекуляцию с продовольственными товарами - денежный штраф в размере 1500 руб. или 3 месяца в заключении или общественные работы; за укрывательство хлеба - денежный штраф в размере 2000 руб. или 3 месяца заключения; за незаконный обыск - 6 месяцев тюремного заключения и т.д.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 35, с. 283.

⁴ Там же, т. 36, с. 197.

⁵ Там же, т. 36, с. 236.

Как показвала практика строительства социализма, к врагам революции было необходимо применять строгие меры наказания. Еще в 1848 году К.Маркс писал: "Существует только одно средство для того, чтобы сократить, упростить и локализовать кровавую агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство - революционный террор".¹ В.И.Ленин также писал: "Без смертной казни по отношению к эксплуататорам (т.е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство".²

До июня 1918 года советскими судами смертная казнь совершенно не применялась и карательная политика не изменилась. Таким образом, после Октябрьской революции ни в Советской России, а также в Латвии "о терроре не было и речи".³

В советской уголовно-правовой литературе мягкость репрессий в рассматриваемый период объясняется двумя основными причинами: во-первых, тем, что сопротивление враждебных элементов в первые месяцы Советской власти было значительно слабее, чем в последующий период; во-вторых, недооценкой мер принуждения со стороны наших карательных органов, которые нередко применяли к тяжчайшим преступникам неоправданно мягкие виды уголовного наказания.⁴

Несмотря на ошибки, допущенные в осуществлении карательной политики, в Латвии в конце 1917 года и в начале 1918 года, нормы, содержащие уголовно-правовые меры, являлись не только острым орудием в руках диктатуры пролетариата для подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.6, с.497.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Изд.5-е, т.34, с.174 (сноска).

³ Там же, т.39, с.113-114.

⁴ См. Мишунин П.Т. Очерки по истории советского уголовного права 1917-1918 гг. М., 1954, с.185-186.

классов, но и средством воспитания трудящихся, не освобожденных от пережитков капитализма. Нормы уголовного права, выражающие волю победившего рабочего класса, содействовали решению основных задач, стоящих перед Советской властью в Латвии в 1917-1918 гг.

В период проведения Октябрьской революции в Латвии действовали уголовно-правовые нормы, предусмотренные в декретах центральных органов власти РСФСР, и нормы уголовного права, созданные Советской властью на территории Латвии. Указанные нормы являлись основными источниками уголовного права. Новое уголовное право по своим целям, методам и содержанию с самого начала было социалистическим.

Процесс становления нового уголовного права в Латвии был прерван в феврале 1918 года, когда германские войска, нарушив условия перемирия, перешли в наступление и захватили всю территорию Латвии.

Советская власть в Латвии в 1917-1918 гг. просуществовала недолго, только последние три месяца. Поэтому в указанный период нельзя говорить о создании советского уголовного права Латвии, а можно с уверенностью сказать — в законодательных актах органов Советской власти Латвии были заложены основы нового уголовного права, которые свое дальнейшее развитие нашли в 1919 году после восстановления Советской власти в Латвии.

О ПОНЯТИИ "УЧАСТНИКИ ПРОЦЕССА" ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Создание автоматизированных систем обработки данных в области права и правоприменительной деятельности (автоматизированной системы учета и анализа данных правовой статистики, автоматизированной справочно-информационной службы в области законодательства и др.) предъявляет к правовой науке требование более четкого определения понятий и однозначности их терминов.

Названное требование относится и к такой отрасли правовой науки как уголовный процесс. Объясняется это тем, что перепенетива развития правовой кибернетики, расширение круга задач, решаемых на базе применения средств электронной техники, будет включать в орбиту соответствующих автоматизированных систем и уголовно-процессуальное законодательство.

В данной связи представляется оправданным вновь обратиться к рассмотрению спорного в науке уголовного процесса и неопределенного в законе понятия "участники процесса", которое на протяжении ряда лет было предметом оживленной дискуссии, не приведшей, однако, к сближению взглядов.

Результаты дискуссии, итоги которой и до сих пор еще появляются на страницах юридических изданий,¹ свидетельствуют об устойчивой непримиримости взглядов на понятие "участники процесса". Однако, как бы то ни было, разрешить этот вопрос можно и должно, ибо "строгость и научная обоснованность понятийного аппарата имеет особенное значение в правовой науке поскольку результатом развития теории могут быть предложения по совершенствованию законо-

¹ См., напр., Миньковский Г.М. [Рец. на кн.:] Саркисянц Г.П. Переводчик в советском уголовном процессе. - "Советское государство и право", 1974, № II, с. 150-151; Бажанов М.И., Альперт С.А. [Рец. на кн.:] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. - "Советское государство и право", 1976, № 5, с. 150-151.

дательства и практики, что требует особенной точности и ясности".¹

Определенность понятия "участники процесса" вызывается не только возможным его использованием в программах ЭВМ или в классификаторах автоматизированных систем, не только потребностями науки уголовного процесса, но и сегодняшним состоянием данного понятия в уголовно-процессуальном законодательстве.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик² содержат термин "участники процесса" в двух случаях: в заголовке ст. 18 и в заголовке второго раздела. Раздел второй называется: "Участники процесса, их права и обязанности". В соответствующих его статьях изложены права и обязанности обвиняемого, защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. В этом случае Основы, казалось бы, признают участниками процесса только поименованных в разделе втором лиц. Совершенно другой вывод следует из анализа ст. 18 Основ. Эта статья озаглавлена: "Отвод судьи, прокурора и других участников процесса". Из ее названия и текста вытекает, что помимо лиц, поименованных в разделе втором, к участникам процесса относятся: судья, народные заседатели, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, секретарь судебного заседания, эксперт и переводчик.

Как видим, Основы не дают четкого ответа на вопрос о том, кто является участниками процесса - то-ли лица, указанные в разделе втором, то-ли в разделе втором и ст. 18, то-ли все участвующие в деле лица. Нет ответа на этот вопрос и в уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик,³ где наряду с разделом вторым Основ воспроизве-

¹ Халфина Р.О. Критерий истинности в правовой науке. "Советское государство и право", 1974, № 9, с. 27.

² В дальнейшем изложении - Основы.

³ Исключение составляет УПК Украинской и Эстонской ССР, которые разъясняют термин "участники процесса" в специальной статье, а также УПК Литовской и Молдавской ССР, которые, хотя и не дают такого разъяснения, применяют данный термин, как правило, только к лицам, указанным в разделе втором Основ (в УПК Литовской ССР еще и к подозреваемому).

дена и ст. 18, а также содержатся другие нормы, позволяющие под участниками процесса понимать то более узкий, то более широкий круг, а то и всех участвующих в деле лиц.

Применение термина "участники процесса" уголовно-процессуальными кодексами большинства союзных республик можно рассмотреть на примере УПК Латвийской ССР, поскольку он не содержит принципиальных отличий в применении этого термина и, как и большинство УПК, не дает определения рассматриваемого понятия.

В УПК Латвийской ССР термин "участники процесса" употребляется в 31-ом случае (в заголовках: раздела второго, главы девятой, статей 22 и 273 и в тексте семнадцати статей). Почти в каждом из них определить, кто же понимается под участниками процесса, можно лишь после систематического толкования той или иной уголовно-процессуальной нормы, в которой содержится термин "участники процесса". Например, в ст. 273 данный термин употребляется дважды. В части первой, когда речь идет о том, что "при неявке кого-либо из участников процесса, суд заслушивает мнение ... о возможности разбирательства дела ...". В этом случае под участниками процесса надо понимать всех участвующих в деле лиц, вызванных в судебное заседание, в том числе свидетелей, экспертов и специалистов, поскольку все они в соответствии со ст. 227 вызываются судом (судьей) для участия в судебном разбирательстве с целью правильного, законного и обоснованного разрешения дела по существу. В части второй, когда речь идет о том, что "суд обязан до закрытия судебного заседания поставить перед участниками процесса вопрос, не имеют ли они ходатайств по делу". Здесь под участниками процесса следует понимать не всех участвующих в деле лиц, а только прокурора, общественного обвинителя, подсудимого, его защитника, общественного защитника, законных представителей, подсудимого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, ибо только у этих лиц в соответствии со ст. 275 председательствующий спрашивает о наличии ходатайств по делу.

Рассмотрев каждый случай применения в УПК Латвийской ССР термина "участники процесса", можно сказать, что это понятие не соответствует какому-то определенному кругу лиц, участвующих в деле. В одних случаях (например, в ст. ст. 137, 261, 262, 269) под участниками процесса понимаются все участвующие в деле лица, в других (например, в ст. ст. 336, 342) — только те, кто поименован в разделе втором Основ, в третьих (например, в ст. ст. 22, 273, 275, 286, 290) — помимо лиц, указанных в разделе втором Основ, еще и другие, но не все участвующие в деле лица.

Приведенная неопределенность понятия "участники процесса" нередко значительно затрудняет его уяснение. Так, ст. 87 УПК Латвийской ССР содержит требование: "В протоколе судебного заседания указываются:.... наименования и состав суда, секретарь, переводчик, участники процесса и другие вызванные судом лица, если они присутствуют..." Кто же в данной норме понимается под участниками процесса? Относится ли к их числу, скажем, свидетели и эксперты? Для ответа на эти вопросы возникает необходимость не только в толковании норм УПК Латвийской ССР, но и в сравнительном исследовании соответствующих норм УПК других союзных республик. Лишь после этого можно сделать вывод, что под участниками процесса в рассматриваемом требовании ст. 87 понимаются: прокурор, общественный обвинитель, общественный защитник, подсудимый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

Далее. В ст. 262 говорится: "Если порядок судебного заседания нарушают другие участники процесса (помимо подсудимого, прокурора, защитника, общественного обвинителя, общественного защитника — М.Ш.) или же не подчиняются распоряжениям председательствующего, они могут быть удалены из зала заседания определением суда, а лица, не являющиеся участниками процесса — распоряжением председательствующего. Кроме того, на лиц, не являющихся участниками процесса, суд может наложить штраф в размере до десяти рублей".

Насколько важно в данном случае определить, кто же понимается под "другими участниками процесса", свидетельствует то, что от этого зависит, во-первых, форма принятия решения (определение суда или единоличное распоряжение председателствующего), а во-вторых, характер применяемых мер (участники процесса, за исключением прокурора, защитника, общественного обвинителя и общественного защитника, могут быть удалены из зала, а не лицо, не являющееся таковым, еще и наложен денежный штраф).

Прямого ответа на вопрос, кто в ст. 262 понимается под "другими участниками процесса", УПК Латвийской ССР не дает. Исходя же из положения о том, что участие в судебном разбирательстве вызванных судом лиц обусловлено необходимостью правильного разрешения уголовного дела, а также пользуясь сопоставлением с УПК некоторых союзных республик, где имеются сходные по конструкции нормы, регламентирующие меры, применяемые в отношении нарушителей порядка в судебном заседании (например, ст. 240 УПК Узбекской ССР), следует прийти к выводу, что под участниками процесса в ст. 262 УПК Латвийской ССР понимаются все участвующие в деле лица, вызванные в судебное заседание. Однако, такое толкование не является единственно возможным, что может привести к различному применению ст. 262 в судебной практике.

Трудности в понимании термина "участники процесса", его разночтения, можно встретить и в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР. Например, в постановлении № I от 26 февраля 1967 г. дается рекомендация судам "реагировать на каждый случай неявки или несвоевременной явки в судебное заседание без уважительных причин участников процесса и свидетелей"...^I (разрядка наша - М.Ш.). Как видим, в данном контексте под участниками процесса понимаются не все участвующие в деле лица, коль скоро свидетели выведены из числа участников процесса.

---

^I "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1967, № 2, с. 12.

Возникает вопрос, кого же из участвующих в деле лиц следует считать участниками процесса? Относится ли к их числу, скажем, эксперт или переводчик?

В том же постановлении констатируется, что не изжиты случаи, когда некоторые судьи "проявляют неравное отношение к участникам процесса и возбуждаемым ими ходатайствам, необоснованно снимают их вопросы, допускают нетактичное обращение к участникам процесса и гражданам, присутствующим в зале судебного заседания"¹ (разрядка наша - М.Ш.). Анализ цитируемой фразы показывает, что в ней термин "участники процесса" применяется к различному кругу лиц. В первом случае под участниками процесса, по-видимому, понимаются обвиняемый, защитник, обвинитель, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, общественный обвинитель и общественный защитник, так как только они вправе возбуждать ходатайства по делу. Во втором случае, коль скоро речь идет о двух категориях лиц: об участниках процесса и о гражданах, присутствующих в зале судебного заседания, но не имеющих отношения к делу, термин "участники процесса" относится, очевидно, ко всем лицам, участвующим в судебном разбирательстве. Ибо трудно предположить, что факты нетактичного обращения имеют место только в отношении участников процесса, указанных в разделе втором Основ, и в отношении граждан, присутствующих в зале судебного заседания, но отсутствуют в отношении других участвующих в деле лиц.

Неоднозначность термина "участники процесса" в Основых и уголовно-процессуальных кодексах союзных республик вызвала, соответственно, расхождение во взглядах на это понятие и в юридической литературе.² Суть разногласий здесь в основном также сводится к различному пониманию

---

¹ "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1967, № 2, с. 10.

² В прежнем уголовно-процессуальном законодательстве термин "участники процесса" не содержался, в науке же под участниками процесса понимались все в той или иной степени участвующие в деле лица.

круга участников уголовно-процессуальной деятельности,¹ признающихся участниками процесса.

Под участниками процесса в уголовно-процессуальной науке понимаются или все участвующие в деле лица (т.е. понятия "участники процесса" и "участники уголовно-процессуальной деятельности" отождествляются),² или только лица, поименованные в разделе втором Основ и имеющие свои или представляемые ими интересы в деле.³ Это, так сказать, крайние точки зрения. Отдельные авторы придерживаются более "умеренных" взглядов. Одни из них считают, что участники процесса — это ведущие процесс государственные органы (суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание) и лица, отостаива-

---

¹ Большинство авторов справедливо считают участниками (субъектами) уголовно-процессуальной деятельности всех участвующих в деле лиц. Все участвующие в деле лица являются субъектами уголовно-процессуальных отношений и обладают субъективными правами и обязанностями. Они реализуют свои права и выполняют возложенные на них обязанности посредством процессуальных действий, то есть своего активного фактического поведения, урегулированного нормами права. Возникновение, развитие и прекращение процессуальных отношений возможно лишь в результате процессуальных действий. Процессуальные же действия возможны лишь при реализации субъектами правоотношений своих прав и обязанностей. Из этого единства процессуальных действий и процессуальных отношений следует, что любой участник (субъект) уголовно-процессуальных отношений при реализации прав и выполнении обязанностей является и участником (субъектом) уголовно-процессуальной деятельности.

² См., напр.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961, с.11-14; Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963, с.65; Стрёмовский В.А. Участники предварительного следствия. Ростов н/Д, 1966, с.15-25; Каминская В.А. О структурном анализе уголовно-процессуального права. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып.14, М., 1971, с.24-25; Уголовный процесс. М., 1972, с.96-100.

³ См., напр.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с.70-71; Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, с.62-63; Советский уголовный процесс. Под ред. проф. Д.С. Карева. М., 1968, с.67-77; Советский уголовный процесс. Под ред. проф. А.С. Кобликова. М., ВПА, 1972, с.73-84.

Некоторые авторы относят при этом к числу участников процесса также подозреваемого, общественного обвинителя и общественного защитника.

ющие в уголовном судопроизводстве свои или представляемые ими интересы (подозреваемый, обвиняемый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители)¹. Другие же относят к числу участников процесса лиц, которые активно участвуют в производстве тех или иных следственных и судебных действий, а не только присутствуют при их производстве (подозреваемый, обвиняемый, защитник, общественный защитник, законный представитель обвиняемого, обвинитель, общественный обвинитель, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, секретарь судебного заседания, переводчик, эксперт, свидетели, специалисты)².

Таким образом неоднозначность термина "участники процесса" в действующем уголовно-процессуальном законодательстве и, соответственно, разноречия в определении данного понятия в науке уголовно-процессуального права сказываются на практике его применения, вызывая трудности и разночтения, ведут к смешению понятий, порождая бесплодные затяжные дискуссии, затрудняют применение термина и в конечном счете лишают его научной ценности.³

Становится очевидным, что существующая множественность значений рассматриваемого термина должна быть сведена к одному, строго определенному понятию. Осуществить это можно

---

¹ См., напр.: Давыдов П.М., Сидоров Д.В., Якимов П.П. Судопроизводство по новому УПК РСФСР. Свердловск, 1962, с.58-59; Гуткин И.М., Белозеров Ю.Н., Мариупольский Л.А. Советский уголовный процесс. М., 1962, с.48-49.

² См., напр.: Лиеде А. Участники уголовного процесса (по Уголовно-процессуальному кодексу Латвийской ССР). - "Ученые записки ЛГУ им.П.Стучки", 1962, т.44, вып.4, Рига, с.155.

³ По этим же причинам нельзя согласиться с теми авторами, которые предлагают рассматривать понятие "участники процесса" в узком (лица, поименованные в разделе II Основ) и широком (все участвующие в деле лица) смысле слова. (См., например, Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970, с.13).

или при помощи введения нового термина, или же без расширения имеющейся в законе терминологии. Таковы пути решения данного вопроса.

Предложения о введении нового термина уже высказывались ранее. В частности, проф. Мотовиловкер полагал целесообразным "установить единое понятие участников процесса, понимая под ними всех, кто принимает участие в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности" и "дополнить ст. 34 УПК РСФСР наименованием "стороны", отнеся к ним участников процесса, перечисленных в ст. 245 того же кодекса",¹ то есть обвинителя, подсудимого, защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей.

С точки зрения метода решения данное предложение возражений не вызывает. По существу же на наш взгляд, его нельзя признать приемлемым. Во-первых, установление предлагаемого понятия участников процесса не нуждается в отказе от термина "участники судебного разбирательства", который закон применяет к лицам, указанным в ст. 245 УПК РСФСР. Существующее понятие "участники судебного разбирательства" и предлагаемое понятие "стороны" охватывают один и тот же круг лиц, относятся лишь к стадии судебного разбирательства и ни одно из них не характеризует процессуального положения этих лиц в судопроизводстве в целом. Во-вторых, термин "стороны" был известен преждему законодательству. При принятии новых уголовно-процессуальных законов законодатель отказался от его применения по весьма серьезным соображениям, связанным, как нам представляется, с вопросом о состязательности. Возвращаться к термину "стороны" — значит возрождать неверное представление о роли и значении принципа состязательности в советском уголовном процессе. Поскольку же другого, сколь-либо удачного, термина пока не найдено, остается второй путь решения рассматриваемого воп-

---

¹ Мотовиловкер Я.О. Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Томск, 1966, с. 30.

роса, то есть придание термину "участники процесса" однозначности в рамках существующей в законе терминологии. Это можно было бы сделать первоначально путем официального толкования данного термина в одном, наиболее соответствующем закону смысле, с последующим внесением изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Какой же из существующих в науке взглядов на понятие "участники процесса" наиболее соответствует действующему уголовно-процессуальному закону, его букве и духу?

Для ответа на интересующий нас вопрос прежде всего рассмотрим в самом общем плане назначение участников уголовно-процессуальной деятельности, суть их отличия друг от друга.^I

Участвующие в деле лица (участники уголовно-процессуальной деятельности) имеют различное назначение в судопроизводстве и занимают, в зависимости от этого, различное процессуальное положение. По признаку назначения в процессе, в его наиболее общем смысле, все участники уголовно-процессуальной деятельности распадутся на три группы.

1. Государственные органы и должностные лица (суд, прокурор, начальник следственного отдела, орган дознания, следователь, лицо, производящее дознание), специально уполномоченные осуществлять производство по уголовным делам. Соответственно своей компетенции названные органы и лица возбуждают уголовные дела, проводят расследование и судебное разбирательство и применяют к виновным меры уголовного наказания, то есть осуществляют судопроизводство как государственную функцию. Все эти органы и должностные лица несут ответственность за выполнение задач судопроизводства, за правильное разрешение каждого дела по существу при строгом соблюдении социалистической законности.

2. Подозреваемый, обвиняемый, защитник, законный представитель обвиняемого, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, общественный

---

^I Мы отвлекаемся при этом от спорного в науке уголовного процесса вопроса о классификации участников уголовно-процессуальной деятельности.

обвинитель и общественный защитник. Они привлекаются или допускаются к участию в уголовно-процессуальной деятельности с целью защиты своих или представляемых ими прав и законных интересов, а поэтому наделяются широкими процессуальными правами и занимают в процессе положение, отличающее их от всех других участвующих в деле лиц.

3. Все остальные участники уголовно-процессуальной деятельности. Они обладают значительно меньшим объемом прав, не имеют своего или представляемого интереса в деле и привлекаются к участию в процессе или для сообщения сведений об обстоятельствах, имеющих значение по уголовному делу (свидетели), или для применения своих специальных познаний (эксперт, специалист), или для оказания содействия следственным и судебным органам в какой-либо иной форме (понятой, переводчик, педагог, поручитель и др.).

Итак, наличие своего или представляемого интереса в деле выделяет участников, объединенных во вторую группу, из всех других участников уголовно-процессуальной деятельности. Законодатель наделяет этих лиц такими процессуальными правами, совокупность которых создает для них возможность активного участия в судопроизводстве, закрепляет такую разветвленную систему гарантий, которая обеспечивает реальную защиту их прав и законных интересов.

Характер назначения и обусловленная им общность процессуального положения подозреваемого, обвиняемого, защитника, законного представителя обвиняемого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, общественного обвинителя и общественного защитника позволяют сделать вывод о том, что данная группа лиц соотносится со всеми участниками уголовно-процессуальной деятельности как часть и целое, и что, будучи частью целого, она должна быть, в интересах не только науки, но и практики, обозначена специальным термином. Необходимость применения такого термина очевидна и, по сути дела, никем из процессуалистов не оспаривается.

Но если применение специального термина к указанным участникам уголовно-процессуальной деятельности необходимо,

а Основы группируют большинство этих участников в отдельный раздел под названием "Участники процесса, их права и обязанности", то следует, по-видимому, признать более верным, что только поименованных в разделе втором лиц Основы обозначают термином - "участники процесса". При этом едва ли можно согласиться с утверждением, что законодатель допустил нечеткость в заголовке к разделу второму Основ. ¹ Если бы такого рода утверждения были уместными, то с равным успехом можно было бы утверждать, что нечеткость допущена в заголовке к ст. 18 Основ, а не в заголовке второго раздела. Однако не в этом суть. Сопоставление ст. 18 и раздела второго Основ свидетельствует, во-первых, о том, что в данном разделе применение термина "участники процесса" является более определенным. Когда речь идет о всех привлекаемых к делу лицах, а не только об обвиняемом, защитнике, потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике, законодатель (в ст. 27, входящей во второй раздел) применяет термин "участвующие в деле лица", так как употребление в этом случае термина "участники процесса" неизбежно вело бы к ошибочному мнению о том, что суд и другие государственные органы обязаны разъяснять права только тем участникам уголовно-процессуальной деятельности, которые поименованы в разделе втором Основ. Законодатель тем самым подчеркнул, что "участники процесса" и "участвующие в деле лица" понятия разные. Во-вторых, раздел второй и ст. 18 Основ с точки зрения внутренней структуры этого закона находятся на разных уровнях. Представляется правильным, если говорить о полноте определения понятия, отдать предпочтение тому, обозначаемому термином "участники процесса" понятию, которое находится на более высоком структурном уровне, то есть в заголовке раздела второго Основ.

Надо полагать, что именно к такому выводу пришли составители УПК Эстонской ССР, в котором название ст. 18 Основ

---

¹ См., напр.: Каминская В.И. О структурном анализе уголовно-процессуального права. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью, Вып. 14, М., 1971, с. 24-25.

дословно не воспроизведено, а изменено в соответствии с разделом вторым Основ и изложено как "Отвод судьи, прокурора и других лиц, участвующих в процессе (разрядка наша - М.Ш.). Исключая возможность различного толкования термина "участники процесса", УПК Эстонской ССР в ст. 34 раскрывает его содержание и указывает, что участниками процесса признаются обвиняемый, защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители (то есть лица, названные участниками процесса в разделе втором Основ).

Аналогичным образом решен этот вопрос в УПК Украинской ССР, п. 8 ст. 32 которого разъясняет, что под участниками процесса понимаются обвиняемый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

Сказанное позволяет, как нам представляется, прийти к выводу, что из существующих в советской уголовно-процессуальной науке¹ взглядов на понятие "участники процесса" наиболее соответствует действующему уголовно-процессуальному закону мнение, что под участниками процесса следует понимать тех участников уголовно-процессуальной деятельности, которые привлекаются или допускаются государственными органами для активного участия в расследовании и рассмотрении уголовных дел с целью защиты своих или представляемых ими прав и законных интересов и наделяются широкими процессуальными правами, то есть тех лиц, которые поименованы в разделе втором Основ.

---

¹ Небезинтересно отметить, что в процессуальной литературе социалистических государств Европы под участниками процесса понимаются не все участники уголовно-процессуальной деятельности. Существуют две точки зрения. Сторонники одной из них участниками процесса признают те государственные органы и физические и юридические лица, которые осуществляют хотя бы одну из основных процессуальных функций, отстаивают свои или представляемые ими права и законные интересы и обладают определенными правами и полномочиями для активной процессуальной деятельности. Сторонники же другой не относят государственные органы к числу участников процесса, понимая под последними лиц, которые могут оказывать и оказывают влияние на движение дела и которым закон предоставляет для этого определенные процессуальные права и возлагает на них определенные обязанности. (см.: Уголовный процесс зарубежных социалистических государств Европы. Под ред. проф. В.Е. Чугунова. М., 1967, с. 30, 80).

Кроме того, к числу участников процесса следует отнести подозреваемого, хотя он участвует в судопроизводстве в исключительных случаях и только на стадии предварительного расследования. Отнесение подозреваемого к числу участников процесса вытекает из его правового положения, которое характеризуется общностью черт, объединяющей участников процесса, упомянутых в разделе втором Основ. Оно отвечает также требованию усиления гарантий прав личности. По тем же мотивам к участникам процесса нужно было бы отнести общественного обвинителя и общественного защитника.

Противники данного взгляда на понятие "участники процесса" кроме имеющихся в законе оснований обычно приводят аргумент, суть которого такова: если лицо участвует в процессе, то кто же оно, как не участник? Все участвующие в процессе лица - участники процесса.

Оставляя за пределами статьи вопрос о том, насколько удачен термин "участники процесса", необходимо заметить следующее. Специальный термин есть словесное выражение такого понятия, которое, как правило, отлично от житейского, обозначаемого тем же словесным выражением. Термин "участники процесса" по действующему уголовно-процессуальному закону является специальным, и в этой связи он лишается общеупотребительного смысла. Здесь слово "участник", уже не исчерпывается этимологическим значением,¹ а приобретает специфический уголовно-процессуальный смысл.

Аргументы сторонников расширительного толкования понятия "участники процесса" не колеблют мнения, что с точки зрения действующего закона под участниками процесса предпочтительнее понимать только тех лиц, которые защищают в уголовном судопроизводстве свои или представляемые ими интересы, и что именно данное суждение должно быть положено в основу официального толкования понятия "участники процесса" и последующего изменения уголовно-процессуального законодательства.

---

¹ Участник - человек, принимавший или принимающий участие в чем-н., в какой-н. работе, деле (Толковый словарь русского языка, т. 4. М., Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1940, с. 1035).

МЕЛКИЕ ХИЩЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ (по материалам выборочного исследования)

В 1973-74 гг. небольшая группа преподавателей и лаборантов ЛГУ им. П. Стучки¹ с помощью работников МВД ЛатвССР провела изучение состояния, структуры, динамики мелких хищений на ряде предприятий мясной промышленности республики. Выяснялись также причины и условия, способствующие совершению таких хищений.

Материалы этого исследования позволили сделать некоторые выводы об основных направлениях в организации профилактики мелких хищений как на изученных предприятиях, так и в определенной мере на других. Эти выводы являются составной частью криминологического обобщения конкретных причин и условий, способствующих совершению хищений на предприятиях мясной промышленности Министерства мясной и молочной промышленности ЛатвССР, и мер борьбы с ними.

В силу того, что выводы носят в основном частный характер рекомендаций для определенной отрасли промышленности и конкретных предприятий, а также в силу ограниченного объема статьи, здесь будет освещен, главным образом, фактологический аспект проблемы.

Состояние, структура и динамика мелких хищений

Прежде чем делать выводы о том, как бороться с мелкими хищениями, необходимо выяснить как часто и кем они совершаются, какова их динамика и другие вопросы криминологической характеристики.

По материалам Управления вневедомственной охраны МВД ЛатвССР, Министерства мясной и молочной промышленности ЛатвССР

¹ Кандидаты юридических наук Р. Донбровский и К. Торганс, кандидат экономических наук В. Виедрите, ст. преподаватель Ю. Пека, аспирант В. Мурниеко, лаборанты Я. Дорошко и Л. Озола под руководством автора статьи.

и полученным нами непосредственно на предприятиях данным (анкетирование, интервью и т.д.) были изучены основные аспекты характеристики мелких хищений на ряде предприятий мясо - консервной промышленности, входящих в систему Министерства мясной и молочной промышленности.

Нами, в частности, было обобщено и проанализировано содержание значительного количества учетных карточек на мелких расхитителей за 1971, 1972 и 1973 гг.

За эти годы количество мелких хищений в конечном счете сократилось примерно на 4 %.

По коэффициенту - примерно на 8 %.

Этот вывод нам представляется достаточно обоснованным, если учесть, кроме нашего собственного мнения, еще и то, что в криминологической литературе неоднократно отмечалось, что на статистические материалы последних лет серьезное влияние оказывает возрастание активности правоохранительных и других органов. Поскольку же, несмотря на это, приведенные нами данные свидетельствуют о некотором сокращении, а не о росте мелких хищений, следует считать, что сокращение действительно имеет место^I.

Если ж сравнить данные 1973 г. с данными более раннего периода, начиная с 1967 г. (Министерство образовано в декабре 1965 г.), то обнаруживается следующая закономерность: за семь лет количество мелких хищений сократилось и в общих показателях и по коэффициенту.

Однако, если количество хищений в 1968, 1969 г.г. ежегодно весьма равномерно сокращалось, то 1970 г. дал некоторый скачок вверх, 1971 г. - значительное сокращение, 1972 г. - опять увеличение, 1973 г. - сокращение.

Следовательно, несмотря на наличие общей тенденции к сокращению мелких хищений, оно идет через увеличение в отдельные годы, через некоторую стабилизацию в последние три года.

Количество лиц, задержанных за совершение мелких хищений, несколько меньше, чем количество хищений, т.к. имеют

---

^I Вопрос о латентности мелких хищений в данной статье (из-за ограниченности ее объема) не будет рассматриваться.

место случаи повторного задержания лиц, уже ранее задерживавшихся за совершение мелких хищений.

В 1973 г. удельный вес повторных мелких хищений колебался по отдельным предприятиям в пределах 17,6 % - 5,7 %.

Количество задержанных за повторные хищения в 1973 г. по сравнению с 1971 г. в целом по обследованным предприятиям почти не сократилось и составляло 14,2 % от общего числа задержанных за мелкие хищения.

В течение исследованного периода на каждом из предприятий были зарегистрированы мелкие хищения государственного имущества (производимой продукции, полуфабрикатов и т.д.).

Но и количество хищений различно, и предприятия по количеству работающих тоже различны.

Самого высокого уровня среди изученных предприятий мелкие хищения достигали на Вентспилском, Тукумоком, Талсинском и Елгавском мясокомбинатах, где в 1973 г. количество мелких хищений на каждые сто работающих превышало 20. Лучшие показатели на Балвском мясокомбинате.

Эти данные можно признать достаточно показательными, если допустить, что уровень раскрываемости мелких хищений на всех мясокомбинатах более или менее одинаков, хотя есть серьезные основания предполагать, что на некоторых комбинатах он все-таки ниже.

Предприятия, где наиболее распространены мелкие хищения, как правило, сравнительно небольшие, с количеством работающих до 250 человек, с сравнительно низким уровнем механизации и всеми обусловленными этим последствиями.

Наиболее крупные предприятия, такие как Рижский мясоконсервный, Даугавпилсский и Валмиерский мясокомбинаты по уровню мелких хищений занимают среднее положение (девятое, седьмое и четвертое место из четырнадцати).

Среди лучших предприятий Балвский и Лиепайский мясокомбинаты, тоже довольно крупные предприятия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мелкими хищениями более поражены сравнительно мелкие предприятия.

Если же говорить о динамике мелких хищений, то нельзя забывать, что эти комбинаты не существуют изолированно, что работающие на них люди не находятся вне связи с определенной средой не только на производстве в рабочее время, но и вне производства, в нерабочее время. И эта среда оказывает существенное

твеннейшее влияние на формирование их взглядов, выработку системы поведения и т.д.

Поэтому необходимо сравнить данные о динамике мелких хищений на этих предприятиях с данными о динамике мелких хищений в районах и городах, где предприятия расположены.

Оказывается, что тенденции в динамике мелких хищений на мясокомбинатах не всегда совпадают с общими тенденциями развития мелких хищений в "своих" городах и районах.

В частности, есть основание говорить о тенденции к повышенной криминогенности Рижского мясо-консервного комбината, о тенденции к пониженной криминогенности Даугавпилсского и Валмиерского мясокомбинатов, о совпадающей тенденции Тукумского мясокомбината. Это заставляет сделать вывод, во-первых, о том, что тех мер общей превенции, т.е. проводимых государственными и общественными органами мероприятий экономического, организационного, правового, воспитательного характера, объективно влияющих на сокращение преступности, для некоторых предприятий мясной промышленности оказывается недостаточно.

И следовательно, здесь необходимо проведение дополнительных мер общей и специальной превенции.

И во-вторых, на ряде мясокомбинатов действуют противоположные тенденции, позволяющие говорить о том, что организационные, воспитательные и другие меры, проводимые здесь, дают положительные результаты, способствуют сокращению мелких хищений.

Еще одним существенным элементом криминологической характеристики мелких хищений является анализ повторных мелких хищений. Более всего было зарегистрировано мелких хищений на Вентспилском, Даугавпилском, Тукумском, Талсинском и Елгавском мясокомбинатах.

Эти предприятия различны по своим размерам, по количеству работающих, по уровню механизации и автоматизации.

Установить определенные тенденции, связанные с наличием повторных мелких хищений, по этим направлениям нам не удалось.

Таким образом, изучение количественных показателей, характеризующих мелкие хищения в мясной промышленности сви-

детельствует о том, что количество мелких хищений, совершаемых на обремененных предприятиях, сравнительно велико, но на протяжении последних семи лет заметна тенденция к некоторому их сокращению и по абсолютному количеству и по коэффициенту. При этом нельзя не заметить некоторой стабилизации количества мелких хищений в течение последних трех лет.

Как правило, одни и те же предприятия имеют или положительные или отрицательные тенденции по всем или большинству показателей, из которых складывается криминологическая характеристика мелких хищений социалистического имущества.

Исходя из этих показателей, можно делать выводы о более или менее благополучном положении с хищениями на том или ином предприятии.

Характеристика ущерба, причиняемого мелкими хищениями

Как и всякие хищения, хищения в мелких размерах (мелкие) прежде всего причиняют государству материальный ущерб.

Стоимость мясопродуктов, изъятых при задержании у одного лица, колеблется от нескольких десятков копеек, до нескольких десятков рублей.

При этом средняя "стоимость"^I одного хищения на разных предприятиях значительно отличается (от 2 р. 60 к. до 14 р. 60 к.).

Отличается и средний размер похищенного на каждого работающего (в основном это мясо, полуфабрикаты, колбаса и другие виды изготавливаемой на мясокомбинатах продукции).

Нельзя не отметить такую закономерность: чем более высок уровень мелких хищений, тем больше и размер похищенного.

На различных предприятиях различна динамика размеров похищенного: на одних имеет место некоторый рост "стоимости" хищений на каждого работающего за год; на других - большая или меньшая стабильность; на третьих - сокращение.

Характерно, что и по динамике размеров похищенного "первенствуют" те же предприятия, что и по уровню хищений,

^I Понятие условное, поскольку имеются в виду пресеченные хищения.

и по размерам их.

Хотя средняя "стоимость" одного мелкого хищения, как отмечено выше, невелика (при этом немало хищений совершается на сумму, ниже этой средней), однако общая стоимость похищаемой таким путем продукции не так уж незначительна. Этот вывод основывается на том, что количество лиц, совершивших мелкие хищения и незадержанных, превышает количество лиц, задержанных при хищении. И превышение это довольно существенно.

Кроме того, к материальным потерям следует добавить и определенное ухудшение качества выпускаемой продукции, поскольку мелкие хищения осуществляются, как правило, за счет нарушения технологии (недовложения каких-то продуктов, замены одних, более ценных, другими - менее ценными и т.д.).

Об этом, в частности, в известной степени свидетельствуют данные о месте, откуда мелкие хищения производятся (1973 г.):

мастерская, цех	- 93,6 %
склад готовой продукции	- 4,0 %
территория предприятия	- 1,1 %
Экспедиторская	- 1,1 %

Основная масса мелких хищений осуществляется из цехов (убойный, колбасный и др.), в процессе производства. Но от этого, как правило, не уменьшается общее количество выпускаемой продукции (качество может ухудшаться). Естественно, что от ухудшения качества несут материальный ущерб и государство, и граждане (потребители).

Не случайно, что в республике лучшей по качеству считается как раз продукция тех предприятий, где уровень мелких хищений особенно низок, например, Валмиерского мясокомбината.

Однако, ущерб, наносимый мелкими расхитителями государству и обществу не ограничивается только размерами материальных потерь.

Пожалуй, еще более значительны потери морального, нравственного плана, поскольку мелкие хищения разлагают не только самого расхитителя, но и тех, кто работает рядом с ним, членов его семьи, особенно детей, привыкших к терпи-

тому, а иногда к поощрительному отношению к расхищению государственного имущества.

В таких условиях формируется преодолутое объяснение-оправдание "все берут".

Ситуации и условия, способствующие совершению мелких хищений

Ситуация, как известно, - это совокупность объективных обстоятельств, в которых совершается хищение.

Ситуация может вызывать намерение совершить хищение ("толкающая" на совершение преступления, например, материальные затруднения и т.п.) или создавать возможность совершения преступления (например, складирование продукции в неохраямом помещении со свободным доступом в него, отсутствие заборов, должным образом оборудованных "сумочных" и т.п.).

Определение и фиксирование в каждом случае хищения конкретной ситуации его совершения, а затем обобщение полученных данных, имеет серьезное криминологическое значение. Оно позволяет лучше учесть обстоятельства, влияющие на лиц, совершивших мелкие хищения, а, следовательно, и воздействовать на них.

В какой-то степени ситуация совершения мелких хищений отражается в актах, составляемых на задержанных за малое хищение, в материалах товарищеских судов, "административных" комиссий^I и др.

В указанных материалах ситуация выстывает наряду с условиями, способствующими совершению мелких хищений.

Изучив материалы дел о малом хищении, рассмотренных товарищескими судами, можно сделать вывод, что "толкающая" ситуация проявляется в формах, не имеющих отношения к значительным материальным трудностям работников.

И вообще преобладает "ситуация возможности" (возможности совершения преступления). Она проявляется, как правило в виде уверенности в возможности безнаказанно вынести или вывезти с территории предприятия похищенную продукцию.

Ведь перед совершением мелкого хищения лицо, намере-

^I Комиссии при администрации маскомбинатов.

важшее его совершить, естественно, взвешивает не только насколько хищение реально, но и насколько оно безопасно, какие санкции последуют при неудаче, как отнесутся к нему товарищи по работе, члены семьи и т.д.

О наличии уверенности в том, что хищение пройдет незаметным и безнаказанным свидетельствует, на наш взгляд, в частности, тот факт, что, не говоря о моральной ответственности, материальная ответственность за один случай хищения достигает 200 и более рублей (лишение тринадцатой зарплаты, премиальных и т.д.), а при определенных условиях наступает и уголовная ответственность. Как явствует из вышесказанного, санкции за мелкое хищение достаточно строги. Следовательно, реальная возможность неудачи и применения этих санкций настолько незначительна, что не может удерживать некоторых людей от совершения мелких хищений, в том числе и от повторных.

Как уже отмечалось, наиболее благоприятные условия для совершения мелких хищений существуют в местах непосредственного производства продукции — в цехах и мастерских.

Именно отсюда имеется возможность взять готовую продукцию, полуфабрикаты, спрятав под одеждой, в одежде и т.д., вынести с территории предприятия.

Как показывают имеющиеся в нашем распоряжении данные, основная масса мелких хищений совершается в рабочее время, в часы работы дневных рабочих смен.

Время совершения хищений	1971 г.	1972 г.	1973 г.
С 8 ч. до 17 ч.	66,9 %	68,7 %	69,9 %
С 17 ч. до 24 ч.	23,6 %	26,7 %	24,6 %
С 00 ч. до 8 ч.	9,3 %	4,6 %	5,5 %

Таким образом, мелкие хищения совершаются практически в дневное и вечернее время (до 24 часов). Наблюдается тенденция к росту хищений, совершаемых в дневное и вечернее, т.е. в рабочее время, и некоторое сокращение — в ночное время.

Следовательно, говоря об условиях, опосредствующих совершению мелких хищений, следует опять же, в первую очередь, искать их в организации и учете хранения готовой продукции и полуфабрикатов в процессе производства.

Этот вывод подтверждается и теми материалами, которые показывают источник информации о совершенном мелком хищении,

указывают на лицо, задержавшее расхитителя. А они свидетельствуют о следующем: удельный вес расхитителей, задержанных лицами, в чьи прямые обязанности это входит, достигает 85,4% (в 1973 г.). Если же сюда прибавить еще инспекторов и других работников МВД, то их удельный вес поднимается почти до 92%. Следовательно, почти все задержанные за совершение мелких хищений были задержаны в проходной или в ином месте при выносе (вывозе) похищенного с территории предприятия (а не в цеху или при выходе из цеха) лицами, специально осуществляющими функцию охраны.

На долю же бригадиров, т.е. лиц, непосредственно принимающих участие в процессе производства и обязанных следить за сохранностью полуфабрикатов и готовой продукции в этот период, приходится всего 5,9-6,7% задержаний.

Таким образом, в среднем только 6 человек из 100 были задержаны бригадирами в момент совершения мелкого хищения или сразу после его совершения.

Возможно ли согласиться с тем, что только в этих случаях бригадиры заметили хищение? Едва ли. Если же все-таки допустить, что в силу некоторых особенностей производства и учета продукции в процессе производства эти хищения было трудно или вообще нельзя обнаружить, а бригадир не заметил момента, когда они были совершены, ввиду своей занятости производственной работой, нахождения в другом помещении и т.д., то уж никак нельзя представить, чтобы ни один из работающих рядом рабочих не заметил хищения. Однако на долю общественности (в том числе и ДНД) падает только 0,8-1,4% задержанных за совершение мелких хищений (практически 1 из 100 расхитителей)¹.

Все, что делается потом (в частности, работа товарищеских судов) — реакция на совершенное правонарушение. Главная же функция коллектива — недопущение совершения правонарушений, предупреждение — в этом своем аспекте выполняется

¹ Имеет место случаем, когда бригадиры или рабочие, заметив, что кто-то собирается похитить продукцию или полуфабрикаты, останавливают виновного. Но это, как уже отмечалось, нигде официально не фиксируется.

слабо.

Поскольку главной нашей задачей являлось выявление условий, способствующих мелким хищениям в производственных коллективах, мы попытались выяснить уровень правовой грамотности рабочих мясокомбинатов. Изучение проводилось на Валмиерском, Тукумском и Рижском мясокомбинатах (В.Мурниеко). Наиболее полные сведения (по соотношению розданных и полученных после заполнения анкет) удалось собрать на Валмиерском мясокомбинате.

В анонимной анкете, предлагавшейся работникам двух цехов Валмиерского мясокомбината, среди других вопросов был такой: "Какой, по Вашему мнению, была бы реакция Ваших товарищей по работе, если бы Вы сообщили администрации предприятия (своего цеха, отдела и т.д.) о готовящемся или уже совершенном хищении социалистического имущества, виновниками которого являются работники Вашего цеха (отдела, бригады)?"

Только 38,4 % опрошенных ответили, что большинство членов коллектива одобрили бы этот поступок; 28,2% - некоторые члены коллектива одобрили бы этот поступок. Остальные считают, что к этому поступку члены коллектива отнеслись бы равнодушно, не одобрили бы его, а примерно 10 % считают, что некоторые члены коллектива попытались бы отомстить за это сообщение.

Уже эти довольно приблизительные и даже иллюстративные данные позволяют, однако, говорить об отсутствии единения в оценке такого поступка, о наличии в рабочих коллективах людей, которые поощрительно или равнодушно относятся к мелким хищениям, совершаемым рядом.

Такое отношение нельзя объяснить незнанием или непониманием того, что мелкое хищение является правонарушением, а при определенных условиях и преступлением (ответы анкет позволяют сделать такой вывод).

Здесь, видимо, действуют принципы "все берут", а еще больше - "меня это не касается".

Представляется, что это как раз и является главным условием, способствующим совершению мелких хищений на изученных нами предприятиях.

Все остальные условия, о которых уже говорилось, а также будет сказано далее, в том числе и "ситуация возможности",

являются по сравнению с этим условием второстепенными. Ведь в одной и той же ситуации, при одних и тех условиях работы, постановки учета и охраны продукции подавляющее большинство работников не совершают мелких хищений, но многие в той или иной степени допускают, чтобы другие совершали правонарушения, расхищали социалистическую собственность.

Почему это происходит? В первую очередь, видимо, потому, что недостаточно высок уровень сознательности части работников. Кроме того, люди не представляют истинных размеров того вреда, который приносят государству и обществу расхищатели (или вообще не задумываются над этим); или, наконец, сами тоже совершают мелкие хищения, ставя на первое место свои собственные, индивидуалистические интересы.

К этому следует добавить следующее: некоторые руководящие работники мясокомбинатов закрывают глаза на то, что существует практика выноса с предприятий "нескольких сосисок" и "пары шницелей". Особенно это процветает в период "штурмов", когда поступает скот, не поставленный вовремя, а поставленный в конце месяца, в конце квартала или года. Тогда не хватает рабочих рук, работать приходится в ночную смену, и, чтобы получить эти рабочие руки, администрация иногда идет на послабления в дисциплине: в том числе и на "смягчения" политики в отношении лиц, выносящих мясопродукты в незначительных количествах. Это делается как бы в интересах дела, о конечных же результатах (разлагающих) такой "политики" мало кто задумывается.

И здесь во весь рост встает вопрос о нравственном и правовом воспитании работников, о поднятии уровня их сознательности, о привитии им чувства ответственности за все, что происходит в коллективе и вне его.

Естественно, что решение этого вопроса имеет общегосударственный характер и входит в понятие общей праввенции преступности. Однако, определенная доля работы в этом направлении ляжет на каждый производственный коллектив, администрацию, общественные организации, ибо отдельные аспекты причин, порождающих правонарушения, могут выступать и в качестве условий, способствующих их совершению.

К условиям, способствующим совершению мелких хищений можно отнести и недостатки в организации общественного и го-

сударственного реагирования на ставшие известными случаи мелкого хищения.

В 1973 г., по имеющимся у нас данным, удельный вес лиц, не понесших более или менее реального наказания за мелкое хищение более 16 %.

Одновременно за последние годы наблюдается тенденция к росту удельного веса лиц, привлеченных к уголовной ответственности (за повторные мелкие хищения); тенденция к сокращению удельного веса лиц, наказанных в административном порядке; отсутствие устойчивой тенденции к увеличению удельного веса лиц, дела в отношении которых переданы в товарищеский суд.

В этой связи следует отметить, что решения товарищеских судов по делам о мелких хищениях, как правило, однотипны, трафаретны: практически почти единственной мерой воздействия на мелких расхитителей является штраф в размере 10-30 рублей, весь остальной арсенал мер воздействия используется крайне редко.

Эта мера стала уже настолько привычной, что большинство из опрошенных нами считают решения товарищеского суда такого характера нормальными, а размеры штрафов справедливыми.

Так, на Валмиерском мясокомбинате (В.Мурниеко) считали наказание, определенное товарищеским судом, справедливым 60,3 % заполнивших анкеты; чрезмерно суровым - 5,6 %; несоответственно мягким - 9,4 % (остальные 24,7 % - затруднились ответить).

К сказанному следует добавить, что пока еще нет должного учета дел, поступающих и рассматриваемых в товарищеских судах (данные предприятий отличаются от данных УВО МВД ЛатвССР).

Вернемся к вопросу о реакции окружающих на мелкие хищения.

Почему же все-таки рабочие, общественность сравнительно слабо реагируют на совершение мелких хищений? Может быть кроме того, о чем было сказано выше, они не уверены, что администрация, работники охраны, члены ДНЦ, получив сообщения о готовящемся или уже совершенном хищении, примут необходимые меры?

Мы попытались выяснить эти вопросы с помощью анкеты.

На Валмиерском мясокомбинате (Л.Мурниеко) 58,4 % опро-

ненных работников двух цехов ответили, что считают, что на предприятии сразу же были бы приняты все необходимые меры по задержанию виновных);

13,2 % - что "не всегда приняли бы меры по задержанию виновных";

28,4 % - затруднились ответить на этот вопрос.

Таким образом, можно предположить, что более 40%, т.е. почти половина опрошенных не уверены или не совсем уверены в том, что их сигнал немедленно вызвал бы необходимую реакцию - задержание виновных¹. Безусловно, это факт, представляющий о многом задуматься.

Прежде всего, необходимо установить степень осведомленности членов рабочих коллективов мясокомбинатов с деятельностью по борьбе с мелкими хищениями.

На том же Балниерском мясокомбинате была распространена анкета, с помощью которой пытались выяснить, как рабочие и служащие знают и оценивают ту работу администрации и общественных организаций, которая направлена на предупреждение и пресечение правонарушений на этом предприятии.

Было получено 53 заполненных анкеты, из которых можно видеть, что основным источником информации о работе товарищеских судов, добровольных народных дружин и т.д. являются собрания коллектива, на которых выступают председатели товарищеских судов, командиры ДНД и др. (35 человек).

На втором месте стоят статьи в стенгазетах и сообщения, вывешиваемые в помещениях предприятия (31 чел.).

На третьем месте - присутствие на заседаниях товарищеского суда в качестве слушателя (25 чел.).

Личное участие в работе товарищеского суда, ДНД, групп народного контроля в качестве источника информации о деятельности этих органов назвали девять человек.

При этом интересно отметить, что хотели бы принимать активное участие (стать членами) в работе товарищеского суда 5 человек, группы народного контроля - 13 человек, ДНД - 5 человек из опрошенных. Думается, что эти цифры свидетельству-

¹ С этим выводом не согласен директор комбината, где проводилось указанное анкетирование.

ит, во-первых, об особой популярности работы народных контролеров; во-вторых, об определенных неиспользованных резервах общественной активности, в частности, активности в борьбе с правонарушениями, в том числе и с мелкими хищениями.

Но, говоря об источниках информации о работе товарищеских судов, ДНД, групп народного контроля, нельзя обойти и такого факта, что в ряде анкет содержались ответы, свидетельствующие о том, что те, кто заполняли эти анкеты, не знакомы с работой этих органов на своем предприятии. Такие ответы имели место в отношении товарищеского суда в 2-х случаях, в отношении народного контроля в 5-ти случаях, в отношении ДНД - в 12-ти случаях. Особенно настораживает последняя цифра: 12 человек из 53, т.е. 22,6% опрошенных, ничего не знали о том чем занимаются народные дружинники, как они борются с мелкими хищениями и т.д.

Следовательно, на некоторых предприятиях ДНД, как и товарищеский суд, не в полном объеме выполняет свои функции в области профилактики правонарушений, в том числе и мелких хищений.

С работой товарищеских судов мы специально знакомились на ряде мясокомбинатов.

Общее впечатление: главный недостаток работы товарищеских судов - формализм. По делам выносятся стандартные решения о наложении штрафа. Конкретные причины и условия, способствующие совершению мелких хищений, в решениях не отражаются. В анкеты, с помощью которых мы пытались обобщить практику предупредительной работы товарищеских судов был включен вопрос "Какими причинами вызвано данное правонарушение, по мнению товарищеского суда, и устранены ли они впоследствии?", но ни в одной анкете, из изученных на Рижском мясоконсервном комбинате, ответа на этот вопрос не было. Это позволяет сделать вывод, что причины и условия, способствующие совершению мелких хищений, во время заседаний не выяснялись, а если и выяснялись, то по-настоящему не фиксировались. Следовательно, тот факт, что материалы об условиях, способствующих совершению мелких хищений, не обобщались в товарищеских судах, что ни председатели товарищеских судов, ни профсоюзные организации не ставили перед администрацией предприятий

вопрос о ликвидации этих условий, не случаен — он закономерно вытекал из стиля работы товарищеских судов, которые ограничивались только определением наказания за совершенное правонарушение. Главная задача товарищеских судов воспитание членов трудового коллектива, предупреждение правонарушений — в нужном объеме не выполнялась.

Можно привести примеры, когда лица, дела о совершении которыми мелких хищений были рассмотрены в товарищеском суде, вновь совершали и мелкие хищения, и хищения в более крупных размерах.

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что в период изучения на мясокомбинатах существовали реальные и сравнительно легко обнаруживаемые условия, позволявшие совершать мелкие хищения. Без устранения этих условий нельзя добиться значительного сокращения хищений.

Как правило, много нареканий делается в адрес вневедомственной охраны. Некоторые работники даже склонны считать, что улучшение работы охраны может решить проблему мелких хищений. Хотя это и является большим преувеличением роли и значения охраны, недостатки в работе которой не причина, а только одно из условий существования мелких хищений, все-таки это весьма весомое условие, которому в нашем обобщении было уделено значительное внимание (Р. Домбровский).

Специфическим условием, затрудняющим точный учет производимой продукции являются особенности технологии производства на мясокомбинатах. Изменения температурного режима, различные нарушения Инструкции по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на предприятиях мясной и птицеперерабатывающей промышленности. Положения о документах и записях, в бухгалтерском учете предприятий и хозяйственных организаций и др. позволяют создавать те резервы, из которых совершаются мелкие хищения.

Источниками накопления неучтенной продукции являются различного рода нарушения порядка описания естественной убитой, в частности, превышения норм естественной убитости; образование пересортицы; выдача со складов большего количества отдельных видов продукции, чем это отражено в документах ("красное" сальдо кредита) и описание разницы в последующие дни из вновь поступившей продукции; отсутствие должного по-

рядка в журналах по учету выработанной продукции и т.д. (К.Торгано).

Кроме того, на предприятиях имеют место факты порчи сырья и продукции, за которые, по существу, никто не несет ответственности. Они известны рабочим и порождают мнение о том, что у государственной собственности не всегда есть настоящий рачительный хозяин, что в результате бесхозяйственности гибнет немало государственного добра, а это является, в свою очередь, как бы оправданием для тех, кто "берет для себя" мясопродукты в небольшом количестве (от этого, якобы, никто "не страдает").

Таким образом, из сказанного вытекает, что на мясокомбинатах существуют определенные реальные условия, позволяющие совершать мелкие хищения.

Без устранения этих условий (каждое из которых, конечно, не равноценно), нельзя рассчитывать на более или менее быстрое и значительное сокращение количества мелких хищений.

Это понимает руководство и отдельных предприятий, и всей отрасли, и немало делает для их устранения.

Наше исследование, один из аспектов которого кратко изложен в настоящей статье, расширяет и систематизирует перечень наиболее существенных условий, дает более глубокий анализ и несколько иную оценку некоторых из факторов, влияющих на мелкие хищения, чем это имеет место среди работников изученных нами предприятий.

Личность расхитителя

Для того, чтобы более полно и конкретно определить причины и условия, способствующие совершению мелких хищений, нами была изучена личность расхитителя.

Это необходимо было сделать для того, чтобы выяснить социальную сущность собирательного понятия личность мелкого расхитителя, правонарушителя (по аналогии с понятием "личность преступника"), характерную именно для мясокомбинатов.

В своем исследовании мы исходили из того, что структура личности правонарушителя, как и структура личности преступника, складывается из следующих признаков:

- 1) социально-демографических;
- 2) социально-психологических;
- 3) социально-биологических^I.

Как известно, к первой группе признаков относятся: социальное происхождение, социальное положение, образование, партийность, участие в общественной жизни, профессия, трудовой стаж, семейное положение и др.

Ко второй - морально-политические, мировоззренческие, нравственные и т.п. характеристики личности.

И, наконец, к третьей - пол, возраст, состояние здоровья и т.д.

Постараемся показать наиболее характерные, на наш взгляд, признаки, относящиеся ко всем трем группам.

Для удобства характеристики личности правонарушителя начнем с таких биологических признаков как пол и возраст, обуславливающих наличие многих других признаков (жизненный опыт, содержание и разнообразие взглядов, образование и т.д.).

Из учетных карточек УБО, к сожалению, не видно как лица, задержанные при попытке вынести с территории предприятия мясо, мясные полуфабрикаты или готовые изделия, разделяются по полу. Но по материалам отдельных предприятий можно установить, что, в основном, это мужчины, хотя среди работающих на мясокомбинатах преобладания мужчин нет.

По возрасту задержанные разделяются следующим образом: лица молодого возраста составляют среди расхитителей четвертую часть (к сожалению, в учетных карточках УБО не выделены в специальную группу лица в возрасте до 18 лет - несовершеннолетние).

Наиболее велика группа 26-35 - летних - почти третья часть задержанных. За ней идет группа 36-45 - летних. Лица старше 45 лет среди задержанных не превышают 15 %.

Такой возрастной состав мелких расхитителей, примерно

---

^I Сахаров А.Б. Учение о личности преступника. - "Советское государство и право", 1968, №9

соответствующий возрастному составу всех работающих, не позволяет говорить о преобладании среди лиц, задержанных при совершении мелких хищений, какой-то одной возрастной группы, которую можно было бы считать наиболее криминогенной, и в связи с этим изучить более подробно.

Видимо, следует сделать вывод, что возрастной состав мелких расхитителей свидетельствует о наличии у них менее сложившихся взглядов, представлений, оценок, выработанной линии поведения.

Характеризуя социально-демографические признаки тех же лиц, следует отметить преобладание неполного среднего и ниже неполного среднего (т.е. ниже 7-8 классов) образования.

Если сравнить образовательный уровень расхитителей с образовательным уровнем всех работающих, то это сравнение будет свидетельствовать об отсутствии значительной разницы.

Здесь следует отметить, что уровень образования тесно связан с уровнем механизации производства. Существующий ныне уровень механизации на изученных нами предприятиях не требует более высокого образовательного уровня. А это в свою очередь влияет на многие другие аспекты характеристики личности правонарушителей (характер и содержание потребностей, отношение к различным социальным и моральным ценностям и т.д.).

Еще более важным, чем уже рассмотренные показатели, представляются нам данные о социальном положении и производственной деятельности расхитителей.

Как видно из учетных карточек УВО, лица, задержанные при попытке вынести с территории предприятия полуфабрикаты или готовые изделия, в основном являются рабочими, на втором месте - экспедиторы, далее - материально ответственные лица и инженерно-технические работники. (выборочное исследование).

Удельный вес каждой из этих категорий примерно соответствует их удельному весу среди работающих.

При этом выявляется одна тенденция: среди задержанных за мелкие хищения в течение 1971-73 гг. удельный вес материально-ответственных лиц и экспедиторов постепенно, но неуклонно сокращается. Особенно заметно сокращение удельного веса экспедиторов. В известной степени это можно объяснить тем, что лица, привлекавшиеся к ответственности за хищения,

как правило, на должности с материальной ответственностью вновь не принимаются. В последние годы это требование соблюдается особенно строго.

Существенным элементом характеристики расхитителей является также стаж их работы, в первую очередь, стаж работы на данном предприятии.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят о том, что более половины мелких хищений совершают лица, имеющие стаж работы на данном предприятии до 2-х лет.

На втором месте стоят лица со стажем 3-5 лет.

Лица с большим стажем работы имеют сравнительно небольшой удельный вес среди совершивших мелкие хищения. Здесь обнаруживается четкая тенденция: больший стаж работы - меньший удельный вес среди мелких расхитителей.

В какой-то мере малый стаж работы лиц, совершивших мелкие хищения, объясняется сезонностью производства, увеличением его объема в весенне-летний период, нехваткой рабочих рук, когда на мясокомбинаты приходит довольно много "случайных" работников, среди которых немало людей с весьма отрицательными общественно-производственными характеристиками.

Очень важным показателем, характеризующим личность, морально-политические позиции человека является его участие в общественной жизни. Данные, которыми мы располагаем, позволяют говорить в отношении лиц, совершивших мелкие хищения, об их пониженной общественной активности, об определенном отставании их морально-политического уровня.

Кроме того, среди лиц, задержанных за мелкие хищения, сравнительно велик удельный вес таких, которые в прошлом привлекались к судебной, административной, дисциплинарной и общественной ответственности.

Поскольку речь идет об имущественных правонарушениях, интересно проанализировать также данные о семейном и имущественном положении задержанных, мотивы совершения ими мелких хищений.

Среди задержанных (1973 г.): одиночек 30%; имевших на иждивении до двух человек - 55%; имевших на иждивении более двух человек - 13,8%. Следовательно, в основном это одиночки и малосемейные люди, не обремененные более или менее значительным количеством иждивенцев.

Как известно, наличие семьи, семейных отношений и обязанностей может двояким образом влиять на поведение человека.

С одной стороны чувство ответственности перед семьей, перед детьми может являться сдерживающим моментом, антикриминальным фактором. С другой — обремененность семьей, наличие определенных материальных трудностей в сочетании с некоторыми другими конкретными обстоятельствами может, наоборот, являться фактором криминальным.

Поэтому мы попытались выяснить уровень материальной обеспеченности правонарушителей, в первую очередь, размеры их заработной платы.

По размерам зарплаты задержанные за мелкие хищения распределяются так: более трех четвертых получали зарплату более 80 руб. в месяц. Значит для объяснения хищений какими-то особо стесненными материальными обстоятельствами расхитителей нет оснований. Но при этом следует отметить, что, по результатам опроса рабочих одного из мясокомбинатов, видно, что не все удовлетворены своей зарплатой.

Это, конечно, оценка субъективная и не отражает положения на всех изученных предприятиях, в отношении всех категорий работников, но полностью ее игнорировать было бы неправильно.

Если же говорить о мотивах совершения мелких хищений, то он фактически один: "Взял для своих нужд".

Рассматривая этот вопрос, видимо, нельзя не остановиться и на том факте, что лицам, совершающим мелкие хищения, присущ взгляд на государственное имущество (в данном случае продукция мясокомбинатов) как на источник весьма легко доступного, если не обогащения, то хотя бы пополнения своего бюджета.

Сотрудники Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, изучавшие причины хищений социалистического имущества, классифицировали эти причины.

Взяв за основу некоторые из схем, мы попытались тоже схематически изобразить некоторые социально-психологические аспекты личности мелкого расхитителя, какой она предстала перед нами в процессе изучения материалов о мелких хищениях на мясокомбинатах. Взгляды, представления лиц, совершивших мелкие хищения, можно изобразить с помощью схемы (схема №1), как и отношение расхитителей к социальным ценностям (схема №2).

К сожалению, привычки и склонности расхитителей (кроме склонности к пьянству), черты характера и некоторые другие аспекты характеристики личности расхитителей из-за ограниченности времени и материалов, которыми мы располагали, выразить схематически не представляется возможным.

Те данные, которые нам удалось получить, позволили сделать лишь некоторые в какой-то степени предварительные выводы о наиболее типичных для мелких расхитителей признаках.

В литературе высказаны разные, более или менее удачные точки зрения на вопрос о классификации преступников, в том числе, расхитителей¹, вопрос же о классификации правонарушителей, в частности, лиц, совершивших мелкие хищения, пока еще не ставится.

Думается, что, по изученным нами материалам, лиц, совершивших мелкие хищения, следует разделить на: 1) впервые совершивших правонарушения, 2) повторно совершивших правонарушения.

Совершивших мелкие хищения впервые можно считать по преимуществу случайными правонарушителями (по аналогии со "случайными" преступниками, термином, употребляемом в советской криминологии)², понимая под этим отсутствие более или менее устойчивых антиобщественных черт личности.

У лиц, задержанных за повторное совершение мелких хищений более определенная антиобщественная направленность по-

1 Филимонов В.Д. 'Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение. Томск, 1973, с. 10-12.

2 Там же.

ведения, проявляющаяся в неоднократном нарушении дисциплины, совершении аморальных поступков, мелких хищений,

Например, о более или менее стойкой антиобщественной направленности поведения можно говорить, на наш взгляд, в отношении таких лиц: забойщик скота - в течение одного года дважды наказывался товарищеским судом за мелкие хищения и имел выговор за участие в пьянке во время работы; работник транспортного цеха - в течение года тоже дважды был наказан товарищеским судом за мелкое хищение, за прогул - переведен на один месяц на нижеоплачиваемую работу; работник цеха медпрепаратов - в течение одного года дважды был наказан товарищеским судом за мелкое хищение, через два с половиной года вновь был наказан товарищеским судом за аморальное поведение в быту, через год и одиннадцать месяцев - опять за мелкое хищение и т.д.

Представляется, что в отношении мелких расхитителей (как и вообще правонарушителей), говоря об антиобщественной направленности поведения, следует принимать во внимание не только совершение мелких хищений, но и других антиобщественных поступков, в первую очередь, тех, на которые имелась определенная реакция общественности, администрации и т.д.

В заключение к перечисленным выше наиболее типичным признакам личности мелкого расхитителя нужно добавить следующее: в большинстве случаев это лица, впервые задержанные за совершение мелких хищений; хотя имеются и задержанные повторно (не только два, но и более раз).

Характеристика личности мелкого расхитителя, по изученным нами материалам, непосредственно связана со способом совершения правонарушения (преступления).

Особенностями личности во многом объясняются и способы мелких хищений на мясокомбинатах.

Выбор способа совершения мелкого хищения, как правило, в первую очередь зависит от свойств личности расхитителя. Уже сам тот факт, что человек совершает мелкое, а не более крупное хищение, свидетельствует о его сравнительно небольшой общественной опасности, о наличии тех черт, которые выражены схемами № 1 и № 2 в несколько приглушенном виде, не так ярко, как у лиц, совершающих крупные хищения. Особенно, если это не повторное хищение.

Об этом свидетельствует и тот факт, что большинство мелких расхитителей пассивно используют подходящую обстановку, условия работы и охраны производимой продукции, а не приспособливают ее, не стремятся изменить в своих интересах, т.е. не действуют активно, хотя имеются и такие случаи (вступление в контакты с охраной, порча ограды и т.п.).

Здесь же следует добавить, что мелкие хищения осуществляются, как правило, одним человеком (не группой), что тоже говорит о меньшей общественной опасности мелких расхитителей.

Все это позволяет утверждать, что мелкие расхитители, особенно те из них, кто совершает это правонарушение впервые, не обладают столь же ярко выраженными антисоциальными чертами, как расхитители социалистической собственности в более крупных размерах. Однако, определенное развитие антиобщественной направленности личности и здесь имеет место. Думается, что можно даже говорить об известной общественной деградации личности, когда совершение мелких хищений как бы теряет в ее глазах черты антиобщественного проступка (тем более - преступления), приобретая повседневную, бытовую окраску.

Такой вывод позволяет сделать как наличие нераскрытых мелких хищений, так и малочисленность зафиксированных фактов задержания общественностью лиц, совершивших мелкие хищения. Следовательно, те, кто совершает мелкие хищения отрицательно влияет на членов коллектива, в которых работают, создавая обстановку круговой поруки, определенного противопоставления интересов личности интересам общества, государства. Поэтому наряду с мерами по ликвидации "ситуации возможности" и внешних условий, способствующих совершению мелких хищений, представляется необходимым значительно углубить воспитательную работу.

Известно, что воспитание человека, формирование его сознания - сложный процесс, совершающийся под воздействием всей обстановки, в которой он живет и трудится.

Личность формируется, как известно, на протяжении всей

жизни человека, но основы закладываются в детстве и юности в семье, в школе, в трудовом коллективе.

Именно поэтому, как нам представляется, необходимо воспитательную работу на предприятиях дифференцировать по возрасту, особо уделяя молодежи. Формированием моральных, морально-политических качеств у поступающих на предприятия молодых рабочих должны целенаправленно заниматься комсомольские (в первую очередь) и профсоюзные организации под руководством партийных организаций.

Если молодых надо воспитывать, то людей зрелого возраста — перевоспитывать. Это, конечно, намного сложнее, требует повсеместной кропотливой работы. Однако, работу эту вести необходимо. Необходимо организовать борьбу против утвердившихся в сознании некоторой части работников взглядов на государственную собственность как на неиссякаемый источник личного обогащения; против позиции сторонних наблюдателей, видящих, что другой ворует, но не считающих своим долгом пресечь это, а если и пресекающих, то, "не вынося сор из избы", не доводя до сведения администрации.

Душается, что настало время отказаться от убеждения, что только заборы и охрана могут обеспечить сокращение и ликвидацию мелких хищений (а такое убеждение, к сожалению, имеет место в некоторых коллективах). Конечно, учет, контроль, охрана необходимы, но надеяться только на них нельзя. Это подтверждают многие криминологические исследования, в том числе и проведенное нами.

Учет, контроль, охрана имеют, на наш взгляд, двойное значение: во-первых, ликвидируют условия, способствующие совершению мелких хищений; и, во-вторых, что особенно важно в воспитательном плане, — формируют у рабочих уверенность, что государство заботливый хозяин, охраняющий свои богатства, результат труда рабочих.

Это требует и от администрации мясокомбинатов многого, в первую очередь, наведения порядка в хранении сырья и готовых изделий, сокращения до минимума сверхнормативных потерь и т.п.

Не углубляясь в эту проблему, подчеркнем, что в результате изучения мелких хищений мы пришли к твердому убеждению, что идейно-воспитательная работа должна строиться в

неразрывном единстве с организаторской и хозяйственной работой администрации и общественных организаций.

Мелкие хищения в последние годы, видимо, потому в какой-то степени и стабилизировались, их количество перестало так заметно сокращаться, как 6-7 лет тому назад, что сегодня возможности тех методов, с помощью которых ведется все эти годы борьба с мелкими хищениями, фактически уже недостаточны, имеют только сдерживающее значение.

Необходим более глубокий подход к этому явлению, выдвигание на первое место целенаправленной идейно-воспитательной работы, подкрепленной хозяйственно-организаторской работой.

Работа трудная, но без нее, как бы ни запирали, ни закрывали, ни охраняли, мясокомбинаты, да и другие предприятия, добиться желаемого результата невозможно. Нельзя надеяться исключительно на эффект устрашения (материальным взысканием, уголовным наказанием и т.д.), необходимо убеждение, воспитание, что, к сожалению, пока еще слабо используется в борьбе с хищениями на изученных нами предприятиях.

Высоко сознательный, политически зрелый человек не совершает правонарушений. Это подтверждает и опыт предприятий где партийные, профсоюзные активисты, общественники не совершат мелких хищений.

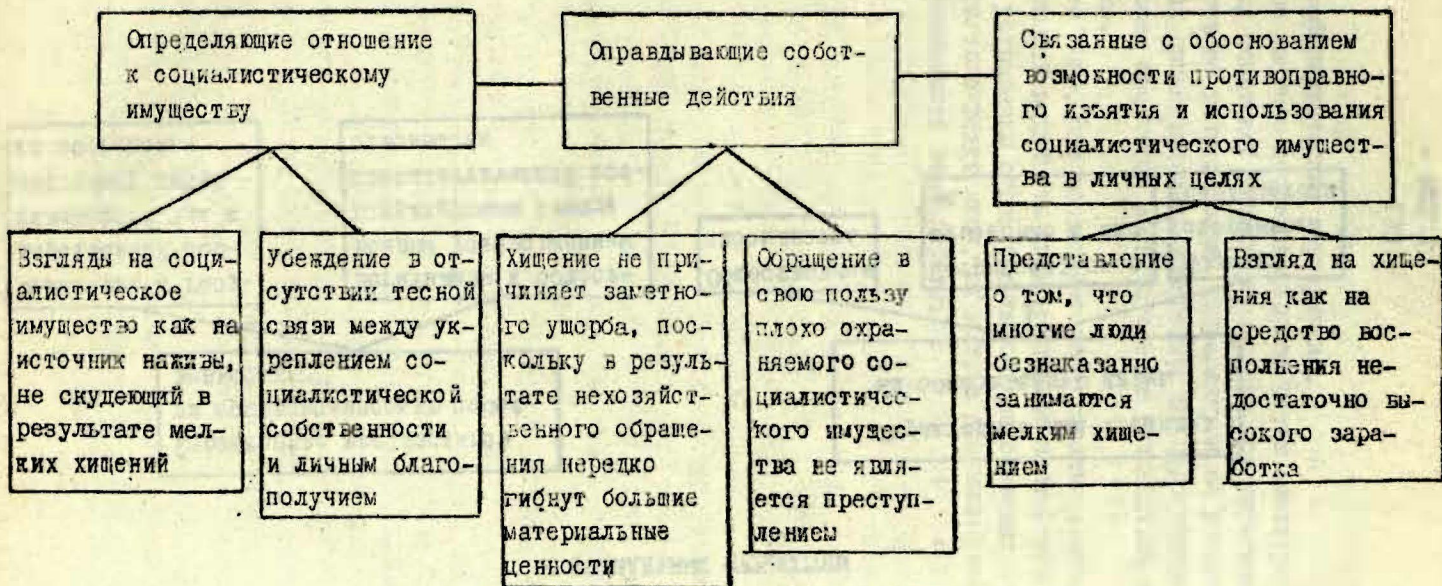
Это вытекает и из всех последних партийных решений, подчеркивающих, что главная особенность идеологической работы партии в современных условиях состоит в возрастании роли коммунистического воспитания, всех форм идейно-воспитательного воздействия на трудящихся, в идеологическом обеспечении задач экономического строительства.

Именно эту работу следует ставить в качестве важнейшего условия ликвидации причин (именно причин), порождающих хищения в мясной промышленности.

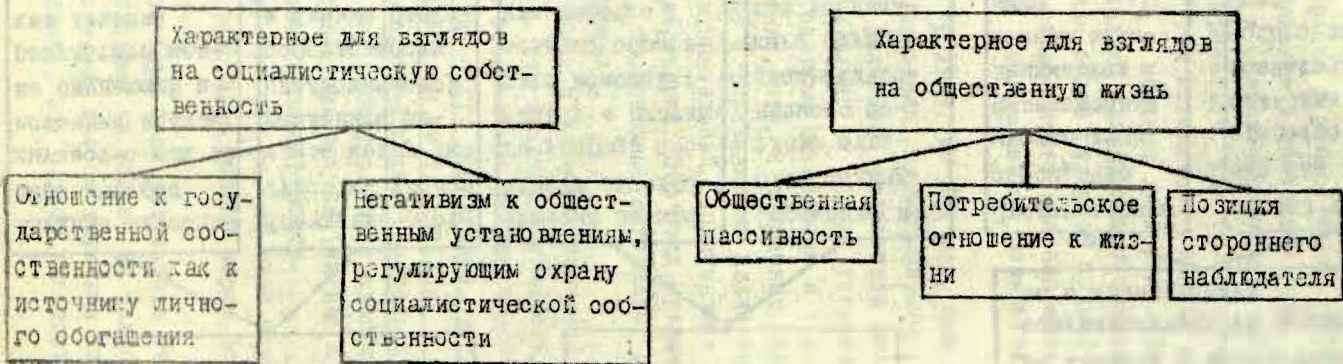
Понятно, что эта работа даст ощутимые результаты не сегодня и не завтра, а только через более или менее длительное время.

А до тех пор, пока результаты этой работы смогут проявиться, необходимо не только не ослаблять, но и усиливать борьбу с условиями, способствующими совершению хищений, рассматривая, однако, эту борьбу как составную часть всего ком-

ВЗГЛЯДЫ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ Мелкие хищения

ОТНОШЕНИЕ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ МЕЛКИЕ ХИЩЕНИЯ,
К СОЦИАЛЬНЫМ ЦЕННОСТЯМ

плекса профилактических мероприятий.

Наше частное исследование полностью подтверждает общий вывод советской криминологии, что предупредительная деятельность не только должна направляться на устранение объективных организационно-хозяйственных недостатков, но и иметь своим предметом воспитательное воздействие на саму личность.

Более того, оно заставляет воспитательное воздействие на личность выдвинуть даже на первое место, ибо всю работу по устранению организационно-хозяйственных и прочих недостатков тоже ведут люди, от них, в конечном счете, зависит эффективность этой работы.

Ю. ЧЕРНОШТАН
аспирант Латвийского государственного
университета

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ,
СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ "БЫТОВЫХ" УБИЙСТВ
/на материале конкретных уголовных дел/

В программе КПСС поставлена задача исключительной важности — на основе роста сознательности, материального и культурного уровня трудящихся создать условия для полного искоренения преступности в стране.

Общество, строящее коммунизм, должно быть избавлено от преступлений и, в первую очередь, таких опасных как убийства. Умышленное насильственное лишение человека жизни — убийство, вызывает наибольшее возмущение трудящихся и более строго карается законом.

Для наиболее эффективного решения поставленной Программой партии задачи полной ликвидации преступности необходимо знать причины, вызывающие совершение преступлений, глубоко изучить условия, способствующие их проявлению.

Хотя основные причины существования преступлений достаточно хорошо известны, надо глубоко изучить причины каждого конкретного преступления, тем более такого сложного как убийство. Без этого невозможна индивидуализация уголовного наказания, его справедливость, разумность, целесообразность, правильное исправительное воздействие на осужденного, невозможно установить условия, способствующие совершению убийств, и выработать меры по их ликвидации.

Убийства исключительно разнообразны по видам, мотивам, способам, причинам и условиям совершения, не говоря уж о лицах, совершающих подобные преступления.

Ясно, что убийство шофера-таксиста, покушение на убийство инкассатора с целью завладения крупной суммой денег и убийство сыном отца за истязание матери вызваны различными конкретными причинами и требуют неодинаковых мер предупреждения.

При изучении причин совершения убийств заслуживают внимания не только виды убийств, имеющие сравнительно большую распространенность, но и более редкие, так как принятие необходимых мер для предупреждения даже одного убийства означает возможность сохранения человеческой жизни. Именно по этим соображениям необходимо специально остановиться на причинах совершения столь тяжких преступлений как отцеубийства, хотя они и довольно редко встречаются.

В структуре преступности в Латвийской ССР умышленные убийства занимают одно из самых последних мест, из них доля отцеубийств по выборочным исследованиям незначительна.

Дадим краткую криминологическую характеристику отцеубийствам, которую мы получили при выборочном изучении уголовных дел указанной категории за 1970 - 1974 гг. по городу Риге.

Структура отцеубийств такова:

60% - умышленные убийства, (ст. 98 УК ЛатвССР);

20% - умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах (ст. 99 УК ЛатвССР)

20% - умышленные убийства, совершенные в состоянии сильного душевного волнения (ст. 101 УК ЛатвССР).

В динамике отцеубийств из-за небольшого количества этих преступлений затруднительно отметить какие-либо закономерности.

Субъектом преступления во всех случаях являлся сын потерпевшего.

Место совершения преступлений - квартира, где совместно проживали потерпевший и убийца (80%), и - квартира, где проживал потерпевший (20%). Все квартиры находились в благоустроенных домах в новых жилмассивах.

Время совершения преступлений - от 18 час до 22 час 30 мин; в рабочие дни - 60%, в выходные - 40%. При совершении преступления в каждом втором случае очевидцем происходящего была жена потерпевшего, в остальных случаях преступления совершались без свидетелей.

Непосредственно перед совершением преступления в 3/4 случаев потерпевший и убийца совместно распивали алкоголь-

ные напитки, причем, зачастую, и тот и другой выпивали и незадолго перед встречей. Каждый потерпевший систематически употреблял алкогольные напитки, тогда как только 1/2 часть убийц злоупотребляли алкоголем.

80% потерпевших подвергались административному наказанию за нарушение общественного порядка, находились в медвытрезвителе, осуждались за недостойное поведение в коллективах по месту жительства и работы. Аморальное поведение убийц наблюдалось в 40% от всех изученных случаев.

В 60% отцеубийств орудием преступления был нож, в остальных случаях руками были нанесены телесные повреждения, несовместимые с жизнью.

Возраст убийц от 24-х до 29 лет. 40% убийц ранее судимы за злостное хулиганство (по ч. 2 ст. 204 УК Латвийской ССР).

Все убийцы работали на промышленных предприятиях рабочими и в 4/5 по работе и месту жительства характеризовались положительно.

Ни один убийца не был членом ВЛКСМ или КПСС. 50% убийц имели образование 8 классов, остальные - законченное среднее образование.

Никто из убийц на момент совершения преступления не был женат и не имел своей семьи. 20% были ранее женаты, но впоследствии расторгли брак. Как указывалось, 80% убийц проживали в одной квартире с потерпевшим, так как не имели своей жилплощади и вынуждены были, несмотря на постоянные конфликты, проживать совместно с родителями.

Все преступники до совершеннолетия воспитывались в своих семьях, у родных отца и матери.

Среди потерпевших ранее судимых нет, в подавляющем большинстве это рабочие, беспартийные, образование 4-8 классов.

Почти во всех случаях другие члены семьи (мать, братья, сестры) преступника относились к нему с гораздо большим сочувствием, чем к потерпевшему, зачастую выдвигали в процессе следствия и рассмотрения уголовного дела в суде версии, ко-

торые оправдывали привлекаемого к уголовной ответственности. Так, по уголовному делу по обвинению Г. в убийстве своего отца (по ст. 98 УК Латвийской ССР), мать убийцы, после того, как сын убил её мужа у неё на глазах, не пустила сына идти в милицию и рассказать о содеянном. Она уговорила сына сообщить приехавшим по вызову врачам скорой помощи о том, что отец, якобы, пришел с улицы избитым, в комнате ему стало плохо и он скончался. Этой версии она придерживалась и на первом допросе у следователя, рассказав правду только после того, как ею была прослушана магнитофонная запись показаний сына, в которых он чистосердечно рассказал о совершенном им преступлении.

По ряду других уголовных дел родственники скрывали обстоятельства, уличающие преступника, утверждая при этом, что виноват в произошедшем потерпевший.

По 3/4 изученных уголовных дел потерпевший непосредственно перед убийством затевал ссору с женой или сыном. Ссора перерастала в драку, во время которой и совершалось убийство.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев убийца рос и воспитывался в созданной потерпевшим в семье атмосфере грубости, цинизма, физического насилия к женщине и детям, неуважительного отношения к обществу и его членам, распущенности, злоупотребления алкогольными напитками. Понятно, что это, в свою очередь, не могло не сказаться на взглядах, привычках, отношении к обществу и отдельным его членам со стороны будущего преступника.

Воспитание, условия, в которых живет индивидуум, в свою очередь, сказываются на его психике, а значит и на оценке жизненной ситуации и выборе поведения.

Приведем характерный отрывок из описательной части психиатрической экспертизы, где указывается на психическое состояние лица перед совершением преступления:

"В связи с длительной травмирующей семейной ситуацией испытуемый был в подавленном настроении, старался не бывать дома, его ничего не интересовало, стал замкнутым, не мог спать по ночам, был в постоянном напряжении, боялся отца".

Подобное состояние психики характерно для большинства отцеубийц.

На вопрос о причине совершения им преступления каждый второй убийца определяющим фактором, толкнувшим его на совершение преступления, назвал издевательское отношение отца к матери. Остальные, как на причину, указали на плохое отношение к ним отца.

В каждом случае отцеубийству предшествовали систематические скандалы между подсудимым и потерпевшим, драки, взаимные угрозы, вплоть до угрозы убийством.

Половина отцеубийц на вопрос (интервьюирование проводилось после суда в исправительно-трудовых учреждениях), как бы он поступил сейчас в той ситуации, когда им было совершено убийство, отвечал, что поступил бы так же, то есть все равно совершил бы преступление.

Этот ответ, как правило, мотивировался тем, что сын более не мог терпеть постоянных избиений матери отцом, скандалов, угроз, что в той, конкретной ситуации "никакого другого выхода не было", "последствия поступка были безразличны", "все равно, но только не такая жизнь". В основном, такое объяснение давали лица, совершившие убийство непосредственно после избиения матери отцом.

По 80% уголовных дел видно, что на потерпевших неоднократно жаловались члены семьи, соседи, которые требовали положить конец пьянству, домашним скандалам, дракам, зачинщиком которых выступал потерпевший. Жалобы, устные и письменные, поступали в домоуправления, по месту работы потерпевшего, в добровольную народную дружину района, участковым инспекторам милиции.

В 40% уголовных дел подобные жалобы поступали в связи с поведением убийцы.¹

---

¹ Вышеизложенные факты, криминологические данные, выводы о причинах совершения отцеубийств делаются по конкретным уголовным делам и не претендуют на освещение всех вопросов, связанных с отцеубийствами, не распространяются на все отцеубийства вообще.

Изучение материалов уголовных дел этой категории, беседы с обвиняемыми и осужденными, изучение семейного окружения, отношений с коллективом по месту работы, жилищных условий, воспитания, прежних судимостей, фактов привлечения к административной и общественной ответственности, — указывают на приблизительно одинаковые условия, в которых "оозревали" преступления, и, в основном, на одинаковые причины, их вызвавшие.

На основе имеющихся криминологических данных, попытаемся сделать выводы о некоторых причинах и условиях, способствовавших совершению изученных нами отцеубийств.

В основном — это те же процессы, которые вызывает и другие преступления против личности, а именно: "... неполадки в семье, отсутствие повседневного благотворного воздействия старших на подрастающее поколение, недостатки школьного воспитания, ... пьянство, неблагоприятные жилищные условия, недочеты организации досуга трудящихся, ... недостатки в работе исправительно-трудовых учреждений,"¹ материальные трудности, низкий культурный уровень преступников и так далее.

На наш взгляд, однако, перечень причин совершения отцеубийств будет неполным, если мы не включим в него виктимность потерпевшего.

Как указывалось, изучение уголовных дел по отцеубийствам показало, что потерпевшие в большинстве случаев пьянствовали, будучи пьяными, избивали жен и детей, недобросовестно относились к своим семейным обязанностям, не занимались воспитанием детей и не следили за их досугом, позволяли детям с раннего возраста употреблять алкогольные напитки.

Созданная потерпевшим неблагоприятная обстановка в семье, его антиобщественное поведение формировало основу будущего преступления.

¹ Пшонтковский А.А. Пути укрепления социалистического правопорядка. — Советское государство и право, 1967 № 1.

Наглядным примером подобного поведения потерпевшего олучит уголовное дело № 16142 по факту убийства гр-на Б. его сыном Геннадием.

В семье у Б. было четыре сына, Геннадий - старший. Ранее Геннадий был судим за соучастие в злостных хулиганских действиях на один год лишения свободы условно.

Как явствует из показаний членов этой семьи, родственников, соседей, сослуживцев по работе, Б. длительное время (более 20 лет) систематически пьянствует и избивает свою жену, часто меняет места работы из-за совершения прогулов и пьянства.

Между сыновьями и отцом сложились резко неприязненные отношения, причём чаще всего конфликты происходили между Б. и Геннадием, так как Геннадий, будучи самым старшим, с 14 лет пытался защищать мать от побоев, на почве чего у него происходили с отцом драки.

С ростом сыновей росла и неприязнь их к отцу, к его поведению. Б. неоднократно после ссор пытался зарезать Геннадия, угрожал ему убийством. Другой сын потерпевшего - Федор, встретив сильно пьяного отца на улице, предложил ему идти домой, а когда отец отказался, то Федор жестоко избил отца, который подал на сына заявление в милицию, в результате чего за "злостное хулиганство" Федор был осужден к двум годам лишения свободы. Б. продолжал пьянствовать и требовать от сыновей, чтобы освободили квартиру и не "мешали ему жить". Б. абсолютно не занимался воспитанием детей, не следил за тем, как они учатся и чем занимаются.

За день до убийства Геннадий вместе со своей невестой находился у себя дома. Пришел сильно пьяный отец и в грубой и циничной форме оскорбил сына и его невесту. Геннадий ушел из дома, не пришел он домой и ночевать.

Когда вечером следующего дня Геннадий, будучи в нетрезвом состоянии, вернулся домой, то он увидел следующую картину: мать без сознания лежала на диване, все лицо ее было синим от побоев. Геннадий спросил у одного из братьев: "Кто это сделал?". Брат показал на отца, тогда он схватил два ножа и убил отца, нанеся ему 15 коло-

то-резанных ран, причем семь из них были смертельны.

Совершенно очень тяжкое и строго караемое преступление. Суд учел все обстоятельства совершенного преступления и приговорил Геннадия к 5 годам лишения свободы.

Из приведенного примера видно, как потерпевший Б. своим антиобщественным поведением вызвал преступные действия со стороны сына, жертвой которых он сам и стал.

Именно под таким поведением, когда жертва провоцирует преступление, своим отношением, воздействием на преступника толкает последнего на совершение преступления, — мы и понимаем виктимность потерпевшего в качестве причины совершения преступления.

Говоря о непосредственных причинах совершения преступления, нельзя обойти вниманием роль потерпевшего в возникновении криминогенной ситуации, в генезисе преступного поведения.

"Наряду с изучением преступности и личности преступника должны быть также детально изучены личность жертвы и обстоятельства, в силу которых возникает категория людей — потерпевших от преступления. Речь идет не обо всех преступных посягательствах, а главным образом о тех, в которых действие (или бездействие) преступника в определенной степени детерминированы личностными качествами и поведением самих потерпевших".¹

Так, Фейербах, в своей книге "Документальное изложение знаменитых преступлений", рассказывая о случае отцеубийства, адресует жертве следующий упрек: "Он сам был причиной того, что с ним произошло и с моральной точки зрения ему принадлежит тяжелая ответственность за убийство".²

Виктимность потерпевшего — плод его поведения, поступков, негативного воздействия на совершившего преступление.

Виктимность потерпевшего — одна из непосредственных

---

¹ Франк Л. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972, с.15.

² Цит. по книге Франк Л. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972, с.15.

причин совершения преступления. Как это понимать?

Под причинностью марксистско-ленинская философия понимает необходимую связь явлений, из которых одно (причина) обуславливает другое (следствие).

Причина убийства отца Геннадием кроется в антиобщественном поведении потерпевшего, пьянствовавшего, терроризировавшего семью, внушавшего своим поведением ненависть к себе со стороны сына, который, не получив надлежащего воспитания, видя с детства вокруг себя примеры грубости, цинизма, физического насилия, был склонен разрешать любой конфликт при помощи силы.

Конфликтная обстановка в семье, в отношениях между родителями и их отношения к ребенку, вызванная антиобщественным поведением отца, — является корнями будущего преступления.

Виктимность потерпевшего Б., как непосредственная причина совершения отцеубийства включает не столько создание конфликтной ситуации и провокацию самого преступного действия, но и в значительной степени это есть поступки потерпевшего, которые в течение длительного времени вызвали, формировали, закрепляли антиобщественные взгляды и решимость совершить преступление у сына.

Виктимность потерпевшего как причина совершения преступления представляет собой воздействие на индивидуум, детерминирующее у последнего цель совершить преступление, объектом которого является сам воздействующий.

Причинная связь между виктимностью потерпевшего и преступлением выступает в такой форме причинной связи как статистическая закономерность.

Статистическая закономерность есть форма причинной связи, при которой данное состояние системы определяет все ее последующие состояния не однозначно, а лишь с определенной вероятностью, являющейся объективной мерой возможности реализации заложенных в прошлом тенденций изменения.

Преступное поведение может проявиться лишь в массе явлений, в статистической совокупности всех лиц, чья фор-

мирование происходило при неблагоприятных условиях. Действительно, конфликтных ситуаций в семьях, вызванных пьянством, драками, грубостью, невыполнением семейных обязанностей так называемого "главы семьи" мы наблюдаем несравнимо больше, чем фактов, основанных на подобных конфликтах, преступлений. Однако, именно совокупность этих "конфликтных" семей и порождает в своей массе большинство бытовых преступлений, в том числе и отцеубийств.

Преступное поведение не является необъяснимой случайностью, а в подавляющем большинстве случаев отражает устойчивые свойства данной личности и характерные особенности внешней среды.

Именно в негативном формировании свойств личности и создании неблагоприятной среды объективно проявляется victimность потерпевшего как непосредственная причина совершения преступления, в том числе и такого, как отцеубийство.

"Для нас безразлично, - отмечает Э.Ф. Побегайло в своей работе "Умышленные убийства и борьба с ними", - убит ли гражданин в связи с выполнением им общественного долга или убит хронический алкоголик, систематически терроризировавший свою семью".¹

Да, действительно, это безразлично для общества. И тем более в случае, когда поведение потерпевшего является непосредственной причиной совершения преступления, когда преступление спровоцировано самим потерпевшим.

Думается, что в этом плане было бы целесообразно в целях применения справедливого наказания, а также в целях превенции бытовых преступлений последовать предложению ученых - криминологов Степичева С., Мудьюгина Г., Комарова М. и дополнительно выделить в законе как менее опасные виды убийств - убийства, спровоцированные потерпевшим.²

---

¹ Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965, с.13.

² Степичев С., Мудьюгин Г., Комаров М. Ответственность за умышленное убийство в свете криминологического исследования. - "Советское государство и право," 1968, №3.

Ведь выделены, как менее опасные, и убийство матерью новорожденного ребенка, и убийство в состоянии сильного душевного волнения, и убийство при превышении пределов необходимой обороны.

Рассмотрение виктимности потерпевшего как обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность, актуально не только для убийств, но и для ряда преступлений, в частности, половых, однако, освещение этого вопроса выходит далеко за рамки статьи и мы не будем останавливаться на этом вопросе, так как он нуждается в глубоком, самостоятельном научном изучении.

Следует подчеркнуть, что изучение отцеубийств подтверждает положение о том, что нет и не может быть в преступнике отцеубийце каких-либо врожденных комплексов ненависти сына к отцу, которые, якобы, служат причиной совершения отцеубийств.

В этом отношении достаточно будет привести высказывание старейшего русского криминолога М.И.Гернета: "Если существует тип преступника, то объяснение этому надо искать не в атавизме, но во влиянии социальной среды, в воздействии на человека целого ряда условий, окружающих его со дня рождения и во время его детства, юношества и после".¹

Ненависть и преступление порождаются не врожденными инстинктами, а антиобщественным поведением отца, его жестокостью, грубостью, издевательством над членами семьи и тому подобным.

Одной из непосредственных причин, вызывающих совершение отцеубийств, является также и пьянство.

Связь пьянства с совершением преступления обуславливается тем вредным воздействием, которое алкоголь оказывает на деятельность центральной нервной системы в течение психических процессов. С ослаблением высших психических функций, происходящим под воздействием алкоголя, человек становится легкомысленным, вспыльчивым, эгоистичным, грубым,

---

¹ Гернет М.И. Избранные произведения, М., 1974, с.619.

перестает сдерживать себя и теряет контроль над своими действиями, при этом появляется неадекватность ответных реакций нервной системы на внешние раздражители.

Все изученные нами отцеубийства характерны тем, что как убийца, так и потерпевший в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения.

Объективная действительность детерминирует, определяет поведение человека двояко: непосредственно (влияние ситуации, в которой находится человек перед совершением преступления) и опосредствованно (предыдущее формирование личности).¹

Формирование личности отцеубийц происходило в семьях, где процветает пьянство и связанные с этим брань, побои подростка.

Родители убийцы малообразованны, малокультурны, зачастую свободное от работы время проводили за выпивкой, в которой с 13-14 лет принимали участие и их дети.

Особенно велика роль пьянства в перерастании криминальной ситуации в преступление.

Лицо, совершающее преступление, будучи в нетрезвом состоянии, в неблагоприятно сложившейся для него жизненной ситуации, вызывающей сильное психическое возбуждение, находясь под нарушающим нормальное функционирование нервной системы воздействием алкоголя, неадекватно оценивает и реагирует на сложившуюся обстановку и избирает преступное поведение — совершает убийство.

Наглядным примером является уголовное дело по обвинению Г. в убийстве своего отца.

Г. рос в семье, где отец и мать были хроническими алкоголиками, постоянно пьянствовали и, будучи пьяными, часто дрались между собой, при этом отец Г. сильно избивал его мать.

Г., который и по работе, и по месту жительства, характеризовался только с положительной стороны, не мог да-

---

¹ Криминология. Под ред. В. А. Кудрявцева. М., 1968.

лее выносить сложившуюся обстановку в семье и, несмотря на очень хорошие жилищные условия, уехал из Риги в другой город, где стал работать на стройке и жить в общешитии.

До своего отъезда Г. оказывал, как мог, воздействие на отца и на мать, не позволял им пьянствовать и драться, старался не допускать конфликтов между пьяными родителями.

Через некоторое время Г. решил навестить своих родителей и узнать, как они живут теперь. И отец и мать писали ему письма, в которых говорилось, что отношения между ними наладились, что они больше не пьют и в семье все нормализовалось.

Когда Г. пришел домой, то родители первым делом посадили его за стол и стали угощать алкогольными напитками. Не желая портить отношения, он стал выпивать вместе с родителями. Во время выпивки мать, когда отец выходил в другие комнаты, говорила сыну, что в семье все по-прежнему, отец как и прежде пьет и избивает ее. Г. решил это проверить сказав родителям, что ему подошло время ехать на вокзал, он ушел из дому. Будучи уже в нетрезвом состоянии, Г. еще выпил и через час неожиданно для родителей вернулся домой. Зайдя в квартиру, он увидел, что пьяный отец избил мать, которая лежала на полу и стонала. Г. набросился на отца и бил его до тех пор, пока тот не умер.

Г. неоднократно до этого был свидетелем драк между родителями, но, находясь в нормальном, трезвом состоянии он находил путь к тому, чтобы разрядить обстановку, успокоить родителей, теперь же, пьяный, он совершил убийство.

Одним из наиболее распространенных условий, при которых совершаются отцеубийства, является отсутствие должного реагирования со стороны общественных органов, ДНД, милиции и т.д. на предшествующее преступлению поведение не только обвиняемого, но и потерпевшего, причем потерпевшего - в первую очередь.

Из каждого второго уголовного дела видно, что как на потерпевших, так и на обвиняемых неоднократно поступали жалобы в домоуправления, ДНД, милицию в связи с их антиобщественным поведением, пьянством, домашними скандалами

и драками. Однако общественность, государственные органы своевременно не вмешались в незначительные, на первый взгляд, бытовые конфликты, которые в дальнейшем переросли в тяжкие преступления.

Примером подобному может служить уголовное дело по обвинению П. в умышленном убийстве своего отца.

Отец и сын пьянствовали, дрались между собой, создавая тем самым ненормальные условия жизни соседям, которые неоднократно жаловались на отца и сына в ДНД, домоуправление, милицию. Никаких мер к отцу и сыну П. принято не было. В результате одна из драк, последовавшая после очередной пьяной оргии, закончилась убийством отца.

Воздействие на перечисленные выше условия, а также своевременное вмешательство общественности и государственных органов в бытовые конфликты, реагирование на каждый случай антиобщественного поведения в быту, действенная борьба с алкоголизмом и бытовым пьянством, воздействие в общественном порядке по месту работы и жительства не только на возможного преступника, но, зачастую, и на потерпевшего, может значительно сократить круг рассматриваемых преступлений и, в конечном итоге, полностью их ликвидировать.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Деятельность органов расследования направлена не только на решение таких важных задач, как своевременное обнаружение преступлений и быстрое разоблачение лиц, их совершивших, но и на предупреждение преступлений. Именно профилактика преступных нарушений социалистической законности составляет наиболее важную сторону работы правоохранительных органов и особенно следственного аппарата.

Нельзя согласиться с существующим положением, когда в уголовно-процессуальном законодательстве и в большинстве теоретических работ вопросы деятельности органов расследования и суда по предупреждению преступлений рассматриваются только в общем плане.

В 1958 году впервые в законе была закреплена задача по предупреждению преступлений. В части второй статьи 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик указано, что судопроизводство должно способствовать предупреждению и искоренению преступлений. Кроме этой общей задачи по предупреждению и искоренению преступлений в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик получили также отражение обязанности лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда выяснять и принимать меры к устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Несомненно, что факт узаконения задачи судопроизводства по предупреждению и искоренению преступлений сам по себе является положительным и содействующим ликвидации правонарушений в стране.

Однако, поскольку законом не определен порядок и пути осуществления профилактической деятельности органов расследования и суда, вопрос о предупреждении преступлений в законодательном аспекте носит пока общий характер.

За 15 лет ныне действующие уголовно-процессуальные кодексы получили немало дополнений и изменений, но не в части

регламентации деятельности по предупреждению преступлений.

Исключительно важное значение в области профилактики правонарушений имеет деятельность органов расследования и суда по выявлению и устранению обстоятельств, породивших уголовно наказуемые действия /бездействия/, и по бесспорному мнению Г.Г. Зуйкова выяснение этих обстоятельств составляет одну из главных задач расследования.¹

М.С. Строгович обоснованно считает, что уголовное дело можно считать расследованным тогда, "когда следователь выяснил причины и условия, способствовавшие совершению преступления или затруднявшие его своевременное обнаружение и пресечение."²

Однако, как известно, уголовно-процессуальный кодекс Латвийской ССР также как и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик не включают в предмет доказывания причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Неоспоримо, что успешная борьба с преступностью предполагает обязательное устранение способствующих преступлению обстоятельств и поэтому никем не оспаривается необходимость устанавливать эти обстоятельства.³

Мы разделяем точку зрения авторов, считающих, что всякое обстоятельство, имеющее значение по делу, подлежит

1. Криминалистика, Под ред. Р.С.Белкина, Г.Г.Зуйкова.М., 1968, с.482.

2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.2, М., 1970, с. 67.

3. По мнению М.А. Чельцова, высказанному 25 лет тому назад, "органы следствия и суд обязаны выяснять те условия хозяйственной и служебной деятельности предприятий, учреждений и организаций, которые способствовали совершению преступления /постановка учета, документация и пр./". Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951, с. 151. Высказываясь за необходимость установления причин и условий, способствующих совершению преступлений, автор, однако не считает их предметом доказывания. Выявление и устранение причин преступлений М.С. Строгович считает первоочередными задачами органов расследования. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, с. 208.

доказыванию.¹ Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, также должны быть доказанными по каждому уголовному делу, так как это "обеспечивает возможность проверить выводы следователя, обоснованность его решения"² и принять меры к их устранению. Правильно утверждает И.И. Мухин: "До тех пор, пока доказательства не собраны, надлежащим образом не проверены следствием и судом, ни один факт, имеющий значение по делу, нельзя считать доказанным и установленным."³

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР в отличие от УПК Латвийской ССР включает обязанность выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в ст. 68 "Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу", но указывает при этом, что эти обстоятельства подлежат "выявлению", то есть не доказыванию. Правильным является предложение В.С. Зеленского о необходимости дополнить ст. 68 УПК РСФСР пятым пунктом в том смысле, что обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, подлежат доказыванию.⁴ Такую поправку следовало бы внести в УПК всех республик. Обязанностям лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда выяснять и устранять обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, в УПК Латвийской ССР посвящена отдельная статья /48/ под заглавием: "Выяснение и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления."

Деятельность органов расследования по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, должна осуществляться в формах и порядке, предусмотренных уго-

1. См. например: Советский уголовный процесс. Под. ред. Карева Д.С. М., 1975, с. 120.
2. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969, с. 21.
3. Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Изд-во Ленингр. ун-та, 1971, с. 56.
4. Зеленский В.С. Предупреждение преступлений следователем. Харьков, 1975, с. 32.

ловно-процессуальным законом, то есть посредством проведения следственных действий, истребованием и приобщением к делу различных документов /актов об обследовании, справок и т.п./.¹

Установление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, с последующим их устранением, является политически важной задачей, которую необходимо поставить в основу деятельности органов расследования.

Красяки марксизма учат, что в первую очередь борьба должна вестись с причиной, а не со следствием.²

Представляется, что правы авторы, подчеркивающие в своих трудах первостепенную задачу органов расследования и суда по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятию мер к их ликвидации.

Так, например, В. Теребилов пишет: "принятие мер к выявлению и устранению причин, способствующих возникновению опасных преступлений, должно быть не вспомогательным моментом в работе следователя, а составной частью следствия, не менее важной, чем исследование фактических обстоятельств самого преступления. Именно в этом залог успешного решения задачи быстрой ликвидации опасных преступлений."³

1. Подробнее См.: Якубович Н.А. Процессуальные средства и методика выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений. - В кн.: Выявление причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу. М., 1967, с. 42-43; Сергеев Л.А. - Деятельность следователя по предупреждению хищения, с. 57; Сыров А.П. Средства выявления в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел причин и условий, способствовавших хищениям, с. 13. - В кн.: Предупреждение хищений социалистического имущества. М., 1969.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 388.

3. Теребилов В. В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места преступности. - "Социалистическая законность", 1961, № II, с. 17; См. также Миньковский Г. Главное предостережение преступлений. - "Социалистическая законность", 1961, № II, с. 31-35; Советский уголовный процесс. М., 1953, с. 9-10. Николайчик Н.И., Матвиеенко Е.А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск, 1969, с. 58; Криминология, М., 1968, с. 199.

Пленум Верховного Суда СССР неоднократно указывал в своих постановлениях о необходимости выявления причин и условий, способствовавших совершению преступления по уголовным делам. Так, например, Верховный суд СССР в своем постановлении № II от 13 декабря 1974 года о судебной практике по делам о спекуляции записал: "При рассмотрении дел о спекуляции необходимо выявлять причины и условия, способствовавшие совершению этого преступления. В случаях установления недостатков в организации торговли, фактов нарушения правил продажи товаров, попустительства спекулянтам со стороны отдельных должностных лиц и т.п. принимать меры к устранению этих недостатков и привлечению виновных в зависимости от содеянного к дисциплинарной или уголовной ответственности."¹

То, что профилактика занимает и должна занимать в деятельности административных органов, прокуратуры и суда основное место, является закономерным требованием в социалистическом государстве. "Наряду с применением мер наказания, предусмотренных законами, у нас проявляется все большая работа о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить."²

Интерес ученых юристов и практических работников к исследованию проблем предупреждения преступлений с каждым годом ширится и углубляется.

1. "Бюллетень Верховного суда СССР", 1975, № 1, с. 15-16; См. также: "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1965, № 2, с. 35; 1967, № 3, с. 37; 1962, № 3, с. 22.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 81.

Известно, что быстрое и результативное расследование каждого преступления играет большую профилактическую роль, "является наиболее действенным методом предупреждения преступления"¹, и, наоборот, неоперативное расследование или вообще нераскрытое преступление создают обстановку безнаказанности и могут послужить обстоятельствами, способствующими совершению других преступлений.

Глубокий смысл предупреждения преступных проявлений заложен в известном высказывании В.И. Ленина о том, что важно, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым.²

Осуждение преступника также играет профилактическую роль:

1. Воздерживает осужденного от совершения дальнейших преступлений.
2. Предупреждает других граждан от совершения преступлений.
3. Дает возможность разрабатывать мероприятия превентивного характера с учетом результатов процесса отбывания наказания и перевоспитания преступника.

Исследуя проблемы предупреждения преступлений в стадии предварительного расследования, в первую очередь необходимо иметь ясность в вопросах предмета предупреждения, пределах и специфики предупредительной работы. Именно эти вопросы рассматриваются большинством авторов, посвятивших свои труды профилактике преступлений. Каждая наука определяет предупреждение преступлений в своем аспекте и ставит свои задачи. Определенное положение по предупреждению преступлений сложилось в науке криминалистике.

На этапе зарождения советской криминалистики вопросы

1. Митричев С.П. Привлечение общественности к расследованию преступлений. - "Советское государство и право," 1959, № 10, с. 83.

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 4, с. 412.

предупреждения на ставились; что несомненно было недооценкой столь необходимой и важной задачи в борьбе с преступностью.

На задачу криминалистики по предупреждению преступлений впервые указал А.И. Винберг в своём определении советской криминалистики в 1950 году.¹

Однако и после этого, как 18 лет спустя оправедливо отмечал Р.С. Белкин, вопросы профилактики "практически не разрабатывались и решению данной задачи в криминалистической литературе внимания почти не уделялось."²

Проблемы предупреждения преступления в криминалистике стали предметом широкого исследования после того, когда действующее уголовно процессуальное законодательство обязало выявлять и устранять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, в стадии предварительного расследования и в суде.

За 15 минувших лет со времени вступления в силу новых уголовно-процессуальных кодексов написан ряд значительных работ в области криминалистики по вопросам предупреждения преступлений профессорами П.С. Митричевым, Р.С. Белкиным, А.Н. Васильевым, Г.Г. Зуйковым, В.Г. Танасевичем, В.К. Звирбуль, Г.М. Миньковским. Разумеется, что не всё или не все основные проблемы получили свою развернутую и глубокую разработку. Практические работники еще далеко недостаточно вооружены действенными рекомендациями по профилактике нарушений законов и надо признать, что работа органов расследования по предупреждению преступлений проводится в недостаточных масштабах.

Мало внимания уделяется исследованию вопросов о понятии предупреждения преступлений в криминалистике и пределах деятельности органов расследования по предупреждению

1. Криминалистика. Под ред. А.И. Винберга, С.П. Митричева. М., 1950, с. 4

2. Криминалистика. Под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М., 1968, с. 15

преступлений в стадии предварительного расследования, что является, в известной мере, тормозящим обстоятельством проведения исследований других проблем превенции преступлений и разработки конкретных рекомендаций.

В криминалистической литературе пока только В.Ф. Зудин одделал попытку дефинировать предупреждение преступлений. Он пишет: "Под предупреждением преступлений в советской криминалистике следует понимать специальную систему процессуально-тактических, научно-технических, частно-методических и организационно-воспитательских средств и методов, с использованием общественных форм воздействия по установлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений."¹

Из данного определения следует, что предмет криминалистики в области предупреждения преступления составляют средства и методы по установлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, т.е. в одном, но главном направлении. Однако, в расшифровке своего определения автор говорит не только о выявлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, но и о других задачах по предупреждению преступлений: разработке технических средств предупреждения подделок документов, организации правовой пропаганды и политико-воспитательной работы среди населения и т.д.² В свете этого следовало бы расширить и содержание понятия о предупреждении преступлений в криминалистике.

Не вдаваясь в подробный анализ дефиниции В.Ф. Зудина и соглашаясь в целом с рецензией А.Н. Васильева и Н.П. Яблокова³, необходимо в целом положительно оценить первую

1. Зудин В.Ф. Предотвращение и расследование преступлений. Изд. Саратовского у-та, 1963, с. 79.

2. Там же, с. 80-83.

3. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. [Рец. на кн.] Зудин В. Предотвращение и расследование преступлений. - "Социалистическая законность", 1964, № 9, с. 91.

попытку определить предмет предупреждения в криминалистике.

Безусловно, задача по установлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, составляет весьма важную сторону деятельности органов расследования и суда и поэтому наука криминалистика обязана должное внимание уделять исследованию и разработке наиболее эффективных форм и методов осуществления мероприятий по выявлению и устранению этих причин и условий.

Успешная борьба с преступностью невозможна, да и немислима, без выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, а единственные государственные органы, на которые законом возложена обязанность устанавливать способствующие преступлениям обстоятельства, являются органы предварительного расследования и суд. Последний располагает в судебном заседании весьма ограниченными возможностями для установления причин и условий, способствовавших совершению преступления и поэтому, в основном, делает свои выводы по материалам уголовного дела, собранным в стадии предварительного расследования и проверенным в суде. В случаях неполноты данных об обстоятельствах, склонивших подсудимого к преступлению, суд, как правило, возвращает дело на дополнительное расследование, не имея возможности восполнить пробелы путем судебного разбирательства.¹

Лицо, расследующее преступление, является, таким образом, по существу единственным и основным, который сталкивается с первоисточниками обстоятельств, приведших человека к совершению преступления. От работы органов расследования зависят направления, в которых следует осуществлять мероприятия по предотвращению преступлений. Поэтому трудно переоценить роль и возможности предварительного расследова-

1. См. также: Чеджемов Т. Суд должен активно исследовать обстоятельства дела. - "Социалистическая законность", 1970, № II, с. 26.

ния в деле выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Наиболее полно и точно выявить обстоятельства, обуславливающие совершение конкретного преступления, возможно только криминалистическими средствами и методами в процессе расследования. Именно производство следственных действий по сбору доказательств того, почему совершилось общественно-опасное деяние, дает ключ к установлению истины.

Следует подчеркнуть, что каждое преступление имеет свои особенности, каждый преступник — индивид. Поэтому необходимо по каждому уголовному делу выявлять обстоятельства, которые с учетом характеристики преступника привели лицо к совершению преступления. Необходимо изучать конкретные причины, вызвавшие определенное преступление в определенных условиях.

От быстроты, оперативности и мастерства следователя, от своевременности производства тех или иных мероприятий по сбору доказательств о причинах и условиях, способствовавших совершению расследуемого преступления, зависят качество и полнота выявления этих причин и условий. В результате некачественной или запоздалой деятельности следователя могут быть утрачены важные доказательства, свидетельствующие об обстоятельствах, в силу которых было совершено преступление и которые в дальнейшем могут составить невосполнимый пробел в установлении истины по уголовному делу. Это значит, что нельзя будет ликвидировать причины и условия, способствовавшие совершению преступления. Это значит также, что будет нарушено требование закона о выявлении и устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и вместе с тем ослаблена борьба с преступностью. Поэтому необходимо полагать, что вся работа следователя в стадии предварительного расследования преступлений от начала до конца должна быть пронизана выполнением задачи по выявлению этих обстоятельств.

Кроме того, что работа следователя по выявлению причин

и условий, способствовавших совершению преступлений является весомой, следователь первым сталкивается с возможностью принять меры к устранению установленных причин и условий.

Учитывая, что успешное раскрытие преступления уже само по себе является важным фактором предупреждения других преступлений и что в процессе предварительного расследования устанавливаются причины и условия, способствовавшие совершению расследуемого преступления и возможно способствующие другим, работа следователя в области предупреждения преступлений значительна по объему и значению.

В целях выявления обстоятельств, приведших к расследуемому преступлению, следователь производит следственные действия и проводит другие мероприятия. Разработанные криминологией понятия причины, условий, обстоятельств преступления и другие ее положения составляют теоретические предпосылки деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений. Криминологическая характеристика преступника, данные об основных обстоятельствах совершения преступлений имеют большое значение не только для профилактики, но и, в первую очередь, для раскрытия преступления. Криминология и криминалистика тесно связаны. Последняя является основным поставщиком "сырья" для криминологических исследований. Это и материалы уголовных дел и лица, изобличенные в совершении преступлений. Правильно указывает на связь между криминалистикой и криминологией В.Н. Кудрявцев: "Материалы конкретных дел лежат в основе широких криминологических обобщений."¹ "Уголовно-правовые науки /уголовное право, уголовный процесс и криминалистика/ имеют определяющее значение для криминологии", замечает А.А. Герцензон.²

1. Советская криминология. Отв. редакторы: А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. М., 1966, с. 185.

2. Там же, с. 15-16.

Можно уверенно сказать, что в области выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений, следователь выполняет основную, наиболее трудоемкую, и очень ответственную работу. Применяемые им при этом криминалистические методы являются наиболее эффективными и установленные факты наиболее точными. Криминология такими средствами не располагает и поэтому основой для своих исследований берет данные уголовных дел. Именно деятельность органов предварительного расследования предопределяет сумму факторов, играющих роль в разработке и осуществлении мероприятий по предупреждению преступлений.

Предупреждение /профилактика или превенция/ преступлений в криминалистике не может ограничиться только проблемами установления и принятия мер к устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

Еще в 1961 году В.П. Колмаков, не определяя понятие предупреждения преступлений, правильно полагал, что к предмету криминалистической профилактики должны относиться приемы и средства, разрабатываемые криминалистикой и направленные на выявление, исследование и устранение причин и условий, способствующих преступлениям, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений", и что содержание криминалистической профилактики необходимо строить с учетом целого ряда положений, касающихся задач расследования преступлений, необходимости установления способствующих преступлениям обстоятельств, способов совершения преступления, анализа преступности и т.д.

Предупреждение преступлений — это многоплановое понятие и в широком смысле охватывает систему экономического, культурного, воспитательного и правоохранительного порядка.

1. Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. — "Советское государство и право", 1961, № 12, с. 107-109.

Задачи же криминалистики не столь обширны, они имеют свою специфику и направленность.

С.П. Митричев называет три основные стороны роли криминалистики в предупреждении преступлений: 1/ высокий уровень раскрываемости преступлений; 2/ выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений и 3/ разработка научно-технических средств, препятствующих совершению преступлений.¹

Как на задачу в области предупреждения преступлений Р.С.Белкин совершенно правильно указывает на выявление и устранение обстоятельств, способствовавших сокрытию преступлений.

Он пишет: "Задачей криминалистики является разработка только криминалистических средств и приемов предотвращения преступлений, которые могут быть подразделены на средства и приемы установления причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, средства и приемы криминалистической защиты различных объектов от преступных посягательств".²

Практика показывает, что в большинстве случаев хищений социалистического имущества, убийств, спекуляции, краж личного имущества граждан и должностных преступлений преступники, как правило, заранее обдумывают и подготавливают возможности сокрытия преступления, хранения и сбыта похищенных ценностей, симуляции самоубийства или несчастного случая, изготовления фиктивных документов и т.д. и только после обеспечения этих возможностей совершают преступления. Такие обстоятельства сокрытия преступления, как правило, носят по существу характер условий, способствующих совершению, а не сокрытию преступлений, т.е. в отсутствии возмож-

1. Криминалистика. Отв.редакторы: С.П.Митричев, И.П.Шаламов. М., 1966, с. 6.

2. Криминалистика. Под ред. Белкина Р.С., Зуйкова Г.Г. М., 1968, с. 15.

ности скрыть преступление, оно не было бы совершено. Но немало случаев, когда вопросы сокрытия преступления преступником решаются уже после совершения преступления, и тогда в полную силу встает необходимость выявлять именно обстоятельства, способствовавшие сокрытию преступления, и принимать меры к их устранению, что, безусловно, будет содействовать предупреждению совершения других преступлений. С исследования обстоятельств, способствовавших сокрытию преступления, как правило, начинается раскрытие преступления. Следует отметить, что в криминалистической литературе необоснованно мало внимания уделяется вопросам /понятию, умыслу, способам/ сокрытия преступлений. Сюда относятся и проблемы так называемых латентных преступлений.

Анализируя приведенные и иные точки зрения, получившие свое отражение в криминалистической литературе, о задачах криминалистики в области предупреждения преступлений, можно отметить, что все они сходятся на том, что: 1/ криминалистика участвует в предупреждении преступлений своими, только ей свойственными, криминалистическими средствами и методами; 2/ основным направлением в криминалистике по предупреждению преступлений является выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений; 3/ криминалистика разрабатывает специальные средства защиты отдельных объектов от преступных посягательств. Более узкий круг задач криминалистики в области предупреждения преступлений определяет проф. А.Н. Васильев, считающий, что выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, относится к компетенции криминологии.¹ Что же касается криминалистики, то А.Н. Васильев полагает: "к компетенции криминалистики в области предупреждения преступлений, но не методи-

1. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. - "Социалистическая законность", 1975, № 4, с. 62.

ки расследования, а криминалистической техники, относится разработка лишь таких предупредительных мер, которые требуют специальных средств и методов криминалистической техники..."¹

Представляется, что автор неоснованно сужает круг задач криминалистики по предупреждению преступлений и усматривает их только в свете разработки мероприятий средствами криминалистической техники.

Криминология призвана изучать причины преступности и разрабатывать пути ее ликвидации, однако остоятельства, способствовавшие совершению преступлений, в основном выявляются в стадии предварительного расследования и криминалистическими методами, также как и состав преступления, изучаемый уголовным правом. Поэтому криминалистика разрабатывает методы и пределы работы следователя по предупреждению преступлений и почти все определения методики расследования отдельных видов преступлений подчеркивают эту деятельность следователя. Особенности выявления причин и условий, способствовавших совершению конкретного преступления, уместно рассматриваются в части методики науки криминалистики.

Криминология исследует материалы уголовных дел и другие фактические данные о причинах преступности и разрабатывает теоретические основоположения, составляющие характеристики причин и условий, способствующие совершению отдельных видов преступления, которыми руководствуется лицо, расследующее конкретное преступление, так как нельзя "правильно определить пути расследования преступлений, не зная причин, порождающих эти преступления"² и вместе с тем ус-

1. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. "Социалистическая законность",

1975, № 4, с. 62.

2. Голуновский С.А., Шарев Б.М. Криминалистика. М., 1939, с.5.

пешно выявлять обстоятельства, породившие данное преступление.

Говоря о соотношении криминалистики и криминологии, немецкий криминолог Дж. Лекшас отмечает, что криминалистика наравне с криминологией занимается причинами преступности и что в задачу криминалистики входит разработка приемов и технических средств, применяемых органами расследования для выявления причин и условий конкретных преступлений.¹

Разумеется, что разработка конкретных путей устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, зависящая от государственных и общественных организаций и решаемая в масштабе общегосударственных мероприятий, не оставляет задачу криминалистики.

Необходимо отметить, что ранее А.Н. Васильев рассматривал задачи криминалистики в предупреждении преступлений значительно шире. Совершенно правильно он считал, что криминалистика устанавливает причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, с помощью тактических и технических приемов и средств и разрабатывает меры по устранению этих причин и условий.²

Кроме задач по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и разработке средств и приемов криминалистической защиты объектов, понятие предупреждения преступлений в криминалистике должно нацеливаться на быстрое, всестороннее и полное раскрытие преступлений, являющееся важным фактором профилактики, а также на правовое воспитание лиц, вовлеченных в орбиту предварительного расследования.

1. Erich Buchholz, Richard Hartmann, John Lekschas. *Sozialistische Kriminologie*. Berlin, 1966, S. 33.
2. Криминалистика. Отв. ред. А.Н. Васильев. Изд-во Московского ун-та, 1971, с. 9-10, 429. См. также: Васильев А.Н. Следственная тактика и ее место в системе криминалистики. - В кн.: Советская криминалистика на службе следствия. 1961, вып. 15. М., с. 11. Васильев А.Н. Проблемы советской криминалистики. - "Социалистическая законность," 1973, № 3, с. 30; Васильев А.Н. Предупреждение преступлений. М., 1963, с. 16-17.

Задачи профилактики преступлений решаются, таким образом, в сферах всех трех частей криминалистики: техники, тактики и методики и, поскольку в каждой из них решаются как общие так и частные вопросы /без чего не может быть теории профилактики/, то представляется целесообразным все общие вопросы объединить в одном месте.

15 лет тому назад В.П. Колмаков писал: "Необходимо отметить также и то, что до настоящего времени в курсах криминалистики нет не только отдельной части, но даже главы по криминалистической профилактике." Он предлагал создать самостоятельную четвертую часть в системе науки советской криминалистики по методике криминалистической профилактики.¹

А.Н. Васильев также обоснованно отмечал, что вопросы предупреждения преступлений еще не получили своего места в предмете криминалистики и что это "сложная, пока еще не разрешимая задача."²

Работа органов расследования по предупреждению преступлений является одной из функций их уголовно-процессуальной деятельности, при чем очень важной, практически необходимой и незаменимой.

Работа следователя по предупреждению преступлений имеет свои особенности, закономерности, формы и методы. В деле предупреждения преступлений в стадии предварительного расследования накоплен уже немалый практический опыт. Создано значительное количество теоретических работ, посвященных предупреждению преступлений в деятельности органов расследования, однако и сегодня в системе науки криминалистики нет специального раздела, посвященного вопросам предупреждения преступлений.

1. Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений. - "Советское государство и право", 1961, № 12, с. 107-108.

2. Васильев А.Н. Следственная тактика и ее место в системе криминалистики. - В кн.: Советская криминалистика на службе следствия, 1961, вып. 15, М., с. 12.

В учебниках криминалистики последних лет в части методики делается попытка осветить особенности и наиболее важные направления предупреждения отдельных видов преступлений, однако отсутствуют общие положения предупреждения преступлений.

С предложением В.П. Колмакова можно огласиться в том, что необходимо отвести отдельное место столь важной теме, какой является профилактика преступлений, но она пока не может составить равнозначную часть в системе науки наряду с техникой, тактикой и методикой, во всяком случае с учетом практического опыта и теоретических разработок на сегодня. С уверенностью можно полагать, что со временем будут глубоко исследованы особенности профилактики при производстве отдельных следственных действий, накоплен и обобщен богатый практический опыт о предупредительных мерах по отдельным видам преступлений, разработаны наиболее эффективные приемы выявления обстоятельств, способствующих совершению и сокрытию преступлений, изучены наиболее целесообразные формы привлечения общественности и т.д. и тогда предупреждение преступлений составит самостоятельную часть советской науки криминалистики.

В пользу включения отдельной темы (главы, раздела) в науку криминалистику, посвященной вопросам предупреждения преступлений, говорит также предложение Д.Я. Мирского о разработке мероприятий по профилактике отдельных видов или групп однородных преступлений, решая в комплексе технические, организационные и другие вопросы. Он пишет: "Криминалистика должна, по нашему мнению, сосредоточить свое внимание главным образом на профилактике отдельных видов преступлений, либо групп однородных преступлений /например, создание технических средств, препятствующих взлому замков, подделке документов и т.д., выработка организационных мероприятий, затрудняющих хищения и т.п./". Криминалистика призвана разрабатывать пути и способы выявления в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступлений, предлагать меры,

направленные на устранение этих причин и условий."¹

Повышение научного уровня криминалистики и расширение круга ее проблем диктуются в первую очередь необходимостью усиления эффективности борьбы с преступностью, вооружая органы расследования новыми средствами, формами и методами раскрытия преступлений.

Таким образом, в настоящее время созрела настоятельная необходимость в широком фронте исследований проблемы профилактики преступлений в стадии предварительного расследования и сказанное дает основание для предложения о создании специального, самостоятельного раздела криминалистики: "Общие положения предупреждения преступлений." Поскольку общие положения дают направление частным вопросам, то и общие положения профилактики следует поместить перед криминалистической техникой, тактикой и методикой расследования отдельных видов преступлений, как это правильно сделал П.И. Тарасов - Родионов в своей монографии "Предварительное расследование" /М., 1955/ и как справедливо предлагал С.С. Степичев.²

В связи с данным предложением возникает вопрос о самой системе криминалистики, неоднократно затронутой в литературе. Криминалистика, непрерывно развиваясь, пополнилась новыми положениями, не выписывающимися в сложившиеся понятия криминалистической техники, следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений, поэтому в поисках выхода одни авторы необоснованно расширяют эти понятия, другие же предлагают усовершенствовать систему криминалистики. Обусловленный объем данной статьи не позволяет остановиться на отдельных концепциях. Однако, несомненно одно, что существующая последние тридцать лет система криминалистики в настоящее время уже не в состоянии без ущерба для себя впитывать

¹. Мирский Д.Н. Некоторые вопросы методики расследования отдельных видов преступлений в свете ленинского принципа неотвратимости наказания. - В кн.: Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972, с. 39.

². Степичев С.С. О системе советской криминалистики. - "Правоведение", 1968, № 4, с. 78.

поток интенсивно разрабатываемых советскими учеными новых проблем и, следовательно, служит известным тормозом дальнейшего прогресса этой науки.

Представляется, что систему криминалистики можно было бы конструировать из общей и особенной частей, как это было ранее, но в ином качестве.

Такая система, присущая целому ряду правовых наук, с одной стороны, дает возможность четко отмежевать общие, основные положения от частных, сугубо специальных вопросов и, с другой стороны, обеспечивает простор для криминалистических исследований любых проблем, не ограничивая их рамками техники, тактики или методики.

Общую часть криминалистики могли бы составить: учение о предмете, задачах, системе и методе советской криминалистики; идентификация в криминалистике; общие положения предупреждения преступлений; назначение и проведение экспертиз; привлечение общественности к расследованию и предупреждению преступлений; основы НОТ следователя; основы планирования и др.

Особенную часть криминалистики должны составить криминалистическая техника, следственная тактика и методика расследования отдельных видов преступлений.

Общие положения предупреждения преступлений могли бы составить понятия, цели и задачи предупреждения преступлений; значение и роль быстрой и полной раскрываемости каждого преступления в предупреждении других преступлений; основные направления /предмет и пределы исследования, тактические приемы/ деятельности органов расследования по выявлению обстоятельств, способствовавших преступлениям, и их устранению; криминалистические средства и методы предотвращения преступлений; основные формы привлечения общественности к предупреждению преступлений; значение и формы воспитательной деятельности следователя в процессе производства отдельных следственных действий в свете предупреждения преступлений.

Частные же вопросы предупреждения преступлений уместно рассматривать соответственно в криминалистической технике, следственной тактике и методике расследования отдельных видов преступлений. Так, например, работу следователя по выявлению причин и условий, способствовавших совершению расследуемого преступления, определит тактика осмотра, обыска, допроса свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, тактика производства эксперимента и т.д. По-разному проявляется профилактическая работа следователя во время допроса свидетеля и обвиняемого. Свою специфику имеет предупредительная работа при расследовании хищений государственного и общественного имущества, убийства, аварий на автотранспорте и т.д. Следовательно, и участие общественности в профилактике имеет свои особенности.

Разработка защитных средств от подделки документов, фотографические устройства охраны объектов и т.д., не может быть осуществлена в отрыве от криминалистического исследования документов, судебной фотографии и т.д. Таким образом, техника, тактика и методика дают конкретные содержания превентивным мероприятиям в деятельности органов расследования.

Термин "криминалистическое предупреждение преступлений", впервые употребленный В.П. Колмаковым, следует считать условным, хотя он звучен и как будто бы подчеркивает специфику предупредительной деятельности в стадии предварительного расследования, однако, представляется, что предупреждение преступлений не может быть "криминалистическим", "криминологическим", "уголовно-процессуальным", "педагогическим" и т.д. Криминалистическими могут быть формы, средства и методы, применяемые для предупреждения преступлений. Поэтому может быть речь о предупреждении преступлений в криминалистике.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вопросы уголовного права

1. М.И.Блум. Установление закона, смягчающего наказание..... 3
2. О.В.Рудзитис. Квалификация мошенничества, сопряженного с подделкой и использованием поддельных документов. 23
3. В.А.Лихолая. Юридический анализ квалифицированного вида угона средств механического транспорта. 29
4. У.Я.Крастиньш. Спорные вопросы применения дополнительных мер наказания за преступления в области охраны природы. 47
5. А.Цветинович. О Проблемах замены неотбытой части наказания более мягким наказанием. 58
6. А.А.Рейгас. Уголовное право Латвии в период проведения Великой Октябрьской Социалистической революции /ноябрь 1917 - февраль 1918/. 74

Вопросы уголовного процесса

7. М.Шешуков. О понятии "участники процесса" по уголовно-процессуальному законодательству. 92

Вопросы криминологии

8. Э.Я.Стумбина. Мелкие хищения социалистической собственности /по материалам выборочного исследования/. I06
9. Ю.Черноштан. Некоторые причины и условия, способствующие совершению "бытовых" убийств /по конкретным уголовным делам/. I34

Вопросы криминалистики

10. И.Т.Индулен. К вопросу о месте предупреждения преступлений в системе криминалистики. I48

Ученые записки, том 258

ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Редакторы: С.Граушманс, Р.Довгополова
Технический редактор Л.Овола. Корректор Л.Овола
Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1976

Подписано к печати 30.12.1976. ЯТ 12321. Вяз. №1547
Бумага №1. Ф/с 60x84/16. Физ.п.л.10,0. Уч.-и.л. 7,7
Тираж 400 экз. Цена 77 к.

Отпечатано на ротаринта, Рига-50, ул.Вейденбаума,5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки